

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

2

БАКУ • 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1988

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Щербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabyev (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

К. М. МУСАЕВ

ЛЕНИНСКИЕ ЗАВЕТЫ И РАЗВИТИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

К 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции тюркские языки в одной дружной семье с многочисленными языками братских народов достигли невиданного в их истории развития социальных функций и структур.

Тюркские языки стали языками пяти союзных республик: узбекский, казахский, азербайджанский, киргизский и туркменский; шести автономных республик: татарский, башкирский, чувашский, якутский, каракалпакский и тувинский; двух смешанных автономных республик: карачаево-балкарский, кумыкский; двух автономных областей: хакасский, алтайский. Успешно функционируют и другие тюркские письменно-литературные языки: крымско-татарский, уйгурский, гагаузский, ногайский.

В. И. Ленин рассматривал проблему развития национальных языков как неотъемлемую часть решения национального вопроса в социалистической революции. Задолго до победы Октябрьской революции В. И. Ленин выдвинул перед партией конкретные задачи по решению национального вопроса в России, причем ставил его в мировом масштабе: «Со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется ... содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения» [1. С. 111].

Накануне Великой Октябрьской революции Ленин особо подчеркивал, что коммунистам надлежит «и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда» [2. С. 330]. При этом он постоянно указывал на необходимость соблюдения равноправия языков: «Это безусловно необходимо — насчет языка все уступки и максимум равноправия» [3. С. 142]. Основываясь на ленинских предначертаниях, Августовское («Летнее») совещание ЦК РСДРП в 1913 г. в первом пункте решения по национальному вопросу провозгласило: «...полное равноправие всех наций и языков, отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках» [4. 57—58; 5. С. 315]. Это основополагающее положение Ленин отстаивал в острой борьбе со всякого рода националистами и шовинистами, с классовых, интернационалистических позиций рассматривая вопрос: «Сознательные рабочие ... отстаивают — в отличие от всех разновидностей националистической буржуазии — не только самое полное, последовательное, до конца доведенное *равноправие* наций и языков, но и *слияние* ра-

бочих разных национальностей в *единых* пролетарских организациях всякого рода... Признание равноправия наций и языков дорого для марксистов не только потому, что они самые последовательные демократы... Полное равноправие включает и отрицание всяких привилегий за одним из языков, включает признание *права* на самоопределение всех наций» [6. С. 144—145]. В «Тезисах по национальному вопросу», которые легли в основу национально-языковой политики Компартии Советского Союза, В. И. Ленин писал: «...социал-демократия отвергает „государственный язык“ ...всякое мероприятие, посредством которого национальное большинство пыталось бы создать для себя национальную привилегию или умалить права национального меньшинства (в области учебного дела, употребления того или иного языка, в делах бюджетных и т. д.), должно быть объявлено не имеющим силы, а проведение такого мероприятия запрещено под страхом наказания» [7. С. 317].

Для претворения в жизнь идей Ленина новому строю, идущему неизведанными путями, предстояло решить множество сложнейших задач для приобщения неграмотных людей к высотам современных знаний. Прежде всего необходимо было ликвидировать неграмотность огромного большинства населения царской России, особенно тюркоязычных народов, представлявшую серьезное препятствие на пути развернутого строительства социализма.

Выполнить эту задачу, поднять уровень культуры и образования народа было трудно, даже невозможно без создания общедоступной демократической системы письма для многочисленных национальностей, не имевших письменности и не знавших, что такое книга, и без совершенствования сложных аристократических систем письма, которыми пользовались господствующие социальные группы ряда народов. Этим объясняется реформа русского письма вскоре после свершения Октябрьской революции — уже в 1918 г., проведенная по указанию Ленина, создание письменности для пятидесяти ранее бесписьменных языков народов СССР, в том числе для 12 тюркских, в конце 20 — начале 30-х годов благодаря самоотверженному труду немногочисленных в то время языковедов, переходу на новый алфавит ряда народов, в основном тюркоязычных, имевших сложную письменность — арабскую.

Коммунистическая партия и Советское государство считали, что успешное овладение населением грамотой, рост духовной культуры людей, усвоение ими принципов политики партии и новой рабоче-крестьянской власти, задач социалистического строительства, овладение ими новым мировоззрением возможны лишь на родном языке в доступных и понятных национальных формах. Последовательно проводя в жизнь ленинские указания, РКП(б) на X съезде постановила помочь нерусским народам, особенно тюркоязычным: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз [казахов и киргизов в современном значении. — К. М.], башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [5. С. 559].

Эти положения политики партии по вопросу развития национальных культур и языков конкретизировались в решениях XI, XII, XIII съездов и других важных документах. Партия пресекала попытки игнорировать национально-языковые особенности народов, вместе с тем она не допускала преувеличения значения этих особенностей, воспитывала у советских граждан убежденность — необходимо ставить общие, интернациональные интересы трудящихся масс выше узконациональных чувств.

Неотъемлемой частью построения нового коммунистического общества является, как учит В. И. Ленин, культурная революция. Он указывал, что «...помощь нациям отсталым и слабым необходимо усилить содействием самостоятельной организации и просвещению рабочих и крестьян каждой нации в борьбе с средневековым и с буржуазным гнетом, равно содействием развитию языка и литературы угнетенных до сел или бывших неравноправными наций» [1. С. 95]. Ленин, как это видно из его работ по национальному вопросу, всегда рассматривал вопросы нации и языка в неразрывной связи, подчеркивая важное значение национальных языков и литератур для дальнейшего развития социалистического общества: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!» [8. С. 150]. Требуя быть внимательным к национальным языкам и национальным чувствам, в 1922 г. — год образования СССР — В. И. Ленин особо подчеркнул: «Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» [9. С. 240]. Сейчас многие философы, историки, языковеды, литературоведы отклонились от этого принципа, рассматривая категории нация и язык отдельно, что создает ложное впечатление беспроблемности национального языка.

Неуклонно руководствуясь ленинскими указаниями, КПСС и Советское государство в небывало короткий срок создали в СССР базу для культурной революции, цель которой — «резкое повышение уровня образованности народа, создание новой социалистической народной интеллигенции, всемерное развитие науки с максимальным внедрением ее достижений в жизнь, труд и быт трудящихся масс, формирование социалистического искусства, всемерное развертывание творческих способностей и талантов народа, подъем культуры всех наций, населяющих нашу необъятную страну» [10. С. 187—188], в том числе и тюркоязычных.

Как подчеркнул М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС, «мы особо гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре... Но наши достижения не должны создавать представления о беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное — видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь...

Идущая от Ленина традиция нашей партии — особая чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальной политики, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей, и в то же время — принципиальная борьба против проявлений

национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма, в какие бы одежды они ни рядились» [11. С. 67, 68].

Об огромных успехах тюркоязычных республик в образовании и культуре в советскую эпоху говорят, например, такие цифры: в 1984/85 уч. г. в Узбекистане существовали 42 вуза с общим количеством студентов 289,5 тыс., в Казахстане — 55—282,8 тыс., в Азербайджане — 18—108 тыс., в Киргизии—10—58,9 тыс., в Туркмении — 9—38,9 тыс. студентов [12. С. 523].

Достижению указанных успехов в немалой степени способствовало правильное решение задач национально-языкового строительства: создание и совершенствование письменности, организация обучения детей в школе на родном языке, установление орфографических норм литературно-письменных языков, выпуск учебных пособий для школ и вузов, разработка принципов создания терминологий по различным отраслям знаний, публикация теоретических исследований по тюркским и другим языкам народов СССР и др.

Огромны заслуги в языковом строительстве в нашей стране, в том числе в тюркоязычных республиках и областях, 1-го Тюркологического съезда в Баку в 1926 г., Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), преобразованного впоследствии во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) при Центральном Исполнительном Комитете СССР [13].

Естественно, на трудном пути строительства новой жизни у первопроходцев были и ошибки. Например, частая смена основ алфавита тюркских языков в 20—30-х годах имела ряд негативных последствий, вызвала определенные трудности на ряд лет в повышении уровня образования, приходилось переучивать огромное количество людей новому письму, что привело к появлению некоторого количества неграмотных, которые раньше были грамотными, вызвала неустойчивость норм письменного языка с трудными последствиями, затрудняла обращение людей к письменным памятникам прошлого, что наблюдается и в настоящее время.

Велика роль русских ученых в языковом и культурном строительстве в тюркоязычных республиках. Это — благородная тема для исследования в каждой из республик и в центре. Она должна занять достойное место у обществоведов, ее разработка имеет не только историческое значение, но и окажется практически полезной в интернациональном воспитании подрастающего поколения.

В первое десятилетие после свершения Октябрьской революции функциональное развитие тюркских языков, так же как и других национальных языков СССР, продвигалось медленно, что было связано с трудностями, вызванными гражданской войной, иностранной интервенцией, голодом, разрухой, массовой неграмотностью населения, отсутствием у ряда народов национальной письменности или ее сложностью для усвоения теми, у кого она была. Поэтому начальный этап развития и расширения функций тюркских языков — организация школ на национальных языках, массовый выпуск литературы по разным сферам экономики, культуры, образования и т. д. — проходил в сложнейших условиях; тут сказывался и материальный дефицит. И в таких условиях В. И. Ленин уделял большое внимание развитию национальных языков. В июне 1920 г. в записке «В. В. Воровскому и В. П. Милютину» он писал: «Киргизские (казахские. — К. М.) товарищи просят помощи, чтобы добыть словолитню, типографию и бумаги. Очень прошу их принять и оказать им всяческое содействие» [14. С. 208].

В развитии общественных функций тюркских языков огромную роль

сыграли постановления партии и правительства: о ликвидации неграмотности в 1919 г., о введении в стране всеобщего обязательного обучения детей в возрасте 8—11 лет в 1930 г., об обязательном семилетнем образовании детей от 8 до 15 лет в 1935 г. и последовательное претворение их в жизнь. Осуществление этих мероприятий Советского государства потребовало от немногочисленных тогда языковедов неимоверного напряжения сил, активного участия в разработке письменностей, в создании учебников и учебных пособий для массовых школ. На основе новых систем письма — сначала на латинской алфавитной базе, а затем на базе славянского алфавита — удалось в кратчайший срок избавиться от неграмотности, значительно повысить уровень образования и общей культуры тюркоязычных народов, так же как и других многочисленных народов Советского Союза. В 30—40-х годах тюркские языки приобретают все новые и новые социальные функции: они стали интенсивно развиваться как языки прессы, научно-популярной литературы, науки и техники, вузовского образования. Широкое развитие общественных функций тюркских языков позволило в 40—50-х годах создать академии наук во всех союзных республиках, что было свидетельством высокого уровня развития тюркских языков союзных республик. В дальнейшем продолжали расширяться социальные функции тюркских языков. Наиболее интенсивное развитие функций большинства из них приходится на послевоенное время — последние 30—40 лет. Таким образом, в настоящее время уровень функционального развития тюркских языков, в особенности языков союзных республик, достиг невиданно высокого уровня. Они выполняют функции устного общения, обслуживают сферы общественно-политической жизни, делопроизводства и переписки, судопроизводства, печати, радио, телевидения, дошкольного воспитания, преподавания в начальной и средней школе, в средних специальных и высших учебных заведениях и соответственно в сфере учебной литературы по многим отраслям современных знаний, общественных наук, искусства, спорта и др. Небывалого расширения функции тюркские языки получили в сфере художественной литературы с ее многочисленными жанрами, а также в публицистике. На ряде языков публикуются труды в области естественных наук: биологии, геологии, физики, химии, математики, сельского хозяйства, медицины; на некоторых из них — и в ряде областей технических наук: металлургии, машиноведения, автоматике, строительной и вычислительной техники и др. Соответственно разрабатываются терминологические системы и словари по многим отраслям современных знаний.

Как следствие этого развития на тюркских языках издаются массовым тиражом книги, периодические издания, газеты. Например, в 1984 г. издано книг и брошюр на тюркских языках Советского Союза: на узбекском — 1 004 единицы общим тиражом 23179 тыс. экз., на казахском — 717 тиражом 11 118 тыс.; азербайджанском — 860—10 936 тыс.; киргизском — 456—3 104 тыс.; туркменском — 253—3 103 тыс.; татарском — 208—1 970 тыс.; башкирском — 136—1 251 тыс.; чувашском — 80—454 тыс.; тувинском — 41—190 тыс.; якутском — 66—633 тыс. и т. д. [12. С. 548, 550, 551].

Демонстрацией высокого уровня развития тюркских языков, небывалого расширения их функций по сравнению с дореволюционным периодом является выход в свет впервые в истории тюркских языков многотомных энциклопедий по всем отраслям современных знаний на языках союзных республик: узбекском, казахском, азербайджанском, киргизском и туркменском. Даже на языках ряда автономных республик

стала возможной публикация сложных философских трудов классиков марксизма-ленинизма.

Новым явлением во всех тюркоязычных республиках и областях является возникновение в советскую эпоху двуязычия и многоязычия — с главным их типом — массовым тюркоско-русским двуязычием. Русский язык стал достоянием миллионов тюркоязычных народов и средством их приобщения к достижениям современной мировой культуры, науки.

В современном советском обществе возникло новое противоречие, свойственное диалектике развития, — между стремлением представителей многих относительно малых национальностей к овладению богатствами культуры, знаний, созданных другими народами на их языках, и трудностями, а порой и невозможностью овладения этими знаниями и культурой на своем родном языке. На начальном этапе развития советского общества это противоречие устранялось главным образом посредством перевода литературы на языки относительно малых народов. Однако в связи с повышением уровня образования и культуры народов СССР, возрастанием объема производимой в мире информации этот путь оказался не в состоянии удовлетворять возросшим запросам национальностей. В настоящее время в преодолении этого противоречия четко обозначилась тенденция к широкому развитию двуязычия и многоязычия. Вместе с тем перевод литературы на национальные языки остается одним из важных средств повышения уровня культуры и образования народов СССР, большинства представителей тюркоязычных народов.

В нашем многонациональном Советском государстве отсутствует официальный государственный язык. В. И. Ленин, разрабатывая проблемы решения национального вопроса, особо подчеркнул: «За **государственный** язык стоять позорно. Это полицейщина. Но *проповедовать* мелким нациям русский язык — тут нет ни тени полицейщины» [15. С. 302]. В письме к С. Г. Шаумяну В. И. Ленин писал: «Вы за государственный язык в России ... Решительно несогласен. ...разве „государственный язык“ не означает палки, *отбивающей* от русского языка?? ...Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка?? Нет, абсолютно несогласен с Вами и обвиняю Вас в *königlich preußischer Sozialismus!!*» [16. С. 233—234]. В статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» В. И. Ленин писал: «И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*... Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки* ... А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д. ...

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: — *отсутствии* обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства» [17. С. 295].

Расширение сферы материальной и духовной деятельности людей, происходящее в советском обществе, предъявляет к языку, его структурным компонентам более высокие требования, чем 70 лет тому назад.

Являясь не только средством общения, но и активно участвуя в социальном развитии общества, язык должен постоянно совершенствоваться и развиваться структурно, этому способствует развитие и расширение общественных функций тюркских языков.

В структурном развитии тюркских языков можно выделить определенные этапы со своими особенностями. В довоенное время, в частности в 20—30-х годах, оно шло главным образом за счет расширения внутренних возможностей тюркских языков. После Отечественной войны, особенно после 60-х годов, отмечается значительное влияние русского языка на структурное развитие тюркских языков.

Огромному обновлению подверглась лексическая система тюркских языков, она значительно обогатилась новыми словами путем словообразования и заимствования. Так развивались и развиваются и другие крупные языки мира. Главным источником заимствования для тюркских языков Советского Союза стал русский язык, большинство европейских интернационализмов также проникают в тюркские языки через русский язык. В тюркских языках образовался новый — советский общий фонд лексики, отражающий происходящие коренные социально-экономические и культурные преобразования в жизни страны и тюркоязычных республик и областей. Вместе с тем в развитии лексики тюркских языков имеются и проблемы. Главными из них являются, с одной стороны, увлечение словотворчеством без учета современных тенденций языкового развития, с другой — неправомерное увлечение заимствованием готовых, но не всегда понятных слов при наличии достаточных эквивалентов для передачи заимствуемых понятий или возможности образования новых слов с использованием национального языка. В тюркских языках появилась новая обширная область лексики — терминологическая, которая все более расширяется. Опубликованы многочисленные терминологические словари по различным отраслям культуры, образования, науки и экономики. Отношение этого нового пласта лексики к прежнему словарному составу ждет исследования в различных аспектах.

За прошедшие годы определенные изменения претерпел и синтаксис, особенно синтаксис разговорного языка, под влиянием интерференции как результата влияния двуязычия. Развитие синтаксиса тюркских языков показывает, что при соответствующих определенных условиях синтаксическая структура тоже может быть отнесена к подвижному уровню структуры языка, что может быть учтено при исторических исследованиях по синтаксису. Влияние синтаксиса устного языка на синтаксис письменно-литературного языка ощущается в тюркских языках все сильнее, и тут есть необходимость сознательного регулирования норм синтаксиса.

В морфологии тюркских языков новые явления возникают главным образом в словообразовании — в активизации определенных словообразовательных моделей, в затухании других словообразовательных моделей, это особенно ощутимо в терминообразовании.

Фонетический строй тюркских языков в функциональном плане развивается в направлении нормализации произношения. Здесь важную роль играют школа, радио, телевидение, театр, кино. Однако следует отметить, что влияние письменных — орфографических норм на произношение стало ощущаться сильнее — произносится, как пишется, без соблюдения фонетических закономерностей тюркских языков на стыках слов, при словосложении и словообразовании и т. д. Массовое заимствование иноязычных слов при всевозрастающем уровне общенародного двуязычия в ряде тюркских языков приводит к фонологическим изме-

нениям. Оценка этих явлений и глубокое их изучение имеет как большое теоретическое, так и практическое значение.

Подлинный расцвет тюркских письменных литератур, достигнутые успехи в подъеме всеобщей образованности и культурного уровня народов, небывалое обогащение лексики, совершенствование синтаксиса и морфологии привели к дальнейшему развитию различных языковых стилей, к усложнению их взаимодействия.

Большинство из двадцати письменных тюркских языков Советского Союза достигли уровня высокоразвитых литературных языков. Малочисленные носители бесписьменных тюркских языков пользуются письменными языками других — более крупных народов. Тюркские литературные языки в советскую эпоху стали достоянием широких слоев трудящихся, а не узкой верхушки народа, объединяя местные диалекты и говоры.

Программа КПСС в новой ее редакции провозгласила: «И в дальнейшем будут обеспечиваться свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков. В то же время овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры» [18. С. 45].

Большая роль языка и его значение в жизни советского общества подчеркнуты в Конституции СССР.

Тюркская социалингвистика является плодом советской эпохи. К сожалению, она развивалась в основном как сплошное восхваление достигнутого уровня развития тюркских языков и это развитие представлялось как бесп проблемное, не учитывалось повышение национального самосознания людей, с одной стороны, и возникновение национального нигилизма, пренебрежительное отношение к тюркским языкам — с другой, в ряде республик и областей. Пренебрежение к национальным языкам в ряде республик привело к застойным явлениям в их развитии и в овладении этими языками как представителями коренных, так и некоренных национальностей.

Противоречие свойственно, как это не раз подчеркивал М. С. Горбачев, всякому развитию, — это свойство диалектики. Тюркологам-социалингвистам предстоит вскрыть сущность этих диалектических противоречий в развитии национальных языков и в процессе овладения национально-русским двуязычием.

Бесконечные громкие декларации некоторых теоретиков и руководителей ряда республик о быстрой интернационализации и смешении языков, отрицании национальных языков, приписки во время переписи населения — якобы большой процент тюркоязычных народов СССР свободно владеет русским языком (даже не все русские свободно владеют русским языком после обучения в школе в течение 10 лет), поэтому нечего, мол, заботиться о функциональном развитии тюркских языков в соответствующей республике, неучет демографического процесса в тюркоязычных республиках, отсутствие целенаправленной программы обучения населения на национальном и русском языках создали трудности прогнозирования языкового развития, в объективном научном изучении ложной языковой ситуации в республиках, своевременном решении возникающих проблем.

Не принято сравнивать по уровню развития функций тюркские языки между собой и с другими языками братских народов СССР, это как бы запретная тема. Сравнительное изучение функционального развития

тюркских языков выявило бы новые проблемы и выдвинуло бы новые задачи в этой области.

В периоды культа личности и застоя в обществе сложность и противоречивость проблем развития национальных языков не принимались во внимание, они упрощались, приспособленцы — горе-теоретики по вопросам языка — не учитывали того, что «богатство советской, да и мировой культур создается в первую очередь благодаря многообразию ее элементов, — нивелирование национальных особенностей неизбежно обеднило бы и культуру и общественную жизнь» [19. С. 84], что многообразие является основой стабильности всякой системы.

Как отметил М. С. Горбачев, «...ошибки, допускавшиеся в области национальных отношений, их проявления оставались в тени и говорить о них было не принято. Это привело к отрицательным последствиям, с которыми сейчас приходится иметь дело». М. С. Горбачев потребовал «проявлять особую чуткость и осмотрительность во всем, что касается развития национальных отношений, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей, своевременно разрешать возникающие в этой сфере вопросы... повернуться лицом к проблемам дальнейшего развития национальных отношений, усиления интернационального воспитания... Мы обязаны видеть реальную картину и перспективу развития национальных отношений. Сегодня, когда расширяются демократия и самоуправление, когда идет быстрый рост национального самосознания всех наций и народностей, углубляются процессы интернационализации, особую важность приобретает своевременное и справедливое решение возникающих вопросов на единственно возможной основе — в интересах расцвета каждой нации и народности, в интересах их дальнейшего сближения, в интересах всего общества» [20. С. 28—29]. При этом, как всегда указывал В. И. Ленин, «первая обязанность тех, кто хочет искать „путей к человеческому счастью“ — не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть» [21. С. 407].

Недостатки в ряде республик отмечаются в обучении национальному языку. В качестве одной из причин этого некоторые ученые видят слабую подготовку преподавательских кадров, нехватку их. А ведь в тюркоязычных республиках можно было часто слышать о перепроизводстве филологов! Теперь, оказывается, филологи — дефицит, о чем свидетельствует положение в Казахстане после принятия постановления ЦК КП Казахстана об улучшении обучения казахскому и русскому языкам.

Недостаточное внимание к изучению родных тюркских языков привело к негативным явлениям не только в овладении знаниями, языком («национально-языковой нигилизм»), но и в межнациональном взаимопонимании, что было отмечено в партийных решениях ряда республик. Налицо тенденция к снижению престижа родных языков, особенно среди городского населения. Сделаны первые шаги к исправлению положения в Казахстане и Киргизии, где принимаются меры к овладению тюркскими языками носителями нетюркских языков. При этом надо помнить, что В. И. Ленин при назначении на государственные посты в национальной республике интересовался умением служащих объясняться на языке ее народа. Негативные явления в ряде тюркоязычных республик появились в сфере межнациональных отношений — наряду с другими причинами — из-за того, что руководители республик своевременно не решали возникшие проблемы, в том числе и национально-языковые — как наиболее яркий признак национальности. Например, вопро-

сы функционирования, культуры казахского языка поднимались казахской общественностью, общественными деятелями еще в начале 1944 г. в их письмах к партийным руководителям республики. Однако они остались без ответа, опубликованы лишь через 43 года! (см.: *Қазақ әдебиеті*. 29.05 1987, где показано полное пренебрежение ответственного руководителя — секретаря ЦК КП Казахстана к родному языку). Подобных примеров немало: «Глубокий спад в развитии культуры и науки Казахстана объясняется многими причинами, в том числе ... невниманием к глубокой разработке проблем развития национальных отношений» [22. С. 70]. Резкое сокращение количества принимаемых студентов в Ташкентском пединституте на крымско-татарское отделение послужило одной из причин недовольства среди крымских татар и т. д.

Верно сказано в постановлении ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся»: «Не учитывался быстрый рост национального самосознания, не находили своевременного и правильного решения возникающие проблемы». («Правда». 16.07 1987). Постановление обязало республиканскую парторганизацию «глубоко анализировать происходящие в сфере национальных отношений процессы и тенденции, реалистически оценивать обстановку, учитывать особенности различных категорий и групп населения». Это ставит и перед тюркологами ответственные задачи по изучению проблем функционирования национального, русского и других языков в тюркоязычных республиках, давать своевременно научно обоснованные рекомендации по решению проблем тюркского и русского языков в республиках, разработать меры по осуществлению конституционного права свободного развития языков.

Общественность страны полностью поддерживает реальное национально-русское двуязычие. Одновременно она за расширение реального функционирования языка, родного для коренной национальности каждой республики, союзной или автономной, за улучшение его преподавания, за распространение этого преподавания детям граждан всех национальностей, живущих в данной республике. Это правильная, подлинно демократическая и патриотическо-интернационалистическая позиция.

Каждый народ гордится своим языком потому, что ни один человек не мыслит свое существование без языка.

Стремление к защите национального языка и национальной литературы не следует рассматривать как проявление национальной кичливости, как попытки обособиться. Если человек в полной мере не освоил свою национальную культуру, он не может быть интернационалистом.

Демографический процесс — высокий уровень роста числа представителей тюркоязычных национальностей союзных республик: Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Туркмении и ряда автономных республик — требует особо внимательного отношения к функционированию языков этих республик. К указанным языкам высок интерес со стороны некоренных национальностей этих республик. Увеличивается количество лиц других национальностей, признавших родным языком языки этих республик.

Развитие двуязычия и многоязычия — хорошо это или плохо — в этом вопросе среди ученых нет единства. Однако в условиях Советского Союза ответ на этот вопрос однозначен — представителям нерусских национальностей надо овладевать русским языком, русским и другим национальностям в республиках — языком коренного населения.

Рост национального самосознания у представителей всех народов СССР гармонично сочетается с чувством общесоветской гордости, общесоветским самосознанием. Об этом же свидетельствует и огромное же-

ление нерусских овладеть русским языком — языком, объединяющим в общении все нации и народности СССР. Если по переписи населения России 1897 г. русским языком владели 43% подданных империи, то в 1979 г. — уже 82%.

Наибольший процент владеющих русским языком наблюдается в тех автономных республиках и областях, где тюркские народы составляют меньшинство. Из союзных республик к этому ряду приближается Казахстан. Это объясняется тем, что тюркские народы таких регионов в языковой практике чаще используют русский язык, чем в тех республиках, где тюркоязычные народы составляют большинство, т. е. главным в овладении русским языком условием выступает совместная жизнь тюркских народов с русским и другими народами. Обучение в школе и вузе русскому языку в настоящем виде не дает желаемых результатов, поскольку нет или очень мало самого главного в овладении языком — постоянной языковой практики. В этих условиях существующая тенденция уменьшения количества русского населения по отношению к представителям коренной национальности в тюркоязычных республиках в дальнейшем будет отрицательно отражаться на овладении русским языком представителями тюркских народов. Это обстоятельство требует коренного улучшения обучения русскому языку в тюркоязычных республиках.

Некоторые руководители республик на словах выступали за распространение русского языка, за его изучение всеми трудящимися, называя его «языком братства», «вторым родным языком», а на деле не заботились об организации обучения русскому языку, о создании условий для его овладения, занимались припиской, не уделяли внимания овладению родным языком, национальной культурой, знанию истории республики всеми ее жителями. Процент овладевших русским языком на бумаге выглядел внушительно, а в армии молодежь из тюркоязычных республик приходится учить русскому языку с азов, потому что она оказывается неспособной овладевать современной техникой и довольствуется строительными батальонами.

Со времени принятия постановления ЦК КПСС о распространении русского языка мало что изменилось в этом важном деле. Создание группы русского языка при академических институтах республик еще далеко от решения поставленных задач, о чем неоднократно подчеркивалось на заседаниях бюро Отделения литературы и языка АН СССР.

Всем известно высказывание В. И. Ленина о том, что неграмотный человек стоит вне политики. Сегодня простое овладение грамотой недостаточно для его политической, идеологической грамотности. Сегодня человек, не обладающий многими современными знаниями в различных областях жизни, — тоже вне политики. Без больших знаний советские трудящиеся не смогут «поголовно» (Ленин) участвовать в управлении общественными делами. А участие всех трудящихся в управлении страной — насущная задача, поставленная решениями XXVII съезда КПСС и последующими постановлениями Пленумов ЦК КПСС. «...На одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры» [23. С. 170]. Умение читать и писать должно было, по мысли Ленина, привести в конечном счете «к улучшению своего хозяйства и своего государства» [23. С. 171]. Оправдываются ленинские слова, что для культурной революции необходима целая историческая эпоха [24. С. 10].

На современном этапе «в духовной сфере перестройка означает грандиозную культурную революцию эпохи НТР. Не менее радикальная, чем послеоктябрьская культурная революция, она разворачивается в

трех плоскостях. Во-первых, переворот в образовании, обучение всего населения научно-технической «грамоте», формирование работника, способного к управлению современным производством. Во-вторых, превращение каждого гражданина в компетентного общественного деятеля. И, в-третьих, духовное раскрепощение личности, утверждение чувства человеческого достоинства — этой нравственной основы любой революции» [25. С. 89—90].

Рабочие, колхозники и их дети, не владея свободно русским языком по сравнению с интеллигенцией, работниками различных аппаратов управления и т. д., оказываются в неравном положении, обделенными, поскольку на национальном языке пока еще меньше получают образования, знаний.

Для широкого и более полного использования преимущества социализма, для подлинного духовного взаимообогащения и обмена вечным народным опытом между различными национальностями русский язык выступает как единственное и верное средство. Поэтому еще острее встает задача — создать все необходимые условия для дальнейшего подлинного, а не мнимого, приписанного, широкого развития тюркско-русского двуязычия. Особенно остро такая задача стоит перед союзными республиками.

Эта задача выдвигает перед языковедами-тюркологами новые проблемы — предстоит объективно, научно, строго, а не интуитивно и декларативно, изучить механизм функционирования тюркско-русского двуязычия в разных республиках и областях для точного прогнозирования развития сфер деятельности двух языков: тюркского и русского.

Широко известно марксово высказывание о том, что идеи становятся материальной силой, как только они овладевают массами. А чтобы эта идея дошла до массы, она должна быть облечена в доступную для людей языковую форму. Те, кто свободно владеет русским языком (и еще иностранными), имеют больше возможности для духовного обогащения, а те, кто не владеет русским языком, не выходит за рамки своего родного тюркского языка, ограничены возможностями дальнейшего развития личности.

По официальной статистике переписи населения 1979 г. [26], процент овладевших русским языком значительно возрос по сравнению с 1970 г. во всех пяти союзных республиках: среди казахов — на 10,5%, среди азербайджанцев — на 12,9, среди туркмен — на 10, среди киргизов — на 10,3, среди узбеков — даже на 34,8% (явная приписка, поскольку по стране средний процент повышения овладения русским языком — от 8 до 11). Если в Узбекистане за 50 лет овладели русским языком только 14,5% населения, то могут ли за последующие девять лет овладеть русским языком еще 35%, как это показано в официальной статистике?

Казалось бы, все благополучно с процентами и цифрами. Однако если учесть демографический процесс и абсолютные цифры, то получаем следующее — количество не владеющих русским языком увеличилось: среди казахов — на 62 тыс., среди азербайджанцев — на 209 тыс., среди туркмен — на 222 тыс., среди киргизов — на 171 тыс., т. е. среди киргизов больше, чем всех тувинцев Советского Союза — основного населения автономной республики. Вместе с тем значительно возросло количество лиц, признавших родным языком язык своей национальности: узбеков — на 3 203 тыс., казахов — на 1 173 тыс., азербайджанцев — на 1 061 тыс., туркмен — на 493 тыс., киргизов — на 431 тыс. (таблица).

Судя по переписи населения 1979 г., среди тюркских народов наметились определенные тенденции к снижению процента признающих род-

ТАБЛИЦА
ВЛАДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ ПЯТИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК (тыс. чел.)

Национальность	Общее количество		Признали родным языком язык своей национальности		Не считают род- ным язык своей национальности		Владеют русским языком		Не владеют русским языком	
	1970	1979	1970	1979	1970	1979	1970	1979	1970	1979
Узбеки	9195	12456	9066 98,6%	12269 98,5%	128,73 1,4%	184,03 1,5%	1333 14,5%	6140 49,3%	7862 85,5%	6316 50,7%
Казахи	5299	6556	5219 98%	6392 97,5%	105,98 2%	163,90 2,5%	2214 41,8%	3428 52,3%	3085 58,2%	3147 47,7%
Азербайджанцы	4380	5477	4301 98,2%	5362 97,9%	78,84 1,8%	115,01 2,1%	727 16,6%	1615 29,5%	3653 83,4%	3862 70,5%
Туркмены	1525	2028	1508 98,9%	2001 98,7%	16,77 1,1%	26,77 1,3%	234 15,4%	515 25,4%	1290 84,6%	1514 74,6%
Киргизы	1452	1906	1435 98,8%	1866 97,9%	17,42 1,2%	40,02 2,1%	277 19,1%	560 29,4%	1175 80,9%	1346 70,6%
ИТОГО:	21851	28423	21529 98,5%	27890 98,1%	347,74 1,56%	529,82 1,86%	4785 21,89%	12258 43,12%	17065 78,09%	16184 56,94%

ным языком язык своей национальности. Наибольший процент показали чуваш и татары, за 9 лет между переписью 1970 и 1979 гг. он возрос соответственно на 5,2 и 3,3. Среди тюркских народов союзных республик этот показатель намного ниже: узбеков и киргизов — 0,9%, казахов — 0,5, азербайджанцев — 0,3 туркмен — 0,2%. Однако такая тенденция не характерна для всех тюркских языков. Обратная тенденция наблюдается в башкирском языке. За указанные годы количество признавших родным языком башкирский среди башкир возросло на 0,8%. Кстати, количество русских, признавших родным языком русский, возросло на 0,1%. Приведенные данные говорят о сложности процесса развития функционирования национальных языков, процесса развития национального самосознания.

Большой еще процент лиц, не владеющих русским языком, среди тюркских народов СССР требует новых усилий для количественного и качественного поднятия на высокий уровень знания ими русского языка.

С другой стороны, признание подавляющим большинством родным языком языка своей национальности подчеркивает важность национальных языков в жизни республик. Причем большинство не владеющих русским языком — рабочие мононациональных предприятий и совхозов, колхозники, короче говоря, — рабочий класс. Как указывалось в постановлении ЦК КПСС о работе Казахской республиканской партийной организации, необходимо «вырабатывать умение с классовых позиций подходить к любым национальным проблемам». Это подавляющее большинство рабочего класса пока может овладевать современными достижениями культуры, образования, науки, экономики только на родном языке, и не надо бояться, что, получая больше знаний на родном языке, человек перестает изучать русский язык.

В отношении к пропаганде изучения национального и русского языков существовали в период застоя две крайности. С одной стороны, если пропагандировали распространение русского языка в республиках, это воспринималось некоторыми как проявление ассимиляторской политики, шовинизма. С другой стороны, если где-то открывается детсад или школа на родном языке, если на собрании кто-то выступает на своем родном языке, поскольку он не владеет русским языком, это воспринималось некоторыми как проявление национализма. Это грубая вульгаризация национального вопроса. В ряде республик местные руководители требуют на собраниях выступать только на русском языке. Человек, не зная русского языка, молчит, делается апатичным и безразличным к происходящему, в лучшем случае попросит кого-нибудь перевести свое выступление на русский язык заранее. Осуществление синхронного перевода на собраниях национально смешанных коллективов, где каждый может выступать на том языке, которым свободно владеет, заслуживает всемерного распространения.

Одностороннее постоянное подчеркивание некоторыми руководителями роли русского языка без упоминания о важности национального языка в соответствующей республике вызывает раздражение населения, это накапливается и ищет выхода, воспринимается как принижение роли национального языка, как пренебрежение к его проблемам. Этим как бы заставляют изучать русский язык из-под палки, против чего решительно возражал В. И. Ленин.

Естественная любовь и уважение к родному языку не должно превращаться в языковой национализм, так же как естественная любовь к русскому языку не должна превращаться в языковой шовинизм; и то и другое противоречит духу развития советского общества, интернационализма.

У некоторых, иногда весьма влиятельных, людей существует гипертрофированное понимание значения слова «национализм». Национализм они видят в пропаганде богатства национального языка, в стремлении обогащать родной язык. Незаслуженно прикрепляли ярлык «националист» к людям, которые заботятся о развитии национальной культуры, об исследовании истории народа, об объективной оценке прошлого и письменного наследия народа.

Жупел «националист» был и остается в руках местных нечистоплотных руководителей и карьеристов самым легким и верным способом расправы с конкурентами и оппонентами, с «неудобными» для руководителей лицами, он был открыт и успешно применялся еще И. Сталиным и его приближенными, которые пренебрегли заветами и предупреждениями В. И. Ленина, с болью в сердце писавшего в последних своих записках: «...приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять.

Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма“. Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль.

Я боюсь также, что тов. Дзержинский... отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения)...» [27. С. 357—358]. Некоторые деятели не отличают еще национализм от местничества и делают далеко идущие выводы о национализме в определенных поступках людей.

Не всякое недовольство на местах определенным кругом людей, представителей коренной национальности этой местности, чем-то можно квалифицировать как национализм. Партия дала разъяснение на этот счет в постановлении о Казахстане. Любителям приклеивать ярлыки следует хорошо усвоить, что овладение языком — не самоцель, а средство для повышения уровня образования и культуры, для овладения возможностью широкого общения, для более активного участия в строительстве социалистического общества. Не следует терять границу между национальной гордостью и национализмом.

Надо постоянно помнить, что «национализм» — один из принципов буржуазной идеологии и политики, заключающейся в проповеди национальной обособленности и исключительности, недоверия к другим нациям и межнациональной вражды [28. С. 308]. Национальное чувство весьма тонко в эмоциональном настрое человека, здесь всегда наблюдается повышенная впечатлительность и отзывчивость. Можно из-за пустяков оскорбить это чувство.

В современных условиях, когда монолитно единство советских народов, нечего опасаться отдельных временных проявлений национальных чувств некоторых людей, не надо возводить их до уровня общенационального национализма. Нельзя противопоставлять национальную общность, национальные чувства общности советского народа, чувствам принадлежности к советскому народу, что нередко делается, т. е. игнорируется диалектическая сложность и взаимосвязанность этих понятий.

Говоря о национализме, В. И. Ленин подчеркивал, что «...никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике, мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений...

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой „великой“ нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения.

Что важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством „великодержавной“ нации» [27. С. 358—359].

В качестве практических мер среди других В. И. Ленин особо подчеркнул: «...надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно. Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т. п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства. Для борьбы с этими злоупотреблениями необходима особая изобретательность, не говоря уже об особой искренности тех, которые за такую борьбу возьмутся. Тут потребуются детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике» [27. С. 361].

Возврат к Ленину, непреклонное претворение в жизнь его заветов — вот путь, который способствует интернациональному воспитанию народов нашей страны. Как сказал М. С. Горбачев, «истинный интернационализм, истинная дружба народов возможны только при глубоком уважении к достоинству, чести, культуре, языку и истории каждого народа, широко общении между ними» («Правда». 19.02 1988).

Нельзя упускать из виду, что в национальном вопросе несправедливость не забывается, она передается из поколения в поколение, ее помнят столетиями, тысячелетиями. Это требует повышения культуры межнационального общения.

В прошлом многие вопросы языка решались декретированием, административным путем — таковы создание алфавитов, переходы на новые системы письма, обучение языкам без всенародного обсуждения, закрытие газет и журналов по национальным языкам и литературе и т. д. К этому люди настолько привыкли, что ждут указаний сверху для решения простых вопросов языкового строительства. В стране происходит дальнейшее расширение прав союзных республик, вместе с тем использование этих прав слабо коснулось сферы языковой жизни.

Сегодня на передний план выдвигаются вопросы социальные, духовные, а без знания языков невозможно духовное развитие личности. Остаточный принцип негативно отразился и на развитии национальных

языков, национальной печати, на овладении тюркскими народами как родным, так и русским языком, а также нетюркскими народами — тюркскими языками.

Для повышения престижа языков (не хлебом единым жив человек, но и словом) как национального, так и русского следовало бы во всех республиках проводить праздники языка, олимпиады по языкам, которые изучаются в республике. Первый в СССР Праздник языка проведен в Латвии.

Остро стоит проблема обучения ребенка в школе в многонациональных и многоязычных республиках, каковыми являются тюркские республики. Вопрос — «кто должен определить язык обучения детей-школьников — родители или государство в лице школы?» — не простой. Нельзя обучать в школе с тюркским языком преподавания ребенка, который не владеет этим языком, или обучать в школе с русским языком преподавания ребенка, который не владеет этим языком, из каких бы благих желаний не исходили родители. Это создает огромную психологическую и физиологическую нагрузку по преодолению языкового барьера у ребенка, психика, нервная система которого еще слабы и не окрепли, с одной стороны, с другой — у него это вызывает комплекс собственной неполноценности, а у окружающих — пренебрежительное отношение к нему, как ни на что не способному, поскольку вместо того, чтобы учить предметы, он должен преодолевать языковой барьер. В результате страна не получит своевременно квалифицированные кадры. Поэтому ребенок должен учиться на том языке, которым он владеет свободно в соответствии со своим возрастом. Следовательно, не имеют ничего общего с заботой о развитии языковой культуры требование или попытки административно ограничить использование национального и русского языков, бюрократическое решение этого вопроса.

Партия дала однозначную оценку насильному переселению малых народов СССР во время Великой Отечественной войны, осудила его, оно признано ошибкой, наносившей вред нашему строю. Здесь уместно вспомнить предупреждение В. И. Ленина: «Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели» [27. С. 356]. «Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам» [27. С. 362]. Это переселение на ряд лет приостановило функционирование в ряде важных сфер языков балкарцев, карачаевцев и крымских татар и отразилось негативно на их последующем функциональном развитии, нанесло моральный ущерб не только этим народам, но и национальной политике страны. Буржуазные фальсификаторы нашей истории, решения национального вопроса в СССР ловко используют эти ошибки в антисоветской пропаганде.

И всякий раз, когда незадачливый чиновник или утративший национальную принадлежность гражданин забывает ленинскую мысль о языковом равноправии, он льет воду на мельницу буржуазных фальсификаторов, кричащих о «русификации», «ассимиляции». Наши идеологические оппоненты жадно подхватывают каждый рецидив низкой культуры межнациональных отношений, чтобы лишний раз поиздеваться над этим, они охотятся за нашими просчетами и небрежностью, кровно в них заинтересованы. Ни на миг мы сейчас не смеем забывать, что призваны участвовать в созидании качественно нового общества, где нет

места шовинизму или национализму. К сожалению, критика буржуазных фальсификаторов по национальному вопросу, по национально-языковому строительству происходит у нас, как правило, на уровне публицистическом, как кратковременная кампания. Надо давать глубокий аргументированный научный анализ этим фальсификациям, показать наши огромные достижения в развитии функций литературных тюркских языков СССР, несмотря на ошибки и просчеты.

Развитие и расширение социальных функций тюркских языков в советскую эпоху предъявляют к тюркологам требование — держать в поле постоянного внимания вопросы нормирования литературного языка в разных функциональных стилях, культуры речи в разных его жанровых разновидностях. Важное значение приобретает сейчас проблема культуры речи. Наблюдается порча некоторыми лицами, слабо владеющими родным и русским языком, этих языков, теми, кто занимает ответственные посты и должности (это журналисты, ученые, ответственные партийные и советские работники); их речи из-за отсутствия постоянной практики в использовании одного из языков — как родного, так и русского — иногда малопонятны рядовым лицам, привыкшим постоянно общаться между собой на одном языке. Это требует повышения ответственности указанных лиц за повышение культуры речи, ведь нередко они вводят в обиход новые слова и понятия.

Культура речи тесно связана с культурой человека. В развитии лексики тюркских языков можно отметить бездумное механическое калькирование различных слов и словосочетаний: «покорение природы», «человек — хозяин природы», «завоевать у природы» и т. д., которые своим широким употреблением нанесли урон в воспитании психологии людей, их отношения к природе, непосредственной частью которой они сами являются. На наших глазах происходит уничтожение Аральского моря, Балхаша, водных ресурсов рек Чу, Сырдарья, Амударья, заболачивание пустынь с непредсказуемыми последствиями, ведущими к нарушению природного равновесия, и т. д.; это и есть влияние языка на мышление и действие человека.

Многочисленные, многократно повторенные декларации ученых, публицистов о том, что уровень знаний во всех регионах страны, в том числе в тюркских республиках, выровнялся на высоком современном уровне, — это скорее благие пожелания, далекие от действительности. Общий уровень знаний окончившего среднюю школу в Москве значительно выше уровня образования выпускника школы в любой точке Советского Союза. Люди, давшие медикам образование и диплом врача в ряде республик, не лечатся у своих воспитанников, а предпочитают врачей, окончивших медвузы в Москве и в других центральных городах. Это говорит об уровне получаемого образования в разных регионах страны лучше, чем любая комиссия вышестоящих организаций, которая свидетельствует об уровне образования и квалификации людей.

«В большом долгу перед практикой национальных отношений находится наша теоретическая мысль. Я имею в виду явно недостаточную проработку вопросов национальной политики, соответствующей современному этапу развития страны. Ведь это же факт... что вместо объективных исследований реальных явлений в сфере национальных отношений, анализа действительных социально-экономических и духовных процессов — очень простых и противоречивых в своей сущности — некоторые наши обществоведы долгое время предпочитали создавать трактаты „заздравного“ характера, напоминающие порой больше прекраснодушные тосты, чем серьезные научные исследования» [20. С. 28—29].

Критика в адрес обществоведов на январском (1987 г.) Пленуме

ЦК КПСС имеет прямое отношение и к языковедам-тюркологам и требует преодоления существующего отрыва языковедческих исследований от современной действительности языковой жизни в союзных и автономных республиках. М. С. Горбачев сказал: «Мы на опыте знаем, если оскудевает духовное, нравственное начало в человеке, неизбежно усиливаются потребительские настроения, вещизм, беднее становится внутренний мир... Прежде всего ...речь должна идти об изменившейся роли и значении обществоведения как внутри науки в целом, так и в более широком — общественном и общечеловеческом масштабе. Глубокие, качественные, можно сказать, революционные изменения, идущие в обществе, требуют не просто перестройки одного обществоведения, но и ряда существенных сдвигов в отношении к нему со стороны других наук, так и общества в целом... Новое мышление, которым всем нам надо овладеть,—это диалектическое мышление, а диалектика, как писал К. Маркс, «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 22). И это качество принадлежит марксизму «всецело и безусловно» (Ленин).

Сегодня перед обществоведами стоит задача — преодолеть создавшуюся отдаленность от запросов жизни. Нам насущно необходим решительный поворот всего фронта обществоведения лицом к практике. Так поставил вопрос наш партийный съезд...

Обществоведение не должно ни в коем случае упускать из вида главную задачу — формировать духовные устои личности советского человека, его активную гражданскую позицию, определять его поступки» [29. С. 4—6].

Само тюркское языкознание нуждается во внимании и заботе со стороны руководителей тюркоязычных республик. В период критики культа личности Сталина о языкознании не принято было говорить в положительном контексте. Эта инерция сохранилась и сейчас. Когда руководители перечисляют общественные науки, редко кто в их числе называет языкознание, которое является самой общественной, гуманитарной наукой, — никакое общество невозможно без языка, это забывается, так же как люди не всегда задумываются, что они дышат воздухом или пьют воду и едят хлеб. Ведь проблема «язык и общество» — вечная проблема со времени возникновения человеческого языка и будет существовать, пока существует человечество.

Анализ функционирования тюркских языков, их положение в современном обществе, в союзных и автономных республиках показывает, что перед общественностью соответствующих республик и областей стоят две важные задачи по языковому строительству: 1) постоянно заботиться о функционировании национального языка; 2) коренным образом улучшать изучение русского языка на всех ступенях народного образования — с целью дальнейшего подъема уровня образования и культуры всего народа. Поэтому в центр исследований языковедов должен быть «действительно поставлен человек в реальной системе его общественных связей и отношений» [30. С. 15]. Применительно к тюркскому языкознанию это значит, что больше внимания надо уделять вопросам функционирования тюркских языков и человеческой речи в жизни, во взаимоотношениях человека с другими людьми, а не ограничиваться описанием далеких от нашей эпохи явлений.

Ученые на основе научного анализа положения с развитием национальных языков, проблем двуязычия делают соответствующие научные выводы и предлагают рекомендации. Внедрение же в жизнь этих выводов и рекомендаций — это уже в компетенции руководителей соответствующих республик и областей. Здесь должен быть соблюден принцип не-

зависимости ученого от разных посторонних соображений и влияний, он ответствен только перед советским обществом и собственной совестью, что создает ему условие для полноценной творческой работы, правдивого отношения к действительности. Если ученым будут вешать ярлыки за высказывание своего научно обоснованного мнения, как это пытаются делать некоторые карьеристы, бюрократы, перестраховщики, трудно, даже невозможно будет заниматься изучением актуальных проблем национально-языкового строительства в нашей стране. Со стороны же ученых требуется мужество, чтобы не бояться бюрократов и перестраховщиков. Актуально звучат в этой связи слова Ф. Энгельса: «Необходимо также, чтобы люди перестали, наконец, обращаться с партийными чиновниками — своими собственными слугами — с постоянной чрезмерной деликатностью и вместо критики их покорнейше повиноваться им как непогрешимым бюрократам» [31. С. 29; 22. С. 22]. Бытует неверное мнение, что в нашей стране вопросы языкового строительства окончательно решены в 30-х годах. Это является значительным упрощением вопроса о языковом строительстве, ограничивающим его лишь рамками создания и совершенствования письменности. Языковое строительство в современных условиях выражается в новых формах, имеет новые задачи, такие, как разделение функций национального и русского языков в разных сферах человеческой деятельности, создание учебных пособий для школ и вузов, для взрослых некоренных национальностей, разработка терминологии, внедрение современных средств в обучение языкам; проблемы литературного языка, нормы устного и письменного языков, орфоэпии, заимствования и словообразования и т. д.; да и вопросы письменностей еще не снимаются с повестки, поскольку жизнь показала несовершенство ряда письменных систем, спешно созданных для тюркских языков. Указанные вопросы требуют значительно большего внимания, чем то, что имеется сейчас.

Технократическое управление наукой отразилось и на состоянии изучения тюркских языков. Предстоит еще изживать технократизм в мышлении тюркологов, дать широкий простор гуманитарному мышлению.

Необходимо изучать общественное мнение о функционировании национального и русского языков в республиках не только среди тюркоязычного населения, поскольку каждая тюркская республика ныне — многоязычная, учитывая, что равенство языков по конституции еще не означает обязательность одинакового функционирования и развития всех языков.

Функционирование и развитие тюркских языков в советском социалистическом обществе убедительно доказывает правильность постановки и решения национально-языкового вопроса В. И. Лениным, Коммунистической партией и Советским государством. «Никогда не будем забывать, что живем в многонациональном государстве, где любые социально-экономические, культурные, правовые решения прямо и непосредственно всегда затрагивают и национальный вопрос» [32. С. 25].

Революционная перестройка советского общества требует от тюркологов всех регионов страны, от Советского комитета тюркологов, республиканских и областных научно-исследовательских институтов и кафедр вузов, от журнала «Советская тюркология» решительного поворота к современным актуальным проблемам языкового строительства в тюркоязычных республиках и областях, не боясь навешивания ярлыков, делового научного обсуждения тем, до сих пор являвшихся запретными. Важное значение приобретает культура дискуссии, доброжелательность при обсуждении острых проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ленин В. И. Проект программы РКП(б)//Полн. собр. соч. Т. 38.
- 2 Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока//Полн. собр. соч. Т. 39.
- 3 Ленин В. И. Телеграмма И. В. Сталину//Полн. собр. соч. Т. 51.
- 4 Ленин В. И. Резолюции Летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками//Полн. собр. соч. Т. 24.
- 5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. 1.
- 6 Ленин В. И. Развращение рабочих утонченным национализмом//Полн. собр. соч. Т. 25.
- 7 Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу//Полн. собр. соч. Т. 23.
- 8 Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос//Полн. собр. соч. Т. 23.
- 9 Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбману//Полн. собр. соч. Т. 45.
- 10 Марксистско-ленинская философия: Исторический материализм. М., 1967.
- 11 Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
- 12 Народное хозяйство СССР в 1984 году. М., 1985.
- 13 Подробно см.: Мусаев К. М. Алфавиты языков народов СССР. М., 1965.
- 14 Ленин В. И. Воровскому и В. П. Милютину//Полн. собр. соч. Т. 51.
- 15 Ленин В. И. С. Г. Шаумяну//Полн. собр. соч. Т. 48.
- 16 Ленин В. И. С. Г. Шаумяну. 6 декабря 1913 г.//Полн. собр. соч. Т. 48.
- 17 Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык?//Полн. собр. соч. Т. 24.
- 18 Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986.
- 19 Бромлей Ю. Совершенствование национальных отношений в СССР//Коммунист. 1986. № 8.
- 20 Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 янв. 1987//Коммунист. 1987. № 3.
- 21 Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве//Полн. собр. соч. Т. 1.
- 22 Живой вопрос теории и практики//Коммунист. 1988. № 2.
- 23 Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов//Полн. собр. соч. Т. 44.
- 24 Передовая//Коммунист. 1987. № 15.
- 25 Миронов В. Идея революции во всемирной истории//Коммунист. 1987. № 16.
- 26 Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980.
- 27 Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации»//Полн. собр. соч. Т. 45.
- 28 Философский словарь. М., 1987.
- 29 Горбачев М. С. Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук//Коммунист. 1986. № 15.
- 30 Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки//Коммунист. 1987. № 8.
- 31 Энгельс Ф. Карлу Каутскому, 11 февраля//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 38.
- 32 Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается: Докл. на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции//Коммунист. 1987. № 17.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

И. Х. АХМАТОВ

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СУБЪЕКТНЫМИ ОБОРОТАМИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Как известно, в тюркских языках изобилуют обороты, образованные неличными формами глагола и другими частями речи. Несмотря на то, что эти обороты в формальном и семантическом отношении бывают разнообразными и в синтаксических исследованиях занимают важное место, вопрос о том, какую функцию они играют в предложении, до сих пор остается спорным [1].

При этом особенно дискуссионным является вопрос о синтаксическом статусе таких оборотов, где субъект, отличный от субъекта основной части предложения, выражен словом в основном падеже.

В роли стержневых слов в таких оборотах выступают не только неличные формы глагола, но и отдельные лексико-семантические типы прилагательных, слова-предикативы бар 'есть', жокъ 'нет', кёп 'много', аз 'мало', керек 'нужно, необходимо' и т. д., не оформленные лично-предикативными аффиксами. Все эти слова, являясь предикативными, в зависимости от характера проявления своих валентных свойств имеют определенное число актантов, в сочетании с которыми образуют специфические конструкции (обороты), не способные употребляться самостоятельно и в силу этого встречающиеся лишь в составе какого-либо предложения или в сочетании со словом, оформленным лично-предикативным аффиксом и занимающим позицию сказуемого; иногда — в сочетании со словом, занимающим позицию подлежащего. Схематически это можно представить следующим образом: 1) оборот + предложение: Машина правлен аллына жетгенлей, председатель андан чыкъды 'Как только машина заехала во двор правления, председатель вышел оттуда'; 2) оборот + сказуемое: Мен таныгъан сенсе 'Тем, кого знаю я, являешься ты' (Или: 'Моим знакомым являешься ты'); 3) подлежащее + оборот: Ол мен таныгъанды 'Он является тем, кого я знаю' (Или: 'Он является моим знакомым'). Здесь оборот занимает позицию сказуемого и поэтому оформлен лично-предикативным аффиксом.

Рассматривая вопрос о предложениях, имеющих в своем составе обороты, некоторые тюркологи считают, что они состоят из двух частей: а) основной части и б) оборота, включенного в основную часть предложения. При этом утверждается, что основная часть предложения является конструкцией, выступающей в роли самостоятельной предикативной единицы. В ошибочности такого мнения нетрудно убедиться, если учесть, что во втором из приведенных примеров «основной частью предложения» является сказуемое сенсе, а в третьем — подлежащее ол, которое нельзя рассматривать как «самостоятельно употребляемые пред-

ложения». В роли самостоятельного предложения употребляется лишь «основная часть» первой из приведенных предикативных единиц.

Отсюда видно, что не все обороты играют одинаковую роль в построении предложения. Общим для всех рассматриваемых оборотов является наличие субъекта и предиката, отличных от субъекта и предиката предложения, в составе которого употреблены эти обороты.

Субъект оборота в тюркских языках передается несколькими способами: а) лексически — каким-либо словом в форме основного падежа (C₁) [3]: мен кѣрген 'тот, кого я увидел'; б) лексико-морфологически — путем одновременного использования слова в форме основного или родительного падежа (C₂) и соответствующего притяжательного аффикса, присоединяемого к стержневому слову оборота: Мен ары баргъанымда 'Когда я приходил туда', мени аны кѣргеним 'то, что я увидел его'; в) морфологически — с помощью притяжательного аффикса: сени кѣргеним иги болду 'хорошо, что я увидел тебя'.

Для выражения субъекта в предложении используются те же средства. Разница проявляется лишь в том, что в предложении в качестве морфологического выразителя субъекта употребляется лично-предикативный аффикс, а в оборотах — притяжательный.

В структурном отношении общим для предложения и оборота является то, что субъект в них может передаваться не только формами C₁ и C₂, но и другими косвенными падежами, например: 1. Манга китап кереги санга белгилиди 'То, что мне нужна книга, тебе известно'; 2. Мында анга сууукъ боллугъун барыбыз да билебиз 'То, что ему здесь будет холодно, мы все знаем'; 3. Сенде уят болмагъаны аманды 'Плохо, что у тебя нет совести'.

Каждый из оборотов в зависимости от формы своего стержневого слова и семантики вершинного глагола, занимающего позицию сказуемого, замещает в синтаксической конструкции тот или иной ее член (подлежащее, дополнение и т. д.) и выражает свое зависимое отношение к сказуемому тем или иным синтаксическим способом. Обороты, в которых позиция предикатного слова (ПС) оборота занята деепричастием или инфинитивом, замещают позицию обстоятельства и примыкают к сказуемому предложения. Как и другие обстоятельственные члены предложения, обстоятельственные обороты чаще всего выступают в роли факultatивных элементов синтаксической конструкции. Ср.: 1. Поезд шахаргъа жетгенлей, танг атды 'К прибытию поезда в городе рассвело' и Танг атды 'Рассвело'; 2. Сен школдан къайтыргъа, мен Алимге китапла табарыкъма 'К твоему возвращению из школы я для Алима найду книги' и Мен Алимге китапла табарыкъма 'Я достану книги для Алима'.

Что же касается оборотов, ПС которых являются причастиями, прилагательными, словами бар, жокъ, кѣп, аз, керек и т. д., то они в предложении занимают позицию определения или дополнения. В первом случае эти обороты примыкают к определяемым словам. Во втором ПС оборота в зависимости от валентных свойств сказуемого предложения, в состав которого входит оборот, имеет форму основного или других падежей: 1. Мен окъутхан келди 'Пришел тот, кого я обучал' (осн. падеж); 2. Мен окъутханны кызы студентди 'Дочь того, кого обучал я, является студенткой' (род. пад.); 3. Ол мен окъутханнга письмо жазады 'Он пишет письмо тому, кого обучал я' (дат.-напр. пад.) и т. д.

Каждый из оборотов в предложении отвечает на вопрос какого-либо его члена, что сближает оборот с синтаксически неразложимым словосочетанием. Поэтому некоторые синтаксисты рассматривают обороты в качестве специфических словосочетаний [4]. Однако обороты существенно отличаются от всех прочих типов словосочетаний и сближаются

с предложениями, ибо имеют субъектно-предикатную структуру.

Однако, на наш взгляд, не все конструкции, выражающие предикатное выражение, или пропозицию, в одинаковой степени близки к предложению.

Отсутствие показателя согласования у ПС, образующего оборот, не может служить основанием для отказа оборотам в праве считаться предикативными единицами, потому что согласование — лишь частный случай связи субъектной и предикатной лексем. Отсутствие показателя согласования у сказуемого в тюркских языках возможно и в тех случаях, когда подлежащее выражено основным падежом. Например, в современном татарском языке возможны предложения типа Мин сәләмәт, көчле 'Я здоров, силен' [5. С. 29]. Ср. также предложения из карачаево-балкарского языка: 1. Мен кьойчума, сен а жырчыса 'Я являюсь чабаном, а ты — певцом'; 2. Мен — кьойчу, сен — жырчы 'Я — чабан, ты — певец'.

Чтобы решить, являются ли глагольно-именные обороты придаточными предложениями, необходимо остановиться на понятиях предикативности и модальности.

Нам представляется, что наиболее правильное определение этих категорий дается в исследованиях, проводившихся в группе типологического изучения языков ЛО ИЯ АН СССР [6; 7]. В них отмечается, что одни слова, в отличие от других, обладают обязательными валентностями. Такие слова, называемые функторами, делятся на две группы. В первую из них входят функторы, хотя бы одна из валентностей которых замещается предикатным словом.

Вторую группу составляют такие слова, все валентности которых заполняются предметными актантами (аргументами). Такие функторы и называются предикатами [8. С. 15 и след.].

С учетом этого нельзя не признать, что предикатами являются все слова, на основе которых в тюркских языках образуются обороты: различные формы глагола, прилагательные и т. д.

Предикативность есть не что иное, «как сопоставление данному предикату его актантов» [9. С. 12]. Предикат с заполненными местами представляет собой пропозицию, которая является носителем предикативности. Пропозиция (по терминологии Ш. Балли: диктум) служит для отображения некоторого события или ситуации объективной действительности и составляет основную часть семантической структуры (СемС) предложения.

Структура пропозиции зависит от валентности предиката. Например, предикат кёр 'видеть' имеет две валентности, которые замещаются формами C_1 и C_4 , ср.: Азиз самолётну кёреди 'Азиз видит самолет'. Пропозицию этого предложения можно представить в следующем виде: **кёр (Азиз, самолет)**. Тогда нельзя сказать, видит Азиз самолет или нет, хочет он видеть самолет или нет и т. п. Это объясняется тем, что здесь не хватает тех значений, которые «преобразуют» пропозицию в предложение. Нет показателей выражения модальности, поэтому неизвестно, каково отношение предиката (кёр) к своим аргументам (Азиз, самолет). связан ли он с ними реальным отношением (Азиз самолёт кёреди 'Азиз видит самолет') или одним из ирреальных (Азиз самолёт кёрюрге боллукьду 'Возможно, Азиз увидит самолет'. Азиз самолёт кёрюрге керекди 'Азиз должен увидеть самолет' и т. п.). Все эти значения (реальности, возможности, должествования и т. д.) составляют внутреннюю модальную рамку (модус) предложения.

Такие же модальные значения могут быть присущи и оборотам. Ср.: Азизни самолёт кёргени (реальное отношение), Азизни самолёт

кёрюрге боллугъу (значение возможности), Азизни самолёт кёрюрге суюгени (значение желания) и т. д.

Сопоставление приведенных примеров показывает, что значение реальности передается как личной формой глагола, выступающего в роли сказуемого, так и неличной формой глагола, образующего оборот. А значения ирреальности как в предложении, так и в обороте передаются лексическим способом, т. е. путем использования таких специальных функторов, как бол 'возможно', сую 'хотеть, желать', керек 'необходимо' и т. п.

На наш взгляд, это подтверждает, что исследователи, считающие, будто тюркским глагольным оборотам не присуща модальность, допускают ошибку. Конечно, модальные значения, передаваемые в предложении, гораздо богаче и многообразнее, чем те, что передаются в оборотах, ибо предикат предложения выражается всеми формами наклонения, а предикат оборота лишен этого. Кроме того, в отличие от оборота, в предложении для передачи модальных значений используются различные частицы, вводные слова: Ср.: 1. Азиз театрға бармай а? 'Азиз, конечно, пойдет в театр'. 'Как же Азизу не пойти в театр?'; 2. Баям, Азиз театрға барлыкды 'Наверное, Азиз пойдет в театр' и т. п.

Сопоставление также показывает, что функторы с семантической точки зрения бывают двух типов: а) функторы реальности, б) функторы ирреальности (функторы возможности, желания, намерения и т. п.) [9. С. 10]. Например, в обороте Азизни театрға бырырга суюгени 'Желание Азиза пойти в театр' имеются два функтора. Первый из них (барырга 'пойти, сходить') является функтором (предикатом) реальности, а второй (суюгени '(его) желание') — это слово, выражающее ирреальное модальное значение.

Отсюда видно, что «функтор реальности является нулевым (исходным, немаркированным) в системе модальных функторов. Не случайно в плане выражения функтору реальности обычно не соответствует какой-либо специальный показатель» [9. С. 12]. Такие показатели отсутствуют в предложениях, где в роли предиката выступают глаголы в изъявительном наклонении (например: Поезд шахарға келди 'Поезд прибыл в город') и в глагольных оборотах, не имеющих модального функтора, например: 1. Мен санга тубегенде 'Когда я встретил тебя'; 2. Мен санга тубегенлей 'Как только я встретил тебя'; 3. Мен санга тубеп 'Я, встретив тебя' и т. п.

Обороты не лишены и значения времени, которое многие лингвисты также связывают с основными признаками предложения — предикативностью и модальностью [10. С. 96]. В оборотах содержится как утверждение, так и отрицание. Притом в них, как и в предложении, отрицаются как реальные, так и ирреальные значения. Ср.: 1. Аны ишлерге суюгени белгилиди 'Известно, что он хочет работать'; 2. Аны ишлерге суюмегени белгилиди 'Известно, что он не хочет работать'; 3. Ол университетде окугъанда, сен гитчечик эдинг 'Когда он учился в университете, ты был маленьким'; 4. Ол илляулары бермей кыйгъанда, сабий бек ёпкелеген эди 'Когда он не отдал игрушки, ребенок очень обиделся' и т. д. Однако следует отметить, что в предложении для выражения отрицания употребляются лексическое и морфологическое средства, а в обороте — только морфологическое, т. е. частица -ма/-ме. В карачаево-балкарском языке лишь деелпричастие на -гъынчы/-гинчи не принимает этого аффикса. Все остальные неличные формы глагола могут снабжаться им.

В СемС предложения, кроме пропозитивного и модального значений, входят и значения повествовательности, вопроса, побуждения, ко-

торые одни лингвисты относят к модальным значениям [10], а другие считают, что они образуют особую рамку, названную коммуникативной [8. С. 14]. Предложения бывают повествовательными, вопросительными и побудительными, а обороты могут иметь лишь повествовательное и вопросительное значения. К стержневому компоненту оборота может присоединиться морфологическое средство выражения вопроса, т. е. частица -мы/-ми; ср. следующие пары предложений: 1. Къыш келип, сууук болду 'Зима пришла, поэтому стало холодно'. Суууккъ къыш келипми болду? 'Стало холодно из-за того, что пришла зима?'; 2. Автобус заманында келмей, сабийле дерсге кеч болдула 'Из-за того, что автобус не пришел вовремя, дети опоздали на урок'. Сабийле дерсге автобус заманында келмейми кеч болдула? 'Дети опоздали на урок из-за того, что автобус не пришел вовремя?' и т. д.

В числе тех признаков, мешающих рассматривать обороты в качестве придаточных предложений, иногда называют и то, что они не могут употребляться самостоятельно. Однако вряд ли можно на этом основании не считать обороты придаточными предложениями, которые также самостоятельно не употребляются и присоединяются к главному предложению с помощью союзных слов.

Казалось бы, все это позволяет рассматривать все обороты с самостоятельным субъектом в качестве придаточных предложений. Однако не все такие обороты в одинаковой степени обладают вышеуказанными основными признаками предложения. Так, например, предикат причастных оборотов существенно отличается от предиката предложения. Это объясняется, во-первых, тем, что не все его валентные свойства реализуются: предикат, выраженный личной формой переходного глагола бер 'давать', открывает места для S_1 (субъекта), S_3 (адресата) и S_4 (объекта) [11]: Он санга китап бергенди. 'Он тебе отдал книгу'.

Причастная форма того же глагола открывает места лишь для S_1 и S_4 , а форма S_3 ею не предсказывается. В результате этого изменяется пропозитивная структура синтаксической конструкции. Ср.: Ол китап берген келди 'Пришел тот, которому он отдал книгу'.

Нереализованной может оказаться валентность этого причастия на S_1 (субъект). Тогда оборот будет иметь следующую структуру: S_3 (адресат) + S_4 (объект) + Гген (предикат): Санга китап берген келди 'Пришел тот, который отдал тебе книгу'.

Приведенные обороты, в которых не полностью реализованы валентности глагола, могут замещать в синтаксической конструкции позиции определения, подлежащего и дополнения. Когда же позиция определяемого занята словами с временной семантикой (заман 'время', кюн 'день' и т. д.), указанное причастие может реализовать все свои валентности, ср.: Ол санга китап берген кюн мен да анда эдим 'В тот день, когда он отдавал тебе книгу, и я был там'.

В таких случаях причастный оборот вместе с следующим за ним словом с временной семантикой составляет синтаксически неразложимый комплекс.

Точно так же ведут себя и причастия от других типов глаголов. Разница заключается лишь в том, что при различных семантических типах деепричастий нереализованными остаются различные валентности. Например, при глаголе движения не реализуются валентности на S_1 (субъект) или S_3 (обстоятельство места), ср.: 1. Мен школгъа барама 'Я иду в школу'; 2. Школгъа баргъан сенсе (букв.) 'Сходившим в школу являешься ты'; 3. Мен баргъан школ шахардады 'Школа, куда сходил я, находится в городе'; 4. Мен школгъа жюриюген заманда сен студент эдинг 'Когда я ходил в школу, ты был студентом'.

Учитывая, что здесь реализуются не все валентности глагола, причастные обороты можно назвать конструкциями с неполной предикацией, или полупредикативными единицами.

В пользу такой концепции говорит еще и факт о том, что причастные обороты чаще всего носят местоименный характер. Они, хотя и имеют субъектно-предикатную структуру, выражают значение какого-либо субъекта или объекта, представленных полупредикативно, и в силу этого не встречаются в начале повествования. Ими мы пользуемся только тогда, когда наш собеседник знает, о чем или о ком идет речь.

Если исходить из предложенного здесь понимания полупредикативности, то к полупредикативным синтаксическим единицам придется отнести и обороты, образованные на основе слов кёп 'много', аз 'мало', бар 'есть, имеется', жокъ 'нет' и прилагательных и др. В оборотах, стержневым компонентом которых являются слова «бар», «жокъ», «кёп», «аз», не реализуется валентность на S_2 (притяжательное определение), ср.: 1. Хасановну китабы барды 'У Хасанова имеется книга'; 2. Китабы бар келди 'Пришел тот, у кого имеется книга' (т. е.: пришел Хасанов). Ср. также: 1. Асанны башы уллуду 'У Асана большая голова'; 2. Башы уллу сенсе 'Тем, у кого голова большая, являешься ты'.

Здесь, как и в предыдущих примерах, опущено притяжательное определение, выраженное формой S_2 .

В таких оборотах, стержневым элементом которых является прилагательное, нереализованным может оказаться S_1 (субъект), например: 1. Ахмат Азизден таматады 'Ахмат старше Азиза'; 2. Азизден тамата школда окъуйду 'Тот, который старше Азиза, учится в школе'.

В отличие от предложения, в рассматриваемых полупредикативных конструкциях порядок слов всегда бывает прямым. Интонационно выделить компоненты этих оборотов невозможно, что также говорит о том, что они менее предикативны, чем предложения.

В еще большей мере это относится к оборотам, стержневым компонентом которых является имя действия. В карачаево-балкарском языке такие обороты чаще строятся по схеме $S_2 + \text{Гыу} + S_3 + \text{Гыу}$, $S_4 + \text{Гыу}$ и т. д. Субъект действия в них обычно выражается формой родительного оформленного падежа, что также подтверждает их полупредикативный характер: Аны школгъа жюриуюу башланды, букв. 'Его хождение в школу началось'.

Как известно, при присоединении аффиксов принадлежности, падежей или множественности некоторые части речи употребляются субстантивно. Принимая аффикс принадлежности, имя действия в составе оборота так же несколько утрачивает свои глагольные признаки и вместе с тем приобретает свойства имени. О его близости к имени говорит и то, что оно часто переходит в разряд существительных, например: билеу 'брусек', тиреу 'подпорка', эгеу 'напильник' и т. д.

На наш взгляд, правы В. Б. Қасевич и В. С. Храковский, которые пишут: «Можно сказать, что пропозицию, лежащую в основе предложения „Внучка дает бабушке яблоко“, лучше отражает не это предложение, а (не вполне грамматичный) номинализированный оборот „давание внучкой яблока бабушке“: в семантике предложения содержатся значения реальности и повествовательности, которых фактически нет в номинализированном обороте» [8. С. 14]. То же можно сказать и о тюркских оборотах, образованных с помощью имени действия.

Все полупредикативные обороты стержневыми компонентами которых являются причастия, имена действия, прилагательные, слова бар, жокъ, кёп, аз, склоняются. Ср.:

1. Осн. п. Мен окъутхан сенсе 'Тем, кого обучал я, являешься ты'.

2. Род. п. **Мен окъутханны** китабы сендеди 'Книга того, кого обучал я, находится у тебя'.

3. Дат.-н. п. Китапны **мен окъутханнга** бер 'Отдай книгу тому, кого обучал я'.

4. Вин. п. **Мен окъутханны** чакъыр 'Пригласи того, кого обучал я'.

5. Мест. пад. Китап **мен окъутханда** къалгъанды 'Книга осталась у того, кого обучал я'.

6. Исх. пад. Китапны **мен окъутхандан** ал 'Бери книгу у того, кого обучал я'.

В такие обороты вводятся не все послелогии, а лишь те из них, которые могут употребляться после предметных актантов предложения.

Кроме того, следует отметить, что значение, выражаемое оборотами, образованными словами «бар», «жокъ», передается именами на -лы, -сыз; ср.: Фатары жокъла жыйылыугъа сыйюп келди/Фатарсызла жыйылыугъа сыйюп келди 'Те, кто не имеет квартиру, с удовольствием явились на собрание'.

Если предложения с такими оборотами считать сложноподчиненными, то и предложения, те или иные члены которых выражены словами на -лы, -сыз, также придется отнести к сложноподчиненным конструкциям. Однако этого никто не делает.

Склоняемые обороты в предложении занимают позиции всех его членов, кроме обстоятельства, и являются обязательными его составными частями. В карачаево-балкарском языке встречаются конструкции, где главными членами являются полупредикативные обороты: Сен таныгъан мен окъутханды 'Твой знакомый является тем, кого обучал я'.

Если причастный оборот, построенный по схеме $C_1 + \text{Ггъан}$ (без аффикса принадлежности), описательно выражает значение какого-либо объекта или субъекта, т. е. носит местоименный, указательный характер, то о причастном обороте, в котором субъект выражен родительным падежом, а предикат — причастием, снабженным аффиксом принадлежности, этого нельзя сказать. В таких оборотах валентности причастной формы глагола реализуются полностью: 1. Мени сени кѣргеним иги болду 'Хорошо, что я увидел тебя'; 2. Биз директорну школгъа къайтханына къууандыкъ 'Мы обрадовались тому, что директор вернулся в школу'.

О различии между этими двумя типами причастных оборотов говорит и то, что в предложениях с оборотами первого типа сказуемое выражается любым глаголом или именем, например: 1. Мен кѣрген келди 'Тот, кого видел я, пришел'; 2. Мен кѣрген сенсе 'Тем, кого видел я, являешься ты'; 3. Мен кѣрген къартды 'Тот, которого видел я, стар' и т. п.

При выражении сказуемого предложения, в состав которого включен причастный оборот второго типа, такой свободы выбора нет. Например, ни глагол движения кел 'прийти', ни слова сен 'ты', къарт 'старый' в предложениях с подобными оборотами не могут занимать позицию сказуемого.

Здесь действует принцип избирательности, которому до сих пор в тюркологии не уделялось внимания.

Причастные обороты второго типа могут быть включены в предложение, в роли сказуемого которого выступают, например, глаголы мышления, отношения, психического состояния и др.: 1. Биз директорну школгъа къайтырыгъыны юсюнден сыгъыш этебиз. 'Мы думаем о том, что директор вернется в школу'; 2. Биз директорну школгъа къайтханын билебиз 'Мы знаем, что директор вернулся в школу' и т. д.

Все эти и некоторые другие лексико-семантические типы глаголов отличаются тем, что хотя бы одно из открываемых ими мест в пред-

ложении всегда или почти всегда замещается предикатным актантом — причастием, инфинитивом или каким-либо другим функтором.

Проблемой классификации таких глаголов и других слов, которые условно могут быть названы включающими словами (ВС), в последнее время усиленно занимаются ленинградские лингвисты. На основе анализа фактов разноструктурных языков, в том числе и тюркских, они пришли к выводу о том, что глаголы, первая и/или вторая (возможно, и прочие) валентности которых носят пропозиционный характер, необходимо квалифицировать в качестве непредикатных [12. С. 17].

Такая точка зрения, по нашему мнению, позволяет прийти к выводу, что предложения с указанными оборотами не являются сложными; их лучше называть усложненными.

Обратимся к языковым фактам: Мен анда кьар жаугъан суннганма 'Я подумал, что там выпал снег'.

В этом предложении содержится оборот анда кьар жаугъан, букв. 'там снег падавший'. Вместо него в это же предложение могут быть включены другие склоняемые обороты, кроме тех, где стержневым словом является имя действия, например: 1. Мен бу китап иги суннганма 'Я подумал, что эта книга хорошая'; 2. Мен сенде китап жокъ суннганма 'Я подумал, что у тебя нет книги'.

Во-первых, склоняемые обороты в составе этого предложения построены не по приведенным выше, а по другим схемам — изменились число и форма их компонентов.

Во-вторых, при опущении оборота из состава приведенных примеров остается сочетание мен суннганма 'я подумал', которое, хотя по форме и похоже на предложение, не способно самостоятельно выражать событие. Ср. сочетание мен санайма 'я считаю'. В него также могут быть включены склоняемые обороты: 1. Мен сени акъыллыгъа санайма 'Я считаю, что ты умный'; 2. Мен сени бери келгеннге санайма 'Я считаю, что ты приехал сюда'.

В отличие от предложений, где позицию сказуемого занимает глагол сун 'подумать', здесь субъектное слово оборота вступает в двойную связь: со стержневым словом оборота и с глаголом, занимающим позицию сказуемого.

В предложениях такого рода могут быть включены и инфинитивные обороты, например: Биз сени шахаргъа жиберирге оноулашханбыз 'Мы договорились отправить тебя в город'.

Все рассмотренные обороты имеют лексически выраженный самостоятельный субъект. Однако традиционная грамматика их не выделяет и предложения с такими оборотами не относит к сложным. Такая точка зрения представляется необоснованной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: [2. С. 33].

² Ахматов И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1983.

³ В настоящей статье для обозначения формальных компонентов синтаксической конструкции приняты следующие условные сокращения: С₁ — осн. падеж; С₂ — род. падеж; С₃ — дат.-напр. падеж; С₄ — вин. падеж; С₅ — мест. падеж; С₆ — исход. падеж какого-либо имени; Г-ыл, Г-а, Г-гъанда и т. п. — дееспричастные формы глагола; Г-гъан, Г-лыкъ, Г-ыр и т. п. — причастные формы глагола; Г-ргъа — инфинитив; гьу — имя действия; ПС — предикативное слово; С таба, С дер: и т. п. — сочетание имени с послелогом «таба», сочетание имени с послелогом «дери» и т. п.

⁴ Сеидов Ю. М. Словосочетания в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1965.

-
- ⁵ *Закиев М. З.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
- ⁶ Категории глагола и структура предложения: Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.
- ⁷ Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- ⁸ *Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики//Категория глагола и структура предложения. Л., 1983.
- ⁹ *Они же.* От пропозиции к семантике предложения//Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- ¹⁰ См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
- ¹¹ Далее за формальными компонентами синтаксической конструкции, обозначенными символами S_1 , S_2 и т. д., в скобках приводятся семантические компоненты, каковыми являются субъект, предикат, объект и т. д.
- ¹² См.: Категория глагола и структура предложения. Л., 1983.
-

Ю. В. ЩЕКА

**СВЯЗЬ ТЕКСТА ПОСРЕДСТВОМ НУЛЕВОГО ЧЛЕНА
И НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ АСИНДЕТИЧЕСКИХ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**

Простое предложение, мыслимое в его абсолютной смысловой и формальной законченности, является лишь абстракцией. В смысловом отношении (плане содержания) отдельная пропозитивная номинация «нежестко очерчивает область... предметной соотнесенности» предложения, которое только в контексте обретает конкретное содержание (смысл), — «ничего не значит» не только отдельно взятое слово, но и отдельно взятое предложение» [1. С. 18, 41]. Форма предложения (план выражения) также претерпевает изменения при его вхождении в текст. Например, при употреблении в качестве придаточного предложения меняется интонация исходного простого предложения: «...придаточное предложение тем и отличается от простого, что оно не имеет той интонации сообщения, которая присуща простому самостоятельному предложению» [2. С. 137]. Таким образом, к анализу сложного предложения и текстовых единств можно подходить с точки зрения тех изменений в значении и форме предикативной единицы, которые она приобретает в тексте. Под предикативной единицей понимается такая единица, в которой выражена «отнесенность сообщаемого в тот или иной временной план (значения объективной модальности и синтаксического времени)» [3. С. 10]. Двигаясь по шкале или оси таких изменений (текстовых «деформаций» простого предложения), на которой формально-семантические отклонения от эталона абсолютно законченного простого предложения (крайняя исходная точка оси) располагались бы по мере увеличения, можно было бы наметить границу, за которой уже вместо собственно предложения (простого или придаточного) следует говорить лишь о предикативной единице. Максимальное отклонение (другая крайняя точка оси) связано, очевидно, для тюркских языков со случаем причастных и деепричастных оборотов с субъектом в родительном падеже. Одновременно рассматриваемая ось отражает степень обособленности или, наоборот, контекстуальной взаимозависимости предикативных единиц в тексте.

При анализе сложного предложения необходимо исходить из того, что две подсистемы литературного языка — письменная речь (ПР) и речь разговорная (РР) — обладают существенно различными закономерностями в области супрасинтаксиса. Важно отметить, что любой письменный или, наоборот, разговорный текст как явление речи пронизан для элементов любой из функционально-стилистических подсистем языка. Если же говорить о ПР и РР как о двух языковых подсистемах

темах, то они, за исключением известного общего нейтрального ядра, взаимно непроницаемы. Так, отсутствие в приводимой ниже схеме, скажем, союзного сложносочиненного предложения или полипредикативного предложения с причастными оборотами в графе РР вовсе не означает, что таких предложений нельзя встретить в разговорном тексте.

Рассматриваемая ось (таблица) приведена отдельно для паратаксиса и гипотаксиса, которые при их распространении на сферу организации текста выливаются, по нашему мнению, в более широкий принцип соответственно параллельной и последовательной связи предикативных единиц в тексте (примеры см. ниже).

Приведенная схема иллюстрирует место особенностей РР в области супрасинтаксиса турецкого литературного языка. Прежде всего, в ней отражен тот общий факт, что РР свойственна более тесная и формально более дифференцированно выраженная связь предикативных единиц, когда причастный или деепричастный оборот является как бы косвенной формой предикативной парадигмы (предикативное склонение) [4. С. 5]. В РР, наоборот, наблюдается относительно большая независимость предикативных единиц друг от друга, т. е. они обычно оформляются в цепь нераспространенных простых предложений. Можно предположить, что РР воплощает значительно более древнее состояние супрасинтаксиса, в то время как РР является результатом его более позднего развития.

В традиционной трактовке указанная общая закономерность РР связывается лишь с действием принципа примыкания и относится к случаю формальной невыраженности связи между предложениями. Изучение особенностей супрасинтаксиса турецкой РР позволяет сделать важные уточнения.

Асиндетический способ связи привлекал внимание многих туркологов, отмечавших его распространенность особенно в разговорном турецком языке. Так, в грамматике Льюиса отмечается возможность замещения отдельным простым предложением позиции подлежащего: *Kumar meraklıydı, bir gece bin lira kaybettiği olurmuş* 'Он был завятым игроком, бывало, за один вечер, говорят, проигрывал тысячу лир'; прямого дополнения: *Güneş daha batmadı dedi* 'Он сказал, солнце еще не зашло' и др. [5. С. 256]. Справедливо отмечается роль интонации для выражения связи между компонентами, которую А. Н. Кононов, С. А. Соколов и другие называют «союзной паузой». Вместе с тем имеющиеся, на наш взгляд, неточности, связаны с двумя крайностями в понимании асиндетона. С одной стороны, он привлекает внимание только лишь как «смысловое и интонационное единство» [6. С. 9], с другой — присутствующие часто в придаточной части вопросительная частица, вопросительное местоимение, форма условного наклонения, удвоение глагола-сказуемого и прочее рассматриваются как непосредственные средства выражения подчинительной связи [7. С. 522—523, 537—538].

Общие закономерности турецкой РР связаны с действием двух противоположных тенденций — максимальной лаконичности высказывания, с одной стороны, и его типично разговорной по форме детализацией — с другой. Эти две тенденции нашли свое выражение в обилии в РР предложений: 1) с нулевым замещением той или иной синтаксической позиции и 2) с парным ее замещением [8. С. 66; 9. С. 68]. Нулевое выражение членов предложения как особенность, прежде всего, живой разговорной речи отмечается у Генджана, который называет это явление термином *sözcük düşmesi*: — *Turgut ne yapıyor?* — *Uyuyor* 'Что делает Тургут? — Спит'; — *Nereye gideceksin?* — *Okula* — '— Ты куда

пойдешь? — В школу' [10. С. 140]. Здесь остались незамещенными позиции подлежащего (ответная реплика первого примера), а также подлежащего и сказуемого (ответная реплика второго примера). В условиях РР такие случаи следует отличать от эллипсиса, так как в контексте приведенных примеров эти предложения вполне закончены и самостоятельны. Относительно парного замещения отметим, что случай парного сказуемого с наличием отдельных подлежащих целесообразно было бы называть парным предложением, которое в силу, прежде всего, интонационного единства следует отличать от обычной последовательности простых предложений: *Atla arabaya, gideceğin yere götüreyim seni* [11] 'Садись в машину, отвезу тебя, куда нужно!'.

Асиндетическое соединение простых предложений распадается на два подкласса. В первом они сохраняют относительно большую самостоятельность; связь выражена только смыслом и интонацией: *Kızla augmented kopuşmak istiyorum, çık dışarıya* [12. С. 115] 'Я хочу один поговорить с девушкой, выйди отсюда!'. Здесь первое предложение как бы поясняет причину просьбы, выраженной во втором. В другом типе асиндетона связь, помимо чисто смысловой и интонационной общности, выражается еще и важным структурным средством, — одно из предложений строится по модели нулевого члена, слово же, способное по своей смысловой, а также лексико-грамматической сочетаемости относиться к этой позиции, находится в другом предложении: *Düşse düşse lâf İsmail'e düşer, köyümüzün parti başkanıdır* [13. С. 164] 'Если кто и должен высказаться, так это Исмаил, он же председатель нашей деревенской партийной организации'. Здесь вторая фраза есть предложение с нулевым подлежащим, слово *İsmail*, находящееся в первой фразе, относится к данной синтаксической позиции. Связь посредством нулевого члена является весьма распространенной и типичной для РР, построенные по этой модели асиндетические сложные предложения и текстовые единства оказываются значительно более прочно «сцепленными» по сравнению с упомянутым выше подклассом первого типа.

Связь нескольких предложений посредством нулевого члена может быть параллельной или последовательной. При параллельной связи несколько предложений с нулевыми членами соотносятся с одним и тем же словом (или предложением), являющимся как бы исходным и замещающим эти нулевые члены: — *Krizi mi tutmuştu?... — Bir şey değil, sinir, buhran, geçer* [14. С. 78] '—С ней плохо, что ли? — Ничего страшного: нервы, (душевный) кризис, пройдет'; *Memlekette karı kız mı yok?... Benim sekiz tane vardı Ankara'da. Yolum Eskişehir'e düşünce hepsini sepetledim. Orda da dört tane. İnsan sever okşar ama, tava gelip tapusunu çıkarmamalı* [14. С. 100] 'Неужели в стране мало женщин!.. В Анкаре у меня их было восемь. А как пришлось уехать в Эскишехир, я их всех побоку. Там тоже четыре (было). С ними приятно проводить время, но нельзя слишком увлекаться и доводить дело до документального оформления (брака)'. Здесь в первом примере номинация первой фразы ((*karım:n*) *krizi tutması*) соотносится с нулевыми позициями подлежащего в четырех последующих фразах. Во втором примере слова *karı kız* соотносятся с нулевыми позициями (подлежащего, определения, прямого дополнения) последующих предложений. В обоих примерах налицо параллельная связь, которая является как бы механизмом паратаксиса, так как, соотносясь с чем-то третьим, два (или больше) предложения оказываются равноценными друг относительно друга.

При последовательной связи каждое предложение цепи содержит нулевой член, соотносящийся с каким-либо словом в предыдущем

предложении (или со всем предыдущим предложением), и одновременно включает слова, способные замещать нулевую синтаксическую позицию в последующем предложении: Çerkes Rasim'in evinde bir oda bir mutfak boşalmış. Geçmek ister misiniz?.. İsterim dedim ona. Sonra her şeyi anlattım. Aldırma dedi [14. С. 138] 'В доме Черкеса Расима освободилась комнатка с кухней. Хотите переехать?.. Я ему сказал, что хочу. Потом все рассказал. Он мне сказал, чтоб я не обращаю внимания'. Нулевое косвенное дополнение при geçmek соотносится со словом oda из предыдущего предложения, само же слово geçmek соотносится с нулевой позицией прямого дополнения при isterim (находящемся в следующей фразе), которое, в свою очередь, соотносится с позицией прямого дополнения при dedim ona. Она соотносится с позицией косвенного дополнения при anlattım. В качестве косвенного дополнения при aldirma могут выступать слова her şey. Последовательная связь служит основанием для развития подчинительной связи, так как одно из двух предложений, соединенных такой связью, — придаточное выступает на правах одного из синтаксических членов другого — главного.

По мнению исследователей, в бессоюзном сложном предложении (часто) невозможно различие сочинения и подчинения [6. С. 6]. Однако описанная связь посредством нулевого члена дает четкий формальный критерий различения сложносочиненного и сложноподчиненного предложений для обширного класса разговорных асиндетических предложений.

В рамках сказанного, однако, следует отличать: 1) текстовые объединения двух или нескольких простых предложений (посредством нулевого члена) и 2) собственно сложные предложения асиндетического типа, построенные на замещении придаточной частью одной из синтаксических позиций главной части. Основным критерием этого различия является интонация. Другой важной особенностью является то, что если в текстовое объединение рассматриваемого типа могут вступать практически любые предложения без каких-либо ограничений, то для построения асиндетического сложного предложения должен выполняться ряд ограничительных условий, связанных с: 1) употреблением в придаточной части вопросительной формы и форм косвенных наклонов и 2) особой семантикой глагола в главной части (для случая придаточного, замещающего позицию прямого дополнения).

Рассмотрим примеры текстового объединения, основанного на нулевом подлежащем; при этом предложение с нулевой позицией подлежащего может быть эквивалентно как именному, так и глагольному сказуемому:

а. В качестве предложения-подлежащего могут выступать назывные предложения: Deli gençlik. Ne palan tanır ne kolan [14. С. 17] 'Сумасшедшая молодежь. Не признает ни узды, ни поводьев' (при другой интонации эти два предложения могли бы быть обычным простым);

б. Предложение-подлежащее содержит выделительные bak, var (ya), uok, которые (наряду с интонацией) служат обособлению подлежащего в виде отдельного предложения (явление, близкое к так называемому «именительному темы» в русской РР [15. С. 137]): Sabah sabah şunlara bak. Eşşek kadar şeyler, ayol [14. С. 8] 'Смотри-ка, вон идут спозаранку! Вон какие здоровые вымахали!' (о молодежи, праздно гуляющей утром в будничный день); Çözlere bak, tulum tulum [14. С. 7] 'Смотри, вон глаза (у нее) какие! Все заплаканные!'; İşin uçunda iki yüz banknot var. Az para değil [13. С. 172] 'В конце концов ты можешь получить двести лир. Это деньги немалые'; Şu ayılar var ya, şu ayılar? Her şeye tenezzül ederler [16. С. 16] 'Знаете, эти неотесанные люди, эти

увальни (о крестьянах, приезжающих в город на заработки)! Они не гнушаются никакой работы'; İnci abla var ya, İnci abla?.. Pencere-sinde beni bekliyormuş [14 С. 10] 'Знаешь, эта тетушка Инджи! Она, говорят, меня все поджидает у своего окошка!'; ...Bir kaç yıl sonra tarla-da yok. Su altına düştü [13. С. 193] 'Здесь: через несколько лет у меня и земли не стало. Ее затопило водой';

в. Предложение с нулевым подлежащим может относиться к одному слову соседнего предложения: Sordum kocasını, evde yokmuş [14. С. 11] 'Я спросил ее мужа, (но) оказалось, что его нет дома'; — Bu işin altbaşını hesapladınız mı? — Kötü olacak [13. С. 208—209] '—Вы подумали, чем все это может кончиться? — Плохо кончится'; — Maşallah, mahsul bu yıl bereketli. — Geçen yıl böyle değildi [13. С. 66] '—Слава богу, урожай в этом году хороший. — В прошлом году был не такой'; (Domuz eti) vücudunda böcek yapar. Tanrı esirgesin, yer bitirir seni, Mustafam [17. С. 270] 'Здесь: От свинины у тебя будут глисты. Не дай бог, заболеешь и умрешь, мой (дорогой) Мустафа';

г. Позиция нулевого подлежащего может соотноситься со всем соседним предложением: —...Her kanaryanın kendisine mahsus bir ötüşü vardır. — Malûm, malûm [17. С. 258] '—Каждая канарейка щебечет по-своему. — Это дело известное!'; ...Okuma yazmayı iyi öğren. Hem kendin için iyi olur, hem de memleket için. [13. С. 74] '...Грамоте хорошенько выучись. Это будет полезно и тебе, и для страны'; Onu dile düşürdün. Erkekliğe sığar mı? [14. С. 27] 'Ты ее опозорил. Разве так подобает мужчине?';

Из приведенных примеров видно, что рассматриваемый тип связи на уровне текста употребляется без каких-либо формальных или семантических ограничений. Своеобразным развитием данного типа является асиндетическое сложноподчиненное предложение, в котором на позиции подлежащего находится отдельное предложение. Для такого качественно более тесного объединения необходимо, чтобы в роли сказуемого главной части выступал глагол olmak в вопросительной форме (при этом чувствуется происхождение конструкции из прямой речи): ...Canı öyle istemişti olur mu? [12. С. 127] 'Разве можно так говорить, что ему этого захотелось?'; —...Sana ne ayak sesinden? — Vana ne olur mu? [18] '—Какое тебе дело до шагов (слышимых за дверью)? — Как это что мне до них!'. Другим требованием является употребление косвенных наклонений, особенно в вопросительной форме (с вопросительными местоимениями), иногда с повтором, в придаточной части: Dük-kân Gâfur'un olsun, başkasının olsun, ona ne? [16. С. 24] 'Какое ему дело до того, принадлежит ли магазин Гяфуру или еще кому!'; (Onda) ne ararsan maa ziyade bulunur [14. С. 61] 'У него в изобилии есть все, что захочешь'; ...Sebze hali nere diye kime sorsan deyiverir [16. С. 19] '...У кого спросишь, где здесь рынок, тут же скажет'; Sussanız iyi olacak [19. С. 132] 'Если помолчите, будет хорошо!';

Изложенные выше особенности составляют как бы центральную часть подсистемы турецкого литературного разговорного языка, которая наиболее активно взаимодействует с некоторыми стилями письменной речи (это находит свое выражение, например, в речи персонажей художественных произведений). Можно предположить, что максимально неофициальная, спонтанная речь обладает также и некоторыми иными закономерностями, составляющими более периферийную часть подсистемы РР и связанными в данном случае со снятием тех ограничений, о которых шла речь (этот вопрос требует дальнейшего изучения): Bazi kimseler vardır uzatır mı uzatır [20. С. 109] 'Есть некоторые люди как начнут рассуждать, так не остановишь!'; İkinciye geçip otur-

madin inadından değil mi? [16. С. 17] 'Ты из-за упрямства не пересел во второй класс (в салон второго класса), не так ли?'

Типичным для турецкой РР способом объединения предложений в тексте является также связь посредством нулевой позиции прямого дополнения:

а. Нулевая позиция прямого дополнения может соотноситься с одним словом из соседнего предложения: Abdullah da gelseydi. Anası salmamıştı [16. С. 11] 'Вот пришел бы и Абдулла! (Его) мать не пустила'; — Kamyonun tekerleği patlarsa ne yaparlar? — Yamarlar [13. С. 100] '—Если у грузовика лопнет шина, что делают? — Чинят'; O zaman da fırkalar vardı. Çok gördüm, çok [13. С. 151] 'И в то время тоже были партии. Я их очень много видел!';

б. Рассматриваемая нулевая позиция может соотноситься со всем предыдущим высказыванием: Memleketin kaderi kısmeti var ortalıkta. Anladınız mı? [21. С. 203] 'Речь идет о судьбах страны. Поняли вы?'; Ne olup ne bitiyor? Haber almıyoruz ki [22. С. 251] 'Что происходит? Нам же не сообщают!';

в. Возможно дистантное расположение соотносящихся предложений: Sahiden evlât defterden silinir mi be Osman... Benim hiç evlâdım yok ta... Bir türlü kestiremiyorum [13. С. 122] 'Разве на самом деле можно стереть из памяти сына, Осман?.. У меня совсем вот нет сыновей... Я никак не могу (этого) понять'.

Своеобразным развитием рассмотренного способа объединения предложений в тексте является асиндетическое сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным. Как и для случая предложений с придаточным подлежащим, здесь имеется ряд аналогичных ограничений, сам факт наличия которых отмечается в турецких грамматиках. Прежде чем говорить о необходимой, на наш взгляд, трактовке этих ограничений, перечислим их.

1. Первое условие возможности построения асиндетического предложения с придаточным дополнительным связано с особой семантикой глагола, употребляемого в качестве сказуемого главной части. В этом случае рассматриваемое сложноподчиненное предложение соответствует изъяснительному типу; в роли сказуемого главной части выступают глаголы речи: almak 'полагать', bilmek 'знать', farzetmek 'предполагать' и др.: Albay geldi sanır üzüldük [23. С. 180] 'Мы подумали, что пришел полковник, и огорчились'; Hepimiz aynı şeyleri biliyoruz sanırım [24] 'Думаю, что у нас у всех (имеется) одинаковая информация'; Seni severim bilirsin [25. С. 153] 'Ты знаешь, что я тебя люблю'; — Farzedelim aksilik çıktı, herif bizi kapıdan kovdu. — Kovamaz. — Farzet kovdu, birader [25. С. 144] '—Допустим, вышла неприятность, (этот) тип нас прогнал, захлопнув перед носом дверь! — Не может он (нас) прогнать... — Ну представь себе, что прогнал!'; Göreceksin, sana toz kondurtmayacağım [25. С. 130] 'Вот увидишь, я тебя не дам в обиду'; Siz hatırlamazsınız, memlekette erkek güzeli tanınmıştı [14. С. 74] 'Вы (конечно) не помните, (что) он в тех местах считался первым красавцем'.

Перечисленные выше глаголы речи являются переходными. Интересно, что косвенно-переходные глаголы, могущие функционировать как глаголы речи, такие, как bakmak 'смотреть', korkmak 'опасаться', söz vermek 'дать слово' и другие, также активно участвуют в построении асиндетических предложений с придаточным дополнительным, при этом не совсем ясно, замещает ли данное придаточное предложение синтаксическую позицию прямого или косвенного дополнения. По нашему мнению, данные глаголы в рассматриваемом случае функционально

выступают как переходные: *Bakiyorum merhabama hasbî geçiyorsun* [12. С. 86] 'Смотрю, ты не отвечаешь на мои приветствия'; *Beni alıp götürcek korkarım* [12. С. 42] 'Боюсь, что он меня увезет с собой'; *Sana söz veriyorum, (seni) kurtarmaya çalışacağım* [26. С. 308] 'Даю тебе слово, что я попытаюсь (тебя) спасти'.

Разновидностью рассматриваемых изъяснительных предложений являются фразы, построенные по принципу прямой речи с глаголом *demek* 'говорить' в главной части. В разговорной речи сфера функционирования таких предложений далеко выходит за рамки обычной прямой речи: *(Pulu) usulsüz yapıştırıyorsunuz demek istedim* [21. С. 9] 'Я хотел сказать, что вы неправильно приклеиваете (марку)'; *Yok tok dedikse utmıyor* [19. С. 119] 'Объясняли (ему), что (этого у нас) нет, — не верит'; *Ben sana tâ vaktinde demedim mi, bu işin dibi derin?* [13. С. 193] 'Разве я тебе еще в свое время не говорил, что это дело может иметь далеко идущие последствия?'. К рассматриваемому типу сложного предложения с *demek* в главной части примыкают многие разговорные конструкции, которые уже следует рассматривать как простое предложение с особой формой предиката: *Treni kaçırayım demeyin* [21. С. 19] 'Не вздумайте опоздать на поезд!'.

Другой разновидностью рассматриваемого типа является случай, когда сказуемое придаточного дополнительного стоит в вопросительной форме (вопросительное местоимение или частица *mi*). При этом наблюдается меньшее лексическое ограничение на глагол в главной части, что проявляется в высокой частотности более широкого круга глаголов речи: *Sandığın içindeki kâğıtlarda kim ne demiş anlayalım bakalım* [13. С. 196] 'Ну-ка, давайте посмотрим, кто что там написал на бюллетенях в избирательной урне'; *Anlamadım ne konuşacaksın benimle* [23. С. 181] 'Не понял, о чем ты будешь со мной говорить'; *Kafanı nasıl yardımıdın unuttun mu?* [27. С. 261] 'Ты что—забыл, как я тебе голову (тогда чуть не) разбила?'; *Erol geldi mi öğrenmek istiyorum* [11] 'Я хочу узнать, приехал ли Эрол'. В данном случае, так же, как и выше, в роли сказуемого главной части часто выступают косвенно-переходные глаголы: *Gençler nasıl iş görmüş bir bakalım* [13. С. 206] 'Посмотрим, как молодые умеют дело делать'; *Bu ameliyat bitinceye kadar nasıl bekledim, nasıl düşüp bayılmadım şaşıyorum* [22. С. 390] 'Удивляюсь, как я дождался конца операции, как не упал и не потерял сознание'. Типичным является употребление в придаточном двух однородных сказуемых, являющихся антонимами: *Bilmek isterdim doğrusu (beni) över misiniz, söyver misiniz* [21. С. 28] 'Хотел бы, по правде говоря, знать, хвалите ли вы (меня) или ругаете'; *Nemiz var nemiz yok öğrendiler* [28. С. 134] 'Они узнали, что у нас есть и чего нет'.

II. Построение асиндетического предложения с придаточным дополнительным возможно также тогда, когда в придаточной части глагол стоит в повелительном или условном наклонении и преимущественно имеет вопросительную форму. В этом случае в роли сказуемого главной части может выступать практически любой глагол (а не только глагол речи):

1. Сказуемое придаточного дополнительного стоит в утвердительной форме повелительного наклонения: *Ayak işi olsun verir* [19. С. 54] 'Он (мне) даст хоть какую-нибудь захудалую работенку'. Эта модель ограничена случаем именного сказуемого (в повелительном наклонении фигурирует глагол *olmak*) и 3-м л. ед. ч. Вместе с тем она примыкает к известному тривиальному случаю, близкому к прямой речи, когда в главной части употребляется глагол речи (в этой разновидности возможны все лица и числа): *Akıl diyor atla git, gırtlakla inek*

karıyı [14. С. 47] 'Ум (мне) подсказывает, бросайся, поезжай, схвати за горло эту глупую женщину'; Çocuklar gibi davranmayı rica ederim [23. С. 178] 'Прошу вас, не ведите себя как дети'.

2. Употребление в именном сказуемом асиндетического придаточного дополнительного утвердительной формы условного наклонения наблюдается редко, при этом необходимым условием является наличие нескольких однородных сказуемых: (Çocuk) topraksa, çaputsa, ekmekse, kaşıksa ağzına götürmüş... [29. С. 31] 'Ребенок, говорят, тащил в рот все: и землю, и тряпки, и хлеб, и ложку...'. Можно сказать, что наличие однородных сказуемых здесь играет большее значение, чем форма условного наклонения, так как имеются аналогичные примеры без формы условного наклонения: Undur, bulgurdur, yağdır, tuzdur, örtüdür, döşektir, yükledik götürdük [29. С. 41] 'Мы грузили да возили все: и муку с крупой, и масло с солью, и одеяла с постелями'.

3. Весьма распространенным является модель асиндетического придаточного дополнительного, имеющего вопросительную форму и сказуемое в условном наклонении: Ne biliyorsan benden öğrendin [24] 'Всеми, что ты знаешь, ты научился у меня'; Ne istersen yap [14. С. 87] 'Делай, что хочешь'; Şimdi neye elini uzatsa alıveriyor [24] 'Сейчас он имеет все, что пожелает (дословно: «сразу берет то, к чему протягивает руку»); Ne iş olsa yaparım [19. С. 55] 'Я буду выполнять любую работу'; Ne derdin varsa anlat bana [11] 'Расскажи мне обо всех своих горестях'. Вместо условного наклонения иногда употребляется условная модальность: ...Oğlan... eline ne geçerse fırlatırdı annesine [14. С. 84] '...Парень... запускал в мать все, что ему попадалось под руку'. Рассматриваемое придаточное предложение может занимать позицию прямого дополнения лишь функционально: Öpüne kim çıkarsa sor [15. С. 20] 'Кто попадется тебе, у того и спроси', при этом «спросить у кого-либо»—kimseye sormak. Распространенной разновидностью рассматриваемой модели является использование повторов и однородных элементов в придаточной части: Ne söylerse söylesin inanma [14. С. 46] 'Не верь, что бы он ни говорил'; Yarın ilk işin şu yarım oda mıdır, bir oda mıdır, ne katın ağrısıysa bul, taşınalım [14. С. 81] 'Завтра первым делом найди этот угол, или комнату, или как ее еще там назвать, и давай переедем'. Наличие ряда однородных элементов позволяет в данном примере оформить придаточные части просто вопросительной формой, наряду с вопросительной формой плюс условное наклонение.

Как уже отмечалось, рассмотренные случаи следует отличать от тех, когда связь между предложениями (в рамках текста или сложного предложения) выявляется лишь по смыслу и по контактности расположения. К последним, кроме уже приводившихся примеров, относятся, например, и такие предложения: Suçu var mı yok mu o da belli değil [28. С. 150] 'Виноват он или нет, это тоже неизвестно'; Bunca hayırsız işler kimin başının altından çıkıyor, onu bir bulmalı [30. С. 6] 'В чьей голове зарождается столько злых деяний, вот что нужно (взять да) определить', в которых соответствующие позиции подлежащего и прямого дополнения замещены местоимением. Из сопоставления этих примеров явствует, что в рассмотренных выше случаях асиндетических сложноподчиненных предложений связь выражается не только смыслом и контактностью, но и приемом замещения нулевой синтаксической позиции, являющимся синтаксическим средством выражения. Отсюда следует, что общий тезис о грамматической невыраженности асиндетона требует указанного уточнения, а асиндетические сложные предложения необходимо подразделять на соответствующие подклассы.

С другой стороны, выше говорилось и о диаметрально противопо-

Отдельные предложения, связанные в тексте	Сложное предложение	Полипредикативное предложение	Распространенное простое предложение)
<u>Пр</u> Формально и семантически полное предложение 1. «Парные предложения» 2. Предложение с нулевыми членами	Асиндетон С оформленной грамматической связью	Союзное сложносочиненное предложение	(Предложение с однородными сказуемыми) (Предложение с парным сказуемым)
А. Параллельная связь			
<u>Пр</u> Выражение связи: местоимения, анафорой и пр.	Придаточное условное с подчинительным союзом	Предложение с причастным или деепричастным оборотом	То же, но с субъектом в род. падеже
Б. Последовательная связь			
<u>Пр</u> Замещение синтаксической позиции простым предложением	Оформленность придаточного предложения: афиксами принадлежности или падежей		(Распространенное простое предложение)
<u>Пр</u> Формально и семантически полное простое предложение			

ложном мнении, в соответствии с которым сама вопросительная форма и косвенное наклонение в придаточной части являются якобы средством выражения связи. По нашему мнению, с этим трудно согласиться, так как во множестве известных других случаев ни вопросительная форма, ни косвенные наклонения показателем связи предикативных частей в составе сложного предложения не являются. На современном уровне эволюции языка вопросительная форма, косвенные наклонения, наличие повторов или нескольких однородных придаточных частей, равно как и лексические ограничения на сказуемое главной части, являются лишь условиями, способствующими построению рассматриваемых типов асиндетических сложноподчиненных предложений. Имеющая при этом место десемантизация показателей вопросительности и косвенных наклонений позволяет лишь сделать предположение о том, что, возможно, в далеком будущем из них на самом деле сформируются новые средства грамматического оформления связи между частями сложноподчиненного предложения. Тогда эти новые средства будут либо оставаться преимущественно в сфере РР и противостоять известным письменным формам предикативного склонения (формам на -dik, -asak и др.), либо придут на смену последним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
2. Грунина Э. А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке//В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1961. Т. 3: Синтаксис.
3. Русская грамматика. М., 1982. Т. 2.
4. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск. 1984.
5. Lewis G. L. Turkish Grammar. Oxford, 1967.
6. Соколов С. А. Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке. М., 1974.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
8. Щекá Ю. В. Предложения назывные и с глаголом в нулевом выражении в турецкой РР//Сов. тюркология. 1983. № 3.
9. Он же. О соотношении парных членов предложения и предикативных конструкций в турецкой РР//Там же. № 6.
10. Gencan T. N. Dilbilgisi. Ankara, 1979.
11. Soğuk suda güneş ışığı — постановка анкарского радио.
12. Kemal O. Yağmur yüklü bulutlar. Ankara, 1974.
13. Kocagöz S. Yılan hikâyesi. İstanbul, 1954.
14. Kemal O. Arkadaş ısıkları. Ankara, 1972.
15. Лантева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
16. Kemal O. Gurbet kuşları. Sofya, 1966.
17. Enis R. Sarı it. İstanbul, 1968.
18. Oğullar — постановка анкарского радио.
19. Nesin A. Bir sürgünün anıları. İstanbul, 1975.
20. Demiray K. Temel Dilbilgisi, 1.
21. Ихмалян Ж. Г. Учебное пособие по турецкому разговорному языку. М., 1971. Т. 2.
22. İzzet E. Aşk güneşi. İstanbul, 1930.
23. Baykurt F. İçerdeki oğul. Ankara, 1975.
24. Porsuk ağacı parkı — постановка анкарского радио.
25. Kemal O. Oyuncu kadın. Ankara, 1975.
26. Tahir K. Esir şehrin insanları. İstanbul, 1956.
27. Tahir K. Körduman. Ankara, 1971.
28. Kemal Y. İnce Memed. Sofya, 1958.
29. Baykurt F. Efendilik savaşı. Ankara, 1974.
30. Cumhuriyet. 1977. 4 июня.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

В. М. КУЛИЕВ

Г. ТУКАЙ И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ НАЧАЛА XX ВЕКА

Азербайджанско-татарские литературно-культурные связи, обусловленные общностью исторических судеб, близостью этногенетических, языковых, религиозных и культурных традиций, развивались на протяжении столетий.

В их формировании и расширении в начале XX в. немалая заслуга принадлежит великому татарскому поэту Габдулле Тукаю (1886—1913).

Самобытный, талантливый художник, Г. Тукай завоевал признание в Азербайджане, «стал самым современным поэтом современности, как и Сабир...» [1. С. 66]. Уже в 1906 г. бакинская газета «Хаят» опубликовала стихотворение «Где муллы, что хотят омусульманить Японию» двадцатилетнего татарского поэта, в котором высмеивались наивные и тщеславные иллюзии ревнителей ислама [2. С. 413]. Выражавшая интересы и настроения национальной буржуазии газета «Хаят» ратовала прежде всего за решение внутренних проблем мусульманского мира, поэтому тщетная миссионерская деятельность «исламских борцов» типа Рашида Ибрагимова после бурного и поучительного 1905 г. не очень импонировала ей. На страницах «Хаят» публиковались статьи о классиках мировой литературы, просвещении и культуре, о современной мусульманской действительности и т. д. [3]. Г. Тукай в далеком Уральске читал «Хаят» и даже посвятил ей четверостишие.

Это поэтическое послание Г. Тукая в адрес газеты было вызвано в первую очередь участием в ее работе представителей прогрессивной азербайджанской интеллигенции — Г. Зардаби, Н. Нариманова, С. М. Ганизаде, М. А. Сабира, М. Хади, У. Гаджибекова и др. До появления газеты «Фикер» и других татарских периодических изданий Г. Тукай систематически читал азербайджанские газеты «Шарки-Рус» («Русский Восток») и «Хаят» в Уральске, где учился в медресе Мотыйгулла хазрата [4. С. 54]. Видимо, освещение некоторых сторон татарской действительности в газете «Хаят» также привлекло внимание молодого поэта. Не случайно «Хаят» еще в 1905 г. в одном из своих первых номеров в статье «Весна нашей культуры» писала о давно ожидаемом культурном пробуждении в Казани [5].

Поэтическое послание, конечно, не отличается особым мастерством и вряд ли выражает истинно поэтическое лицо молодого Тукая. Однако в нем Г. Тукай затрагивает отношение некоторых чиновников тогдашней кавказской администрации — цензоров восточных языков к издаваемой в Баку азербайджанской газете. Дело в том, что, начиная с 1875 г. — года издания «Экинчи» («Пахарь») — официальный контроль над азербайджаноязычной прессой осуществляли цензоры-неазербайджанцы, едва знако-

мые с восточными языками (исключая И. Кайтмазова — выпускника восточного факультета Санкт-Петербургского университета. — В. К.). Дабы избавиться от «лишнего груза», какой для них являлась азербайджанская пресса, они при первой же возможности обвиняли газеты и их редакторов в «панисламизме», «пантюркизме», и, таким образом, по свидетельству одного из очевидцев, «сфабрикованный в стенах Тифлисского цензурного комитета „панисламизм“ стоял злободневной темой для всех административных учреждений Российской империи» [6. С. 42]. Конечно, не следовало бы соглашаться с подобным упрощенческим пониманием сложного и противоречивого религиозно-идеологического движения панисламизма, однако автор прав в том, что «кавказское начальство верило им (чиновникам-цензорам. — В. К.), наглость же их доходила до того, что они без стеснения писали и подписывали всякую глупость» [6. С. 41]. Однако эти «глупости» кое-кому были на руку. Так было в свое время покончено с «Экинчи», так с «легкой руки» цензора С. Мелик-Мехрабова прекратил свое издание журнал «Кешкюль», так заставили умолкнуть «Шарки-Рус», такой участи не смогли избежать и некоторые другие азербайджанские периодические издания. Например, цензор восточных и «туземных языков» Г. С. Кишмишев обвинял редактора «Шарки-Рус» М. Шахтахтинского в том, что он пишет искусственным «общетюркским языком». Нетрудно догадаться, на что намекал цензор. Азербайджанский публицист, отвечая ему, писал в своем заявлении на имя председателя Тифлисского комитета по делам печати Гаккеля: «...не я пишу искусственным языком, а г. Кишмишев не понимает обыкновенного литературного татарского (азербайджанского. — В. К.) языка. Г-н Кишмишев не знает ни одного слова по-арабски, тогда как язык Корана составляет основной элемент всех мусульманских письменных языков. Г-н Кишмишев знает ограниченное число слов на елизаветпольском диалекте местного татарского языка, в котором, однако, так слаб, что не может составить сознательно правильно самой коротенькой фразы» [7. С. 3]. Хорошо зная почти три поколения таких горе-цензоров и их враждебное отношение к азербайджанской печати, М. Шахтахтинский, выражая точку зрения тогдашней национальной интеллигенции, писал: «Ничего подобного не было бы, если бы г. Кишмишев имел восточно-мусульманскую эрудицию, соответствующую своей должности цензора восточных языков, как того точно и определенно требует закон. Другой бы на его месте, видящий, что должность его требует от него знаний, которых у него нет, уступил бы место лицу, более подходящему, но он предпочитает разными неосновательными обвинениями дискредитировать мое издание (газету «Шарки-Рус». — В. К.) пред начальством с явным намерением добиться его закрытия и тем самым освободиться от обязанности знать восточные языки, состоя на жалованьи по должности цензора восточных языков» [7. С. 3—4]. Первый цензор-азербайджанец в Тифлисском комитете по делам печати Мирза Шариф Мирзоев в своем неизданном труде «Из истории тюркской (азербайджанской. — В. К.) печати на Кавказе» приводит многочисленные факты и материалы о том, как в 1905 г. цензоры Кишмишев и Караханов добились закрытия газеты «Хаят» [6. С. 35—51]. О предубежденном отношении этих цензоров к азербайджанской печати и об их профессиональной безграмотности пишет также основоположник журнала «Молла Насреддин» Джалил Мамедкулизаде в своих «Воспоминаниях»: «Цензоры Кишмишев и Караханов на страницах газеты „Тифлиссский листок“ постоянно вели кампанию против азербайджанской печати. Они всегда старались довести до сведения российского правительства то, что на Кавказе все мусульманские писатели и журналисты являются „пан-

исламистами". Якобы эти журналисты всеми правдами и неправдами приглашают кавказских мусульман под зеленое знамя ислама и мечтают, чтобы это знамя находилось в руках турецкого султана» [8. С. 153].

Отношение царской цензуры и ее ревностных служителей к тюркоязычной прессе хорошо было известно Г. Тукаю. Впоследствии он сам стал мишенью для донесений и рапортов цензоров, о нем сообщил свое «особое мнение» цензор, известный тюрколог Н. Ф. Катанов.

В одном из своих писем Г. Тукай писал: «...я и дипломат, и политик, и общественный деятель. Мои глаза многое видят, уши многое слышат» [1. С. 17]. В этих словах большая истина. Он в самом деле был проницательным политиком, прекрасно разбирался в сложных вопросах общественной жизни. Его стихи и статьи, в первую очередь программное стихотворение «Не уйдем», тому пример. Г. Тукай не только наблюдал и слушал, он делал правильные и точные выводы, демонстрировал острое классовое и социальное чутье. Тукай-политик правильно воспринимал и оценивал сложные, во многих случаях умышленно запутанные проблемы азербайджанской и в целом закавказской действительности начала XX в., в частности спровоцированные царскими властями армяно-мусульманские столкновения в 1905 г. Это братоубийство взволновало всех честных людей. М. Горький, побывавший в Баку до этого дважды, с большим сожалением и болью писал о погромах [9. С. 345]. Свой протест высказывали передовые русские, азербайджанские, армянские журналисты, общественные деятели. Тукай-политик тоже не остался в стороне. В 1907 г. в журнале «Алгасрел джадит» («Новый век») появился переведенный им рассказ «Ай, бат!» [10. С. 16—27] («Затмись, Луна!»).

Рассказ этот в переводе с армянского языка на русский был напечатан в журнале «Мир божий». В нем шла речь о трагедии армянской деревни, ставшей жертвой бессмысленной резни. Г. Тукай обратился именно к этому, во многом тенденциозному произведению, восприняв его как повествование о трагедии не только армянского народа. В то время в столичной печати много писали о «зверстве мусульман». «С момента несчастных бакинских событий, — говорилось по этому поводу в петиции азербайджанской делегации к наместнику Кавказа И. И. Воронцову-Дашкову, — не прекращаются явно тенденциозные телеграфные сообщения, по которым везде и всюду — в Баку, Нахичевани, Эривани, в городах и уездах нападают, убивают, режут, грабят одни только мусульмане (азербайджанцы. — В. К.). И все эти ужасы, совершаемые будто только последователями ислама, вселяют в остальных христиан понятное чувство озлобления, негодования против кавказских мусульман» [11]. Г. Тукай вряд ли был знаком с этим материалом. Однако интуиция политика, общественного деятеля, а главное — поэта-гуманиста подсказывала ему, что в данной ситуации оправдание одного во вред другому несправедливо. Он не верил, что одна из сторон может стать невинной жертвой, а другая — палачом, как это во многих случаях представляла официальная пресса. И Тукай решил по-своему осмыслить рассказ, восприняв и передав его как человеческую трагедию. В его небольшом предисловии говорилось: «Эта история матери Жавинар, ее сыновей Сипо, Сиропа и дочери Соны случилась одновременно и со многими Фатимами, Фуадами, Шовкет и Бакире. Такие события сейчас на Кавказе происходят очень часто» [8. С. 294]. Благодаря объективности Г. Тукая газета «Алгасрел-джадит», в отличие от официальной прессы, заняла более правильную и гуманную позицию в освещении кавказских событий.

Азербайджанская литература и культура сыграли значительную роль в становлении Тукая-поэта и журналиста. Еще в молодые годы он познакомился с творческим наследием великого азербайджанского писателя, драматурга, философа-материалиста, просветителя М. Ф. Ахундова [4. С. 78]. В. Бахтияров, редактор-издатель газеты «Аль-ислах», писал в воспоминаниях, что, навестив в 1907 г. Г. Тукая, жившего в гостинице «Булгар», он видел у него наряду с другими книгами полный комплект журнала «Молла Насреддин» [4. С. 76], издаваемого выдающимся писателем-демократом Дж. Мамедкулизаде. Известная фотография Тукая, где он снят с номером «Моллы Насреддина» в руках, также говорит об интересе татарского поэта к этому журналу, с которым он познакомился еще в 1906 г. в Уральске. Газета «Фикер», где активно сотрудничал Тукай, освещала азербайджанскую действительность, часто перепечатывала материалы из бакинских газет. В редакции «Фикер», как пишет проф. Р. И. Нафигов, «внимательно следили за изданиями, выходящим на азербайджанском языке, в особенности за сатирическим журналом „Молла Насреддин“. С первого номера выделяли и бакинский еженедельник „Фиюзат“, в особенности стихотворения — исключительно содержательные и художественные» [1. С. 70]. Так поэт Г. Тукай отзывался о стихах великого азербайджанского поэта М. А. Сабира (1862—1911). В «Фиюзат» печатались также азербайджанские поэты романтического направления: А. Сиххат, Г. Джавид, М. Хади, А. Шаиг и др. Стихотворение М. Хади «Некајеје-ешг» («История одной любви») в 1907 г. было опубликовано в татарской газете «Вакт» [12] в переводе поэта-романтика С. Рамиева, который в том же году блестяще сыграл роль Джангирбека в казанской постановке пьесы «Горе Фахраддина» известного азербайджанского драматурга Н. Везирова. «Молла Насреддин» быстро вошел в жизнь татарского народа. Уже через две недели после выхода первого номера журнала с призывом к пробуждению петербургская татарская газета «Ульфет» приветствовала издание Дж. Мамедкулизаде и высоко отзывалась о нем [13].

Бахчисарайский «Тарджиман» часто обращался к тематике журнала, сообщал о выходе и содержании почти каждого номера. Газета «Казан мухбире» внимательно следила за последовательной, но неравной борьбой «Моллы Насреддина» против реакции. Оренбургский сатирический журнал «Карчыга» перепечатывал материалы из «Моллы Насреддина», адаптируя их применительно к татарской действительности, в частности фельетоны «Шайтан» и «Ответ шайтана», а бакинская «Хаят» поздравляла «Моллу Насреддина» с появлением татарского собрата — журнала «Карчыга». Газета «Вакт», приветствуя выход в свет журнала «Яшен», советовала ему следовать по пути своего «дедушки» «Моллы Насреддина». Другой оренбургский журнал «Шура» в 1908 г. опубликовал на своих страницах материалы из книги «Какие науки нам нужны?», изданной Дж. Мамедкулизаде в 1906 г. в защиту идейных позиций молланасреддиновцев. Сатирический журнал «Чөкүч» неоднократно обращался к карикатурам «Моллы Насреддина», а тукаевский «Ялт-Юлт» поместил карикатуру «Красавица в представлении наших поэтов». Художник О. Шмерлинг создал эту карикатуру по мотивам известного стихотворения М. А. Сабира «Еј алнын ај...», высмеивающего эпигонские традиции классической восточной поэзии [11]. Вместе с татарскими газетами и журналами «Молла Насреддин» вел борьбу против негативных явлений татарской жизни, бичевал черносотенные элементы, баев и ишанов. В своем первом номере журнал высмеивал «верноподданнические чувства» оренбургского муфтия Султанова — подручного царской жандармерии. Молланасреддиновская карикатура на реак-

ционного религиозного деятеля, мудариса и хатиба Ишми ишана — агента царской охранки из Мальмезского уезда была перепечатана даже в парижском «Мусульманине» [14; 15]. «Вакт» также систематически освещала деятельность «Моллы Насреддина», в этой газете появилась первая статья [16] о комедии «Мертвецы» Дж. Мамедкулизаде (1869—1932) [17]. «Молла Насреддин» оказал влияние и на такие татарские газеты и журналы, как «Юлдуз», «Едил», «Акмулла» и др. Все эти факты, вероятно, были известны Тукаю, являющемуся одним из ярких представителей татарской периодической печати после 1905 г.

Думается, в освещении иранских событий 1907—1908 гг., в сатирическом изображении Мухаммедали шаха и других государственных сатрапов Ирана Г. Тукай в первую очередь опирался на опыт и материалы «Моллы Насреддина». Творчество Сабира он также по-настоящему узнал благодаря этому журналу. Справедливо, на наш взгляд, мнение Ф. Агзамова о том, что «существовали элементы творческого и духовного родства между „Молла Насреддином“ и „Ялт-Юлтом“, между Тукаем и Сабиром» [18. С. 17]. А. Шариф также писал: «Пытливый исследователь, сличая номера татарских сатирических журналов со страницами журнала „Молла Насреддин“, не только убедится в духовной близости этих журналов, но непременно обнаружит и материалы, заимствованные друг у друга» [19. С. 105].

После смерти Тукая его имя в азербайджанской прессе ставили в один ряд с именем Сабира. «Молла Насреддин» за свою 25-летнюю историю опубликовал всего три некролога. Первый из них был посвящен памяти Лейлы бегум Шахтахтинской, студентки Лозаннского университета, умершей в Женеве в 1908 г., второй — памяти Сабира, а третий — Тукая [20. С. 243]. Азербайджанский публицист и литературный критик Г. Минасзев спустя два месяца после смерти Тукая писал: «Недавно умер у них Тукаев. Оказывается — мы это узнаем теперь — это был замечательный поэт. И, вероятно, после смерти Сабира они тоже впервые узнали, что замечательными поэтами Бог не обидел и кавказских татар» (азербайджанцев.—В. К.) [21]. Театральный деятель М. Гаджинский также ставил в один ряд имена Сабира и Тукая: «Потеря таких национальных талантов, как Сабир или Тукаев, больше волнует народ, чем интеллигенцию... Народ стал более сознательно относиться ко всему национальному, родному...» [22]. Критик Сеид Гусейн в 1914 г. писал о необходимости типологического изучения творчества двух классиков тюркоязычной литературы—Сабира и Тукая [23. С. 32]. Н. Нариманов, говоря об увековечении памяти лучших сыновей народа, первыми называл имена Сабира и Тукая, выражая надежду, что благодарная нация скоро воздвигнет им памятник [24].

В судьбе Сабира и Тукая много сходного. Оба они вступили в большую литературу после революции 1905 г., оба умерли в расцвете творческих сил, имена их уже в то время стали символом гуманизма, народности в литературе. Тукай глубоко знал творчество Сабира, перевел на татарский язык его стихотворение «Шикайэт» под названием «Мулла-нын зары» [25. С. 247]. По утверждению Р. Ганиевой, под влиянием сатиры Сабира начинающий поэт Тукай некоторые свои стихотворения опубликовал под псевдонимом «ход-ход» [26] (татарский вариант «hop-hop», основного псевдонима Сабира.—В. К.). Стиль, ритмика, интонация, тематика сабировской сатиры прослеживаются в поэзии Г. Тукая.

Тукаю хорошо были известны имена других представителей азербайджанской литературы и общественной мысли начала XX в. В своем фельетоне «Гадание по словарю» [8. С. 82], опубликованном в журнале «Яшен», он писал об азербайджанском ученом, журналисте, редакторе

первой азербайджаноязычной газеты XX в. Мохаммед Ага Шахтахтинском (1846—1930). М. Шахтахтинский получил образование в Лейпцигском и Сорбоннском университетах, владел многими восточными и западно-европейскими языками, был членом научных обществ Франции, корреспондентом русских газет по Ближнему Востоку, депутатом II Государственной думы. Тукай относился к нему с определенным недоверием, и это еще раз доказывает, что он был в курсе общественно-политической жизни Азербайджана, разделял взгляды передовых, демократических кругов. Личность М. Шахтахтинского сложна и противоречива. Одно время он сотрудничал с ярким монархистом Катковым, выступая со статьями на страницах черносотенной газеты «Новое время». Однако это не помешало ему участвовать и в работе прогрессивной печати, основать газету «Шарки-Рус», которая собрала вокруг себя передовых представителей национальной интеллигенции. М. Шахтахтинский не был сторонником пантюркизма, однако судьба Османской Турции волновала его, и в 1901 г. в Париже он издал книгу «Как спасти Турцию?». Видимо, эти факты, а также идейные колебания азербайджанского публициста были известны Г. Тукаю, и поэтому он ставил Шахтахтинского в один ряд с Ю. Акчуриным, И. Гаспринским, М. Бигиевым и др. Однако нельзя не отметить в этой аналогии чрезмерной суровости к азербайджанскому публицисту. И дальнейшая деятельность М. Шахтахтинского показала, что ему было не по пути с Ю. Акчуриным или с М. Бигиевым.

Г. Тукай знал также творчество и деятельность Г. Зардаби и Н. Нариманова. Смерть основоположника тюркоязычной прессы Г. Зардаби (1842—1907) вызвала отклики в татарских периодических изданиях, в частности, газета «Вакт» опубликовала некролог-статью об ученом-дарвинисте и общественном деятеле. В 1906 г. съезд азербайджанских учителей под председательством Г. Зардаби и Н. Нариманова разработал программу преподавания родного языка в национальной школе. «Эта программа — творческий подарок просветителя Зардаби и большевика Нариманова... естественно, сразу стала достоянием и других тюркских народов страны. В этом же году в Уфе программа была напечатана мударрисом-учителем З. Камали» [1. С. 66]. Программой интересовался и Г. Тукай. Как пишет Р. И. Нафигов, «Г. Тукай, занявшись вопросами педагогики, в своей программе исходил из основных положений этой программы. Принципы ее стали руководящими в подготовленном и изданном труде «Уроки национальной литературы в мектебе» [1. С. 66]. Борьба Г. Тукая за преподавание родного языка и литературы в школах и сотрудничество в этой области с азербайджанскими коллегами имели важное значение. После поражения революции 1905 г., в период столыпинской реакции, это был смелый гражданский акт. Ратовавший за обучение детей на родном языке, Г. Тукай, наряду с Г. Зардаби и Н. Наримановым, выступил против школьной политики самодержавной России. После съезда азербайджанских учителей в спешном порядке в Петербурге был созван «съезд учителей-мусульман». Г. Минасазов по этому поводу писал: «Столичные газеты сообщают, что с 25 сентября открываются занятия съезда учителей-мусульман, созываемого департаментом инославных вероисповедателей министерства внутренних дел. На этот съезд прибудут пять учителей-мусульман, командированных в Петербург оренбургским муфтием. Съезд этот имеет целью вырабатывать образовательную программу с преподаванием национального и государственного языка».

Кажется, чего лучше! Давнейшее желание мусульман о серьезном преподавании в школах родного языка их сбывается. Министерство внутренних дел само идет навстречу этому желанию. И с этой целью

даже созывается съезд... из пяти человек» [27]. Азербайджанский педагог, просветитель Махмудбек Махмудбеков в своем выступлении на заседаниях III Государственной думы с болью говорил о «плачевном положении народных школ и народных учителей у мусульман». Текст его выступления был напечатан одной из казанских газет. «В то время, как во всех частях Российской Империи кричат и просят об открытии народных школ, все министерские народные школы у нас пустуют. А пустуют они потому, что все святое, все, что имелось в этих школах для мусульманского населения священного, изгнано из них, в них святого ничего не осталось. Чтобы не быть голословным, я укажу на то, что нас — мусульманских учителей — во всех учебных заведениях до последних годов освободительного движения всячески преследовали, сажали в карцер, лишали отпуска только за то, что мы иногда говорили на своем родном языке со своими товарищами-единоверцами», — говорилось в речи М. Махмудбекова. В этой ситуации он обвинял государственный механизм царской России: «...государство тратит на содержание полиции в Закавказье более 5 миллионов рублей, а на народное образование 114 тысяч рублей. На устройство и содержание местных тюрем и на этапную повинность тратит ежегодно 102 646 рублей, а на народное просвещение 114 тысяч рублей...» [28]. Вероятно, Тукай был знаком с этим материалом. Тукай в Татарии, как Зардаби, Нариманов и Махмудбеков в Азербайджане, противостоял проявлениям великодержавного шовинизма в сфере народного образования. Позднее, в 1911 г., будучи в Астрахани, Г. Тукай познакомился со ссыльным доктором Н. Наримановым, который высоко оценивал блестящий, самобытный талант татарского поэта. Об отношении Н. Нариманова к Тукаю подробно говорится в статье азербайджанского литературоведа А. Мирахмедова [29], а также в воспоминаниях современников [4. С. 149—156].

С Тукаем, по всей видимости, был знаком азербайджанский публицист и ученый, студент Казанского университета в 1906—1911 гг., позднее профессор Азербайджанского педагогического института Рагимбек Меликов (1886—1936). Он был близок к передовой татарской молодежи, выступал со статьями о татарском и азербайджанском театрах в «Камско-Волжском листке», поддерживал связи с большевиками Х. Ямашевым, Ф. Амирханом, Г. Камалом [30]. Эти люди составляли окружение Тукая, и, естественно, можно предположить, что через них Р. Меликов познакомился с Тукаем — душой этого общества. Р. Меликов писал о драматургии Г. Камала, за его подписью опубликованы полные искренней скорби некрологи о татарском большевике Х. Ямашеве и видном общественном деятеле и враче И. М. Кутлубаеве. Р. Меликов активно сотрудничал в русскоязычной прессе Казани. Его дружба с представителями татарской культуры начала XX в. составляет одну из ярких сглади азербайджанско-татарских литературно-культурных и общественных связей.

Через Р. Меликова Тукай мог, вероятно, знать и других студентов-азербайджанцев Казанского университета. Р. И. Нафигов в своей монографии «Тукай и его окружение» приводит интересные факты: «Немалая роль в нелегальной работе принадлежала и так называемой мусульманской библиотеке, которую ежегодно посещали около 20 тысяч граждан. Руководителем библиотеки являлся студент Казанского университета М. И. Сеидов (в 1911 г. окончил юридический факультет. — В. К.). Он через Р. Меликова был связан с Х. Ямашевым» [1. С. 170]. Рука об руку с Ямашевым и татарскими большевиками работал и дру-

гой азербайджанец — студент медицинского факультета А. Кадымов (позднее участник движения Саттархана. — В. К.). Оба они — Сеидов и Кадымов — живо интересовались культурной жизнью Казани, хорошо знали окружение Тукая и, естественно, — самого поэта. Они, как и Тукай, Г. Камал, Ф. Амирхан, Г. Кулахметов и другие представители татарской интеллигенции, подписали поздравительную телеграмму Л. Н. Толстому по случаю его 80-летия.

Тема «Тукай и Азербайджан» обширна, многопланова, она требует дальнейших изысканий в области истории межнациональных культурных контактов. Решение этой важной для истории взаимосвязей татарской и азербайджанской литератур, а также тюркоязычных литератур дооктябрьского периода проблемы возможно благодаря совместным усилиям татарских и азербайджанских литературоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Нафигов Р. И. Тукай и его окружение. Казань, 1986.
- 2 Сабир М. Э. Нопһопнамә. Баку, 1980.
- 3 Байрамова О. А. Вопросы литературы в газете «Хаят»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1982.
- 4 Тукай турында истәлекләр: (Воспоминания о Тукае). Казан, 1986.
- 5 Һәҗәт. 1905. № 10.
- 6 Мирзоев М. Ш. Из истории тюркской печати на Кавказе: (рукопись). Ин-т рукописей АН АзССР. Инв. № 3 284.
- 7 ЦГИА ГССР. Ф. 480, оп. 1, д. 1913.
- 8 Мәммәдгулузадә Ч. Әсәрләри. Баку, 1985. 6 ч.
- 9 Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1951. Т. 23.
- 10 Тукай Габдулла. Әсәрләр: 5 т. Казан, 1986. Т. 4.
- 11 Кавказ. 1905. № 156.
- 12 Ахундов Н. «Вахт» гәзәти вә Азәрбајҗан мәтбуаты//Әдәбијат вә инчәсәнәт. 1965. № 32.
- 13 Мәммәдли Гулам. Молла Нәсрәддин. Салнамә. Баку, 1983.
- 14 Молла Нәсрәддин. 1911. № 6.
- 15 Мусульманин. 1911. № 5.
- 16 Вакт. 1911. № 791.
- 17 В статье имя Дж. Мамедкулизаде указано неправильно: должно быть Мирза Джалил, а не Мирза Джани. — В. К.
- 18 Агзамов Ф. Тукай-журналист. Казань, 1986.
- 19 Слово о Тукае: (Сборник статей и воспоминаний). Казань, 1986.
- 20 Мирәһмәдов Ә. Азәрбајҗан әдәбијатына даир тәдгигләр. Баку, 1981.
- 21 Баку. 1913. № 145.
- 22 Каспий. 1913. № 109.
- 23 См.: Новрузов Т. Сабир: тәдгиг тарихи. Баку, 1986.
- 24 Бәсирәт. 1914. № 22.
- 25 Тукай Габдулла. Әсәрләр: 5 т. Казан, 1985, 1 т.
- 26 Ганеева Р. Сабир вә Тукай//Әдәбијат вә инчәсәнәт. 1963. № 26.
- 27 Закавказье. 1907. № 23.
- 28 Казанский вечер. 1907. № 222.
- 29 Баку. 1966. № 198.
- 30 О казанском периоде жизни и деятельности Р. Меликова подробно говорится в [31. С. 103—120].
- 31 Нафигов Р. И. Тайны революционного подполья. Казань, 1981.

Н. Д. ГЕЮШОВ

СИМВОЛ ЛЮБВИ У ДЖАЛАЛАДДИНА РУМИ И МУХАММЕДА ФИЗУЛИ

Поэтическое наследие великого азербайджанского поэта XVI в. Мухаммеда Физули столь богато и многообразно, что, несмотря на появившиеся в последние десятилетия множество исследований, посвященных различным аспектам его творчества, многие вопросы до сих пор остаются неизученными. Особенно это относится к суфийским мотивам в его поэзии, тесно переплетающимся с духовно-мировоззренческими элементами. Наличие подобных мотивов в лирике Физули было отмечено еще в тридцатые годы Е. Э. Бертельсом [1. С. 511]. Однако этот аспект не получил дальнейшей разработки.

В настоящей статье предпринята попытка исследовать мотив, общий для лирики Мухаммеда Физули и Джалаладдина Руми, с целью выявления параллелизма, существующего в творчестве этих поэтов, разделенных тремя столетиями. Джалаладдин Руми — крупнейший представитель суфийской персоязычной поэзии, его знаменитый «Месневи» обрел мировую известность [2. С. 341]. Ему принадлежит также «Диван» лирических стихов, так называемый «Диване Кабир» («Большой Диван»), или же «Диване Шамс» [3]. Нами использован материал сборника избранных газелей из того же «Дивана» [4].

Руми был поэтом-суфием; существовал орден, носивший его имя (Маулавийа) [5. С. 88, 96]. Принадлежность же Физули к какому-либо суфийскому ордену не установлена, и в источниках нет сведений об этом [1. С. 519]. Тем не менее в его поэтическом наследии явно прослеживаются суфийские мотивы, составляющие самобытную образно-смысловую систему. Сопоставление отдельных аспектов творчества Физули, дающих наиболее общую картину для суфийской поэзии, с поэтическим наследием других известных авторов Востока, на наш взгляд, позволит более правильно определить его место в общем литературно-культурном процессе народов мусульманского Востока.

Для лирических газелей Руми и Физули наиболее характерен мотив любви [6. С. 15—17; 7. С. 325—336].

Источником душевных переживаний, нашедших свое поэтическое выражение в лирических газелях поэтов, отличающихся буйной риторикой, является символ любви, которая, по мнению суфийских мыслителей, ведет путника к созерцанию истины и слиянию с нею [8].

Идея о возможности платонической любви между человеком и божеством в раннем суфизме впервые была высказана женщиной Раби'а ал-Адавийа (VIII в.) [2. С. 18]. Дальнейшая разработка ее связана с

учением Мансура ибн Халладжа, который сыграл в истории суфизма огромную роль и на основе неоплатонических воззрений выдвинул тезис о возможности непосредственной связи между человеком и божеством (т. е. истиной) [2. С. 18]. Это положение получило теоретическое обоснование у последующих приверженцев суфизма (особенно у Ибн ал-Араби, выдвинувшего тезис «вахдат ал-вуджуд») [9. С. 29—30]. Ранний суфизм с его аскетизмом, отказом от материальных благ, выполнением формальных установок и религиозно-мистических норм позднее превратился в стройную систему мировосприятия, где некоторые положения ислама сочетаются с элементами зороастризма, тотемизма, гностицизма и неоплатонизма [10. С. 5—23].

Следует отметить, что в общей истории суфизма обычно отделяют суфизм гностиков (ахли-ма'рифат) от суфизма сторонников мистической любви (тасаввуфе ахли-махаббат) [11. С. 40]. Хотя основополагающие принципы этого учения тесно связаны друг с другом, тем не менее суфизм Имам Кушайри, Газзали, Сухраварди, Ибн ал-Араби, Джами отличается от миропонимания Раби'а, Шибли, Байазиды Бистами, Мансура ибн Халладжа, Абу Са'ида и Шамсы Табризи. Последний был духовным наставником Руми, и поэтому его «Диван», насчитывающий более 3 000 газелей, пронизан идеей указанной любви [12. С. 132—135].

В отличие от философов и схоластов, суфийские мыслители считали, что путь к истине проходит через сердце, чувства; проповедовали самоанализ и самоочищение. Познание опирается на духовный мир человека, связано с внутренним интуитивным созерцанием [13; 14]. Главная цель при этом заключается в единении с истиной, которая обозначается термином «вахдат» [5. С. 129]. Но возможности разума для достижения этой цели недостаточны. Движущей силой процесса познания истины является не разум, как полагают мутазилиты, и не аргументы, на которые опираются ашариты [15. С. 101]. Единственное средство для слияния души человеческой с божеством — любовь. Данная концепция очень близка к неоплатонизму, который предполагает «освобождение души от телесного, от земных интересов и возвышение ее до божественного. Венец этого состояния — экстаз, экстатическое погружение в божество, слияние с неизреченным первоединым» [16. С. 524].

Заметим, что в суфийской литературе довольно широко употребляются символические пары, их часто можно встретить в виде антитетических образов. Поэтому, когда речь идет о любви, сразу же проявляется ее антитеза — разум. Подобное противопоставление имеет свое логическое построение, характерное для этой поэзии, и позволяет исследователю правильно наметить основную линию, ведущую к раскрытию символа.

Рассмотрим данное противопоставление у Руми [17]:

غفل را قبله کند حرکت جمال تو ندید
در کف کوزه ز خدیل غصا اولتیر

'Акл ра кибла конад хар ке джамале-то надид,
Дар кафе-кур зе кандил 'аса аввалитар

(Тот, кто не видел твою красу, обращается к разуму, как кибла,
Потому что для слепого трость важнее, чем светильник).

Содержание бейта ясно: кто не замечает божественной красоты, тот словно слепой, для которого трость (т. е. разум) важнее, чем светиль-

ник. Разум приравняется к трости, а любовь — к светильнику. Как отмечено в первом бейте первой же газели из азербайджанского «Дивана» Физули, любовь — это светильник и путь, ведущий к истине:

Гәд энәрәл-ешгә-лил-үшшаги минһачәл һүдә,
Салики-раһи-һәгигәт ешгә ејләр игтида [18. С. 51].

(Любовь осветила путь к истине для влюбленных,
Путник истины следует за любовью).

Конечная цель данной любви — «вахдат», т. е. единение с истиной, возвращение к своему первоисточнику. Истоки подобного мировосприятия уходят в далекое прошлое, — еще в Библии встречается мысль о том, что бог создал Адама по своему подобию [9. С. 53]. Следовательно, в древнем израильско-иудейском обществе бытовало представление о том, что каждый народ является «наследником» своего бога-покровителя [19. С. 168]. Данное представление стало основной предпосылкой для возникновения мысли о возможной взаимосвязи между человеком и божеством, которая в дальнейшем была использована неоплатонизмом. Подобной взаимосвязи можно достигнуть посредством любви, а разум может получить лишь чувственное представление о внешних свойствах явлений мира для начальной стадии познания [5. С. 101]. Для истинного познания (ма'рифат) необходимо путем интуитивного самонаблюдения и самосозерцания достичь наивысшего духовного совершенства, и ведет человека к этой цели сердце. Некоторые считали, что истину можно познать только через истину. Так, Зу-н-Нун Мисри писал: «Солнце можно увидеть только через свет самого солнца» [20. С. 127].

Интересно, что мысль, изложенная в Библии, была сформулирована суфийскими теоретиками в следующем хадисе: «Я был сокрытым кладом и возлюбил, чтобы познали меня, и сотворил духов и людей, дабы познали меня» [2. С. 39]. Не случайно данный хадис приведен Физули в его философском трактате «Матла ал-и'тикад» [21. С. 15]. Физули не только превосходно знал древних, античных философов, но и глубоко изучил весь комплекс естественных наук, философию, религию мусульманского средневековья. Поэтому для правильного понимания различных сторон его поэтического наследия основное внимание, на наш взгляд, должно быть уделено освещению указанных аспектов.

В целом мысль о возможности непосредственной связи любви между человеком и божеством содержится и в Коране [22], что позволило суфийским мыслителям найти в исламе теоретическое обоснование своих идей и тем самым попытаться избежать возможных противодействий со стороны ортодоксальной схоластики.

Анализируя развитие данного символа у Руми и Физули, можно отметить интересный момент: оба автора не совсем противопоставляют любовь разуму, который высоко ценят. В противопоставлении же кроется сокровенный поэтический смысл:

Әгл иршадилә булмаг кам мүлкүндүр, вәли
Дами-раһ ол һәлгеји-зүлфи-мүәнбәрدير мана [18. С. 73].

(Руководствуясь разумом, можно достичь цели, однако
На пути силком для меня является кольцо твоих благоуханных локонов).

В этом бейте обрисована начальная стадия любви: достижение цели путем разума представляется возможным, однако неопытное сердце попадает в силоч. Это — локоны возлюбленной (т. е. Истины). Здесь дано поэтическое изображение путника, стремящегося к истине (возлюбленной). Лицо или лик в суфийской поэзии — это символ проявления божественной красоты, а кудри — образы, явления мира, заставляющие

человека сойти с прямого пути. Человек сам стремится попасть в силлок, и причина ясна: его желание, стремление приблизиться к божественной красоте.

Антитетическое построение «любовь—разум» эффектно выглядит в следующем бейте из персидского «Дивана» поэта:

خردم ز زنجیر جنون میگرد منع من
بحد الله شد دیوانه وز قید خرد رستم

Хирад хар дам зе занджире — джунун микард ман', ман
Бихамдаллах шодам диване в-аз гайде-хирад растам [23. С. 61].

(Разум всегда отстранял меня от цепей безумия,
Слава богу, стал безумным и избавился от разума).

Картина ясна: разум старался удержать его от любви, однако он стал побежденным; безумие — как символ возвышенной любви в состоянии экстаза, когда человек кроме божественной красоты ничего не замечает, любовь овладевает человеком, он полностью отрывается от реального мира и погружается в абсолют.

Обратимся к Руми:

وقتیکه آن شد که بزرنجیر تو دیوانه شوم
بند را بر کسلیم از عمره بیگانه شوم

Вагте-ан шод ке, бе занджире-то диване шавим,
Банд ра бар госалим аз хаме бигане шавим [4. С. 327].

(Пора уже стать безумным в твоих цепях,
Разорвать узы ограниченности, быть равнодушным ко всем).

Здесь имеется в виду ограниченность разума в познании истины. Постоянное стремление к истине в конце концов привело Физули к тому, что он полностью отдался любви, о которой говорится в ниже-приведенном примере:

Еј Фузули, бир сэнэм зүлфунэ кенлүм бағладым
Чэқди зэнчири-чүнунэ ағибэт севда мәни [18. С. 306].

(О Физули, душу привязала к локонам одного кумира,
В конце концов любовь привела меня к цепям безумия).

Таких примеров много. У Руми, как и у Физули, неопытное сердце сначала еще не знает о возможных последствиях любви:

چه دانستم که این سودا مرا زین سان کند مجنون

Че данестам ки, ин севда мара зин сан конад маджнун [4. С. 372].

(Откуда мне знать, что любовь сделает меня таким безумным).

Это лишь начало глубоких переживаний, характерных для суфийской лирики, которые в дальнейшем усиливаются и становятся неотъемлемой чертой образа путника. Когда приходит любовь, разум отодвигается на второй план:

برفا عده مجنون سرفتنه غوغا شو
کين عشق ممی گوید کن عقل تبر اکرن

Бар га'иде-маджнун сар фетнейе-гауга шоу,
Кин 'ешг хами гуйад каз'акл табарра кон [4. С. 377].

(Следуя правилу Меджнуна, будь главой бури.
Это любовь говорит: отрекайся от разума).

В дальнейшем любовь выступает как великая нравственная сила, благодаря которой устремления самого разума становятся благородными, гуманными:

تو به می چه جوش دادی به غسل چه نوش دادی
به خرد چه هوش دادی که کند بلند را می

То бе мей че джуш дади, бе'асал че нуш дади,
Бе хирад че хуш дади, ке конад боландрайи [4. С. 541].

(Ты (т. е. любовь) дала вину бродить, а меду быть вкусным,
Разуму быть рассудительным, чтобы мог думать о возвышенных вещах).

Великая сила человеческой любви отражена в творчестве многих поэтов. В книге Али Дашти [12. С. 128—129] приведены бейты Низами и Руми.

Низами:

تدبیر کنم هر شب تا دل ز تو بر گیرم
چون مهر بر آرد سر مهر تو ز سر گیرم

Тадбир конам хар шаб та дел зе то бар гирам,
Чон мехр бар арад сар мехре-то се сар гирам.

(Каждую ночь стараюсь сердце отделить от тебя.
Когда приходит любовь, вновь отдаюсь ей).

Руми:

هرگاه ز تو بگير ز من با عشق تو بستيزم
اندر سرم از شش سوسودای تو می آید

Харгах зе то бегоризам, ба 'ешге-то бестизам,
Андар сарам аз шеш су севдае-то миаъад.

(Сколько бы я ни уходил от тебя и ни боролся против твоей любви,
Со всех (шести) сторон мне в голову приходит твоя любовь).

Из приведенных примеров превосходство и преобладающая сила любви становятся очевидными. Эта любовь наполнена общечеловеческим содержанием, она не вполне противопоставлена разуму, а, напротив, призывает разум служить высоким нравственным идеалам.

Суфийские поэты-мыслители считают, что разум с его рационалистическими намерениями ограничен, любовь же делает его более человечным. Не случайно суфизм будучи общественным явлением, возник как своеобразный протест против социального гнета и был связан своими истоками с народом [24. С. 669]. Принципы, установленные схоластами и догматиками на так называемой разумной основе, заключали людей в узкие формальные рамки, выход из которых считался нарушением божьих законов. Поэтому в теории прогрессивных представителей суфизма вопрос о свободе воли занимал важное место, и разработка любовной символики дала им возможность создать гибкую теоретическую систему. Поэзия, созданная на ее основе, оказалась весьма жизнеспособной.

Благодаря введению мотива любви суфийская поэзия обрела нравственно-этическую силу, ее эстетическая значимость многократно возросла. Поэтому Физули, обобщая и резюмируя свои представления о противопоставлении любви разуму, делает заключение, наполненное глубоким поэтическим смыслом:

Елм кэбила рутбеји-риф'эт
Аризуји-муһал имиш анчаг
Ешг имиш һәр нэ варса аләмдә
Елм бир гејлү-гал имиш анчаг [18. С. 376].

(Получить духовное возвышение посредством знания
Было лишь нереальной мечтой.
В мире существует только любовь.
Разум (знание) является лишь пустым звуком).

Возникает вопрос: можно ли сделать вывод о светском характере любви? Предварительный ответ, на наш взгляд, должен быть положительным. Во-первых, источник такой любви — человеческое сердце, где она рождается, совершенствуется и возвышается до идеальной. Но любовь не лишена мистики, и мистический элемент введен поэтом закономерно, в результате кризиса богословского рационализма, который испытывало мусульманское общество той эпохи.

Поэтому мотив мистической, платонической любви представляет собой итог логического развития целостного художественно-этического образа — стремления человека к свободе в поисках истины. Другие элементы, связанные с душевными переживаниями и страданиями, восходят к указанному образу. Подобное мы наблюдаем и в немусульманском мистицизме: «посредством всех этих добровольных страданий, посредством нанесения себе увечий стремились достигнуть слияния с божеством, стремились освободить свою душу от власти тела, очистить ее от скверны греха. Создается даже какое-то особое благочестивое стремление слиться с богиней для лучшей, более совершенной жизни, и в целом все это возвышало человека, давало ему удовлетворение» [25. С. 54].

Кроме того, для совершенствования образа любви специально введено понятие «джамал» (или «хусн»), означающее божественную красоту, широко употребляемое в поэзии и свидетельствующее о персона-

чальном светском характере данного понятия [26. С. 181]. Даже в ранний период суфизма у Раби'а ал-'Адавийа вырисовываются два вида любви: любовь к богу ради милостей его и преходящего счастья и любовь к его красоте, вечной и непреходящей [2. С. 18]. Именно последний мотив ярко выражен в лирике Руми и Физули:

Руми:

مرا عقیق تو باید شکر چه سود کند
مراجمال تو باید قرچه سود کند

Мара 'агит-то байад, шакар че суд конад
Мара джамале-то байад, гамар че суд конад [4. С. 195].

(Мне нужен твой 'акик (агат), какая польза от сахара?
Мне нужна твоя краса, какая польза от луны?).

چون عکس جمال او بتابد
کسار و زمین خریرو دیاست
وان لحظه که عشق روی نبمود
اینها همه از مسانه برخاست

Чон 'аксе-джамале-у бетабад
Кухсар-о-замин харир-о-дибаст
Ван лахзе ке 'ешг ру бенамуд
Инха хаме аз мийане бар хаст [4. С. 71].

(Когда сияет блеск его красы,
Горы и степи становятся красивыми (как шелк).
А когда любовь явила свой лик,
Все это исчезло).

Физули:

Дәмбәдәм шәм'и-чәмалындан мүнәввәр олмаса,
Еј көзүм нури, кәрәкмәз дидеји-рөвшән мана [18. С. 57].

(Ежели не будут излучаться свечой твоей красы,
То зачем же нужны мои светлые глаза, о свет моих очей?!).

Һүснүн олдугча фүзун ешг әһли артыг зар олур
Һүсн нә мигдар олурса, ешг ол мигдар олур [18. С. 133].

(Тем больше красоты, чем сильнее стенает влюбленный,
Сколько красоты, столько же бывает любви).

Ашиг олмаг сәнә, бәсдир бизә бүрһани-чүнун
Һүснә әгл әһли мүгәјјәд ола билмәз мүтләг [18. С. 198].

(Влюбиться в тебя достаточно для нас как аргумент безумия,
Люди разума абсолютно не могут быть привязанными к красе).

Перейдем к другому аспекту символа любви, где речь идет о ее могущественной силе, которую может вынести лишь род человеческий. Эта идея сформулирована в понятии «аманат» (доверие); (перевод указанного слова как „залог” данному случаю не соответствует). Понятие

«аманат» заимствовано из Корана (сура ал-Ахзаб) [22], где имеется указание на доверие человеку, который может вынести и разделить любовь божества: «земля и небеса не могут перенести эту трудность, только сердце человека в состоянии принять на себя все это» [27—30].

Поэтическое выражение этой мысли дано в следующем бейте Хафиза:

آسمان بار امانت نتوانست کشید
قرعه فال بنام من دیوانه زدند

Асман баре-аманат натаванест кешид
Гор'ейе-фал бенаме-мане-диване заданд [31. С. 169].

(Небеса не смогли перенести тяжесть доверия,
По велению судьбы оно попало мне — безумному).

Здесь можно проследить схему, подтверждающую сходство между данной идеей и мыслью, о происхождении такой любви, встречающейся в учении Мансура ибн Халладжа: «До начала творения он беседовал сам с собой, созерцая величие своей субстанции. Так возникла любовь. Первая манифестация любви (таджалли) в абсолюте и определила множественность его атрибутов и имен. Бог желает созерцать свою любовь. Он обращает взоры в предвечность (азал) и извлекает оттуда свое подобие (сурат), несущее все его атрибуты и имена» [2. С. 34]). Здесь ясно прослеживается влияние идеи Плотина, согласно которой истина понимается как неразделимое единство, с чем связано и представление о нисходящем порядке всего сущего [32. С. 916].

Поэтическое воплощение данной концепции можно найти в следующих бейтах Руми и Физули:

پیش از آنکه نفس کل در آب و گل معاش
در خرابات حقایق عیش ما مامور بود

Пиш аз ан кин нафсе-кулл дар аб-о-гел ме'мар шод
Дар харабате-хагаиғ 'ейше-ма ма'мур буд [4. С. 151].

(Еще мировая душа не приступила к творению из воды и земли.
В тайнике сокрытых истин существовала наша любовная жизнь).

Ej Füzuli, mən dəm urmuşdum səfəji-əşğdən,
Mətlən-xurşid i'ad olmadan səbhi-əzəl [18. С. 221].

(О Физули, я рассуждал о чистоте любви,
Когда еще не существовал восход солнца в Предвечность).

У Хафиза эта мысль выражена наиболее четко:

در ازل بر تو حسنت ز تجلی دم زد
عشق پیدا شد و آتش به محمد عالم زد

Дар азал партове-хуснат зе таджалли дам зад
'Ешг пейда шод-о-аташ хаме 'алам зад [31. С. 140].

(В Предвечности свет твоей красоты приступил к манифестации
(эманации).

Появилась любовь и охватила весь мир своим огнем).

Рассмотрим еще одну параллель, существующую в творчестве Руми и Физули, которая свидетельствует о почти одинаковом душевном страдании и неудержимом стремлении этих поэтов к духовному совершенствованию в поисках истины.

Руми:

بنمای رخ که باغ و گلستانم آرزوست
بگشای لب که قند فرا دام آرزوست
ای آفتاب حسن برون آدمی زابر
کان حمزه منشع تابانم آرزوست
جام بلبل گشت زغرغون و ظلم او
آن نور روی موسی غمرازم آرزوست

يعقوب دار و اسفا جاعمی ز غم
دیدار خوب یوسف کنعام آرزوست

Бенамай рох ке баг-о-голестанам арезуст
Бегошай лаб ке ганди-фараванам арезуст
Ей афтабе-хусн, берун ай дами зе абр
Кан чохране-маша'ше'йе-табанам арезуст
Джанам малуд гашт зе Фер'он-о-зулме-у
Ан нуре-руйе-мусайе-'имранам арезуст
Йа'кубвар ва-асафаха хамизанам
Дидаре-хубе-йусуфе-кан'анам арезуст [4. С. 80].

(Покажи свой лик, мечтаю о цветущем саде,
Раскрой уста, мечтаю об обильной сладости,
О солнце красы, покажись на миг из-за облаков,
Хочу увидеть тот светящийся и сверкающий лик.
Душа огорчена из-за Фараона, из-за его гнета,
Мечтаю о появлении света лика Мессии.
Как Йа'куб, я стал глубоко печальным,
Мечтаю о свидании с прекрасным Йусуфом).

Физули:

Булбули-дил кулшәни-рухсарын ејләр аризу,
Тутији-чан лә'ли-шәккәрбарын ејләр аризу.

Сәрвү күл нәзәрәсин нејләр сәнә һејран олан
 Аризинлә гәдди-хошрәфтарын ејләр аризу.
 Зүлмәти-һичриндә бахмаз шәм'ә чешимм мәрдүмү,
 Пәртәви-рүхсари-пүрәнварын ејләр аризу.
 Арзумәнди-вүсалиндир, Фүзули хәстәдил
 Вәслин истәр, дөвләти-дидарын ејләр аризу [18. С. 282].

(Соловей моего сердца мечтает о цветущем саде,
 Душа (как попугай) мечтает о твоих сладкоречивых рубиновых устах.
 Тот, кто поражен тобою, не нуждается в созерцании роз,
 Он мечтает о твоём лице и приятном стане.
 Когда наступает тьма разлуки, глаза не замечают света светоча.
 Они мечтают о сиянии лучей от твоего лица.
 Огорченный Физули желает свидания с тобой,
 Он мечтает о слиянии с тобой, томится по встрече с тобой).

В этих отрывках в прекрасной поэтической форме выражены искренние душевные переживания двух поэтов, одинаково мечтающих о прекрасном лице возлюбленной (т. е. истины). Различия проявляются лишь в словесной риторике и системе поэтических приемов, а структура единого образа раскрыта четко и последовательно у обоих авторов. В этих стихах звучит мотив глубочайшей сердечной тоски, которую испытывает влюбленный (человек) в разлуке с возлюбленной (т. е. истиной); но он постоянно стремится к ней, его душа переполнена неодолимым желанием увидеть ее. Можно отметить одинаковое логическое построение стиха у обоих поэтов. Сначала воспевается красота божественного лица возлюбленной, стремление человека к свиданию с ней, затем описывается гнет тоски и тьма разлуки (у Руми этот мотив дан в образе Фараона), в конце снова высказаны желание и надежда влюбленного на свидание и слияние с возлюбленной. Одна и та же мысль выражена разными приемами. Блаженство экстатического страдания же осмысливается почти одинаково обоими поэтами. Необходимо, как нам представляется, подчеркнуть некоторые отличительные моменты, характерные для лирических газелей Руми и Физули. В лирике первого огромное внимание уделяется поэтическому изображению экстатического состояния путника, многие газели поэта посвящены этому и потому по своей структуре отличаются от произведений других восточных поэтов, в частности Физули. Это различие отражается и в количестве бейтов, содержащихся в одной газели, в большинстве случаев их 7—9. Этого требовала заложенная в газелях экспрессия, эмоциональность, что особенно характерно для поэзии Насими. Что касается Физули, то он, широко пользуясь риторическими приемами, передавал самые сложные душевные переживания. Газели Физули отличаются глубоким смыслом, высокой эмоциональностью, огромным эстетическим воздействием. Если у Руми на первый план выдвигается экстатическая направленность стихов, то у Физули ярко проявляется их эстетическая сила.

Характерным для Физули является прекрасно оформленный заключительный бейт (макта'), в котором всегда содержится заключение, исполненное глубокого философского смысла, мудрости. Это высокохудожественное завершение газели, обозначаемое поэтической фигурой «хусни-макта'» или «хусни-тахаллус»:

Еј Фүзули, һәр эмәл гылсан хәтадыр гејр-ешг,
 Будурур мән билдиким „вәллаһү ә'ләм бис-сәвәб“ [18. С. 80].
 (О Физули, любое деяние, кроме любви, является грехом,
 Вот что я знаю, лучше знает бог).

Еј Фүзули, ешг мән'ин гылма насәһдән гәбул
 Әгл тәдбиридир ол, санма ки, бир бунјады вар [18. С. 139].
 (О Физули, не слушай умных, не отрекайся от любви,
 Не думай, что советы разума имеют какое-либо основание).

В отличие от многих суфийских поэтов, Руми и Физули не ограничиваются строгими установками «тариката», как это делали Санаи, Аттар, Джами, Насими и др. Диапазон мировосприятия этих поэтов гораздо шире. Им присущ своеобразный синтез суфийских представлений, различных духовно-религиозных, философско-мировоззренческих течений и взглядов, прекрасно сочетающихся друг с другом. Каждый из поэтов, пользуясь всем комплексом доступных ему знаний и представлений, создал свой поэтический мир, свою художественную систему, отражающую действительность со всеми ее противоречиями.

И Руми, и Физули можно, на наш взгляд, сравнить с Данте, хотя такое сопоставление едва ли не парадоксально. В своей «Божественной комедии», считающейся поэтической энциклопедией средневековья, Данте не только поэт, но и мыслитель. «Величие Данте сказывается в способности творчески почувствовать органическое единство мира» [33. С. 11]. Аналогичным даром обладали Руми и Физули, и лирика их — лучшее тому доказательство.

Единство мира ими понимается не как нечто пассивное, неподвижное, воспринимаемое лишь визуально, чувственным зрением, но как динамичное, неразрывное целое, непрерывно движущееся, осмысляемое путем глубокого душевного прозрения.

У Данте «любовь подвергается высокой идеализации — это возвышенное, облагораживающее чувство, имеющее большую нравственную силу» [33. С. 8]. Кроме того, у него определение любви — это прежде всего духовное единение с любимым, любовь, свойственная человеку, стремящемуся к истине и добродетели. Логическое завершение данной концепции, ее вершину мы находим в поэзии Руми и Физули, где посредством символических образов изображены стремление человека к духовной свободе, призыв к высоким гуманным идеалам. Как у Данте, так и у Руми и Физули, при всем их различии, символ любви является стержнем духовных поисков, обретает таинственный смысл, получающий аллегорическое толкование, следовательно, чувство, идея и принцип, объединившиеся в одном образе, определяют общечеловеческий характер образа, символа.

И Данте, и Руми, и Физули жили и творили в эпохи, отмеченные кризисом социальных устоев современного им общества, сменой и утратой прежних морально-этических норм идеалов. Сложности бытия, нравственные искания побуждали их к познанию внутреннего мира человека, к обретению высоких идеалов, стремлению понять, что есть истина, к утверждению непреходящих духовных ценностей, открывающих человеку смысл жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бертельс Е. Э. Низами и Физули//Избр. тр. М., 1962.

² Он же. Суфизм и суфийская литература//Избр. тр. М., 1965.

³ Маулави Джалаладдин Мухаммад. Куллийате Шамс/Под ред. Бади' аз-Заман Фарузанфара: В 10 т. Тегеран: Тегеран. ун-т.

⁴ См.: Гозидеи газалийате Шамс/Сост. д-р Рза Шафии Кадкани. Тегеран, 1363.

⁵ Абдулхусейн Зарринкуб. Арзеше мирасе суфийе. 3-е изд. Тегеран.

⁶ О данном мотиве см.: *Шейх Рузбихан Ширази*. Кетабе абхар ал-ашигин/Изд. Корбинна. Тегеран. 1958.

⁷ Доктор Гасем Гани. Тарихе тасаввуф дар ислам. 2-е изд. Тегеран, 1340.

⁸ Данная концепция подробно разработана суфийскими мыслителями (см.: [5. С. 36—39]).

⁹ Али Дашти. Дар дийаре суфийан. Тегеран, 1363.

- 10 *Абдулхусейн Зарринкуб*. Джостджу дар тасаввуфе Иран. Тегеран, 1363.
- 11 *Harpold F. C. Mysticism//A study and anthology*. P. B. London, 1963.
- 12 *Али Дашти*. Сейри дар «Диван-е Шамс». Тегеран, 1362.
- 13 См.: *Абу Наср Абдаллах Туси*. Ал-Ламе' фи-т-тасаввуф/Изд. Никольсона. Лиден, 1944.
- 14 *Кашф ал-махджуб*. Хаджвири/Изд. Жуковского. Л., 1926.
- 15 *Абу Ибрахим Бухари*. Шархи та'арруф. Изд. Индии, 1330. Т. 2.
- 16 *Асмус В. Ф.* Античная философия. Изд. 2-е. М., 1976.
- 17 Переводы осуществлены с оригинала, в данном случае из книги Али Дашти [9. С. 185]. Мы склонны дать перевод с оригинала, поскольку при художественном переводе в любом случае отдельные нюансы, представляющие интерес для исследователя, могут быть упущены.
- 18 *Фүзули Мәһәммад*. Әсәрләри. Баку, 1958. 1 ч.
- 19 *Шифман И. Ш.* Культура древнего Угарита: (XIV—XIII вв. до н. э.). М., 1987.
- 20 *Фаридаддин Аттар*. Тазкират ал-аулийа/Изд. Никольсона. Т. 1.
- 21 *Физули М.* Мәтлә әл-Е'тигад/Пер. с араб. Баку, 1987.
- 22 *Коран*.
- 23 *Физули М.* Газели. Баку: Язычы, 1982. На перс. яз.
- 24 *Хамдулла Мустофи*. Тарихе гузиде/Изд. д-ра Наваи. Тегеран, 1339.
- 25 *Кун И. А.* Предшественники христианства: (восточные культы в Римской империи). М., 1922.
- 26 *Абдулхусейн Зарринкуб*. Аз кучеи рендан. Тегеран, 1364.
- 27 Подробно см.: [15. Т. 1. С. 594].
- 28 *Газзали*. Ихйа ал-'улум ва-д-Дин. Египет, 1358. Т. 3.
- 29 *Абул-Касим Кушайри*. Рисалаи Кушайрийа. Каир, 1912.
- 30 *Имам Ша'риани*. Табакат ал-Кубра. Египет. Т. 1.
- 31 *Хафиз*. Диван. Тегеран, 1362.
- 32 *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Спб., 1898. Т. 46.
- 33 *Крижевский Б.* Вступительная статья//Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. М., 1967.

З. ТОЛГУРОВ

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ В РАЗВИТИИ ПРОЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Многие исследователи считают, что конец 50—начало 60-х годов были переломными в эволюции жанровой системы северо-кавказской прозы. С такой оценкой следует, видимо, согласиться исходя из того, что в эти годы вся многонациональная советская литература переживала период нравственного обновления. Это, однако, не означает, что идейно-концептуальное и структурное обогащение крупных форм прозы было единовременным актом для всех литератур народов СССР, ибо в духовной культуре каждого народа имеются самобытные особенности художественного мышления.

Традиции северо-кавказской прозы, накопленные в 30—40-е годы, стали определяющими и в последующие десятилетия. Актуальной оставалась задача преодоления фольклорных клише, описательности, подражательности. Тем не менее конец 60-х годов вошел в историю развития прозы Северного Кавказа как особый период, когда писатели начинают ориентироваться на более полное, многоплановое изображение жизни, творческое освоение традиций отечественной и мировой литературы.

Некоторые исследователи считают, что сам факт выбора художественных традиций есть показатель духовной состоятельности или несостоятельности национальной литературы. Но при этом, как мы считаем, не следует забывать и о том, что выбор традиции регулируется той доминантой, которая становится определяющей, а порой и всеохватной в социально-эстетическом развитии общества. Уровень же зрелости национальной литературы определяется не столько этим «выбором», сколько способностью ее представителей использовать эти традиции для более глубокого выявления национального своеобразия.

К традициям М. Горького северо-кавказские писатели обратились уже в 20—30-е годы. Но на том этапе у них еще не был выработан системный подход к горьковской концепции отношения между миром и человеком. Восприятие традиций Горького северо-кавказскими писателями носило идейно-тематический характер. Используя лишь «верхний пласт» художественной системы писателя, близкие и понятные им качества, они оставались на уровне фольклорно-просветительского, эпико-героического мышления. Но для северо-кавказской литературы конца 60 — начала 70-х годов творчество писателя открылось во всей масштабности, глубине и сложности. При этом из множества идей, связывающих новописменные литературы с художественным миром Горького, основной остается «концепция героического характера человека действенного и деятельного, преобразующего мир и самого себя» [1. С. 96].

С духовным опытом пролетарского писателя в литературах народов Северного Кавказа соотносимы образы женщины-матери в творчестве Б. Гуртуева, Т. Зумакуловой, Р. Ахматовой, Ф. Балкарской, Х. Байрамуковой, Р. Гамзатова, повести и романы Ад. Шогенцукова, М. Шаваевой, М. Магомедова, А. Кешокова, С. Капаева, Б. Тхайцукова, А. Охтова, Ж. Залиханова, П. Мисакова и других, в которых отразились исторические изменения, происшедшие в мировосприятии и психологии женщины Северного Кавказа, рост ее гражданского самосознания и социальной активности. Благодаря творческому использованию традиций М. Горького, его концепции духовного выпрямления личности в процессе сопротивления окружающим обстоятельствам северо-кавказские писатели вывели горянку из узкого патриархально-семейного мирка и поставили лицом к лицу с обществом, историей. Стремление показать обусловленность индивидуального бытия развитием окружающей действительности стало основой проблематики северо-кавказской прозы.

Борьба женщины-горянки с пережитками прошлого в сознании людей, за подъем экономики и культуры горного аула является одним из формообразующих уровней, например, в повестях и романах П. Мисакова («Груши цветут»), Ф. Абдулжалилова («Крутые повороты»), Б. Тхайцукова («Гашаида»), С. Мисрокова («Девушки наших дней»), М. Магомедова («Монарша»). В этом отношении прав, на наш взгляд, один из исследователей литератур Северного Кавказа Н. Музаев, обративший внимание на то, что активное, действенное начало олицетворяют собой образы женщин-горянок во многих произведениях кабардинских, адыгейских, черкесских, чечено-ингушских писателей.

Это привело к существенным конструктивным изменениям в композиции крупных прозаических произведений, связанных, во-первых, с преодолением экстенсивного описательства и углублением в психологию личности; во-вторых, с осознанием естественности диалектической связи индивида с общественной средой. Здесь главенствующее значение приобретает умение писателей постигать динамику времени, жизнь человека на широком историческом фоне.

Растущая тенденция к целостному отражению действительности, углубление принципов историзма сказались на жанровой эволюции произведений о Великой Отечественной войне. Формообразующий структурный компонент «Крутой тропы» Э. Гуртуева, например, — героика, самоотверженный подвиг. Однако, в отличие от предыдущих произведений, в ней дан и анализ — писателя интересует не только акт совершения подвига, не просто прославление мужества, воли, отваги советского человека, а их идейные, исторические истоки. Стремление выявить многогранность личности, живущей в нерасторжимой связи с народом, Отечеством, показать, как социалистическое общество формирует духовно богатую личность характеризуют и повесть М. Батчаева «Серебряный дед».

Писатели стремятся совершенствовать художественные формы и средства идейно-эстетического воздействия на читателя. Это проявляется в повестях балкарцев А. Теппеева, Э. Гуртуева, Х. Шаваева, кабардинцев Б. Карданова, П. Мисакова, К. Эльгарова, ногойца И. Капаева, ингуша С. Чахкиева и др. Показательна, к примеру, повесть А. Теппеева «Дорогой печали».

Комплекс определенных позитивных качеств героя, выдвигаемых обычно как неопровержимое основание положительности человека, в произведениях А. Теппеева («Дорогой печали», «Тяжелые жернова») оказывается недостаточным, чтобы гармонично соединить, примирить в героическое личное и общественное. Именно поэтому повесть «Дорогой печали»

оказалась неожиданной, трансформирующей упрощенные представления о положительном и отрицательном персонажах художественного произведения. Структура повести близка к параболической: ее герои как бы временно выключены из «всеобщей ситуации» (Гегель) и, находясь в пути, временно лишены связи с обществом. Но можно ли отгородиться от людей, убежать от своего долга? Герои повести отвечают на этот вопрос по-разному. Микромиры брата и сестры (Мамай и Сакинат) пусть в неравной степени, но гармонично вписаны в макромир, для них долг, совесть, честь — понятия неразделимые, тогда как Бекир оказался неспособным подняться выше эгоистического желания выжить, уцелеть. Девять дней дороги, в течение которых развивается сюжет, — это путь постепенного развенчания духовной несостоятельности Бекира, показ его идейной капитуляции. Через всю повесть проходит мысль о губительном воздействии на личность духовной пустоты, эгоизма, страха.

Проблема героического деяния, решительных действий в интересах общества лежит в основе произведений северо-кавказских писателей, посвященных самым разным темам и периодам народной жизни. Естественно, противостояние героического и низменного всегда было доминантой новописьменной прозы. Но в литературе 70-х годов принципы художественного осмысления героического существенно изменились в плане исследования нравственных, психологических и социальных его истоков. В 20—начале 50-х годов эта категория рассматривалась как надсоциальное явление, как нечто автономно-замкнутое в локальной сфере.

Основой расширения структурно-композиционных особенностей современной северо-кавказской романистики, перехода к многоплановости и полифункциональности является обогащение концепции человека, понимание идейно-социальной, национально-исторической природы его поступков. Стремление познать человека в его многомерных связях с обстоятельствами придает северо-кавказскому роману новые структурные черты и расширяет его композиционное пространство. В общих словах такой роман можно определить как развернутое эпическое произведение с несколькими сюжетными линиями.

Роман балкарского писателя Б. Гуртуева «Новый талисман», к примеру, опирается на повествовательные традиции эпоса с его широким охватом событий, синхронно развивающимися сюжетными линиями — то параллельными, то перекрещивающимися. Герои произведения показаны не только в быту, они включены в исторический процесс, их мысли, чувства определяются разворачивающимися революционными событиями.

Еще более органична включенность героев в исторический процесс, в контекст обстоятельств в романе С. Чахкиева «Волчьи ночи». Каркас произведения ингушского писателя держится на двух опорных конфликтах. Романное действие происходит в локальном пространстве: в семье старого горца. У него шесть сыновей (Салман, Ахаст, Тухан, Бекхан, Висит, Гирихан) и дочь Дзба, шестнадцатилетняя красавица. Она тяжело больна. Чувствуя, как у нее увеличивается живот, и не зная причины, она тщательно следит за фигурой, скрывая ее от посторонних глаз.

Персонажи романа, их взгляды, мировосприятие, понимание долга и чести резко обнажаются по отношению к ложно понятой беде беззащитной и невинной девушки. Каждый образ романа С. Чахкиева «Волчьи ночи» погружен в родовое, национальное бытие. Все они имеют психологическое прошлое, но обращенное к национально-родовым представ-

лениям предков. Так создается эпическая модель национального бытия, замкнутая в себе, на традициях народных представлений о чести, долге, достоинстве горца. Но писатель показывает, что семья Тоха утверждает себя не только через обычаи, традиции, уходящие в прошлое, но и через то позитивное понимание чести и солидарности, которое издавна определялось в их самосознании и психологии. А трагический исход этой семьи означает начало новой динамики национальной жизни.

Роман С. Чахкиева (наряду с произведениями А. Кешокова, А. Теппеева, И. Капаева, И. Машбаша) — характерный пример эволюции больших форм северо-кавказской прозы. В сущности, романы «Волчья ночь» С. Чахкиева, «Сто первый перевал» И. Машбаша, «Воля» А. Теппеева и другие произведения показывают человека в диалектике его взаимодействия с макро- и микромиром. Социально-историческая обусловленность таких категорий, как нравственность, личное счастье, любовь к родной земле, долгое время отсутствовала в северо-кавказской литературе. Осмысление единства названных категорий новописьменной прозой отозвалось восстановлением романа во всех его правах и поэтических возможностях. Здесь, конечно, сказывается сам процесс накопления духовного опыта северо-кавказскими народами, усложнение структуры общественного сознания. Но нравственно-духовный опыт любого из народов, его материально-производственная деятельность включают в себя не просто развитие за счет собственно внутренних ресурсов, но и творческое отношение к ценностям других народов, новаторское использование традиций предшественников и современников. Чем больше ступеней прошел народ в духовном становлении, тем плодотворнее и шире его связь с достижениями национальных литератур. В этом плане, возвращаясь к традициям русской советской литературы и прежде всего А. М. Горького, М. А. Шолохова, следует еще раз сказать об их большой роли в движении новописьменных больших форм к эпической целостности.

В романах А. Кешокова, А. Теппеева, И. Машбаша новаторски синтезированы традиции М. Шолохова с их тенденцией показывать сложные человеческие судьбы на изломах истории. Одним из первых среди северо-кавказских писателей А. Теппеев, например, в романе «Воля» показал человечность как основное, определяющее свойство героя независимо от его социального статуса, классовой принадлежности. Согласно концепции романа А. Теппеева принадлежность к высшему сословию не исключает наличия у человека благородных качеств (Айдарук, Нальбике) точно так же, как бедность и бесправие не являются залогом внутренней порядочности (Карча, Кочар).

Решая проблему диалектической связи прошлого и настоящего, национального и общечеловеческого, автор романа «Воля» в эпицентр повествования выдвигает людей с разным отношением к исторической памяти, формам народного сознания. С одной стороны, он показывает разрушающее начало узконационального, если оно замкнуто в себе, не включено в процесс исторического развития. Человек, ставший рабом патриархальных догм, национальных стереотипов и условностей, так или иначе противостоит революционному созиданию. Но не менее опасна и другая крайность: оторванность от духовного наследия предков, отсутствие исторической памяти (Кочар, Карча, Оюс).

Личность, выключенная из сферы накопленных предшествующими поколениями духовных, культурных ценностей, сознательно или невольно предающая память народа, общества, безнравственна в своем отношении к современности и будущему. Огульное отрицание прошлого отдается в человеке нравственной глухотой ко времени во всех его изме-

рениях. В этом плане интересен один из персонажей романа А. Теппеева «Воля» Кочар. Ничего не унаследовав, не усвоив из национального прошлого, он готов объявить врагом революции, коллективизации каждого, кто поет обрядовые народные песни, кто не превратился еще в слепого исполнителя его воли. Подлинная духовность строителя революционных отношений определяется глубинным усвоением прогрессивных идей. Только тот человек, в душе которого сплавлены в единое целое историческое прошлое и идеи революции, может стать строителем нового общества. Кочар же, лишенный духовного родства с предшествующими поколениями и лишь внешне связанный с современностью, является, в сущности, конкретным воплощением стихийно-разрушительного начала.

Проверка нравственности, гражданственности героя его пониманием прошлого, осознанием себя как частицы целого — народа, истории составляет идейный и сюжетный стержень романов А. Кешокова («Сломанная подкова»), А. Теппеева («Тяжелые жернова»), Магомеда-Расула («Отец пророка»), И. Капаева («Вокзал»), Х. Шаваева («Последний день недели»), Э. Гуртуева («Крепость Шамшудина»), И. Машбаша («Сотвори добро»). Историческая память активизирует в личности нравственное и социальное начало, и цельность характера помогает человеку остаться самим собой в любых обстоятельствах. Чувство исторической памяти — та категория, которая обостряет чувство революционной преемственности, ответственности за прошлое и настоящее, за общечеловеческие ценности и национальную самобытность. В ней концентрируются факторы, оберегающие человека от приспособленчества и обывательского отношения к собственному достоинству других. Человек, лишенный исторической памяти, чувства родства с народом, — человек без социального и национального стержня. Национальное и историческое, вековые обычаи и первоосновы нравственности, гуманизм и фашизм, личность и общество, движение характеров, включенных в процесс истории, — все эти проблемы, решенные с художественной глубиной, делают роман А. Теппеева «Тяжелые жернова» заметным явлением не только северо-кавказской, но и всей многонациональной советской литературы.

Путь северо-кавказского романа от дихотомического восприятия к многомерному отношению к действительности, художественному отражению социально-общественной предопределенности характера не был легким. Но историзм мышления определяет структурно-жанровые особенности северо-кавказского романа уже конца 60-х годов (Б. Гуртуев, Х. Теунов, Ад. Шогенцуков, С. Капаев, Т. Керашев, Д. Костанов, С. Чахкиев, Х. Ашинов). Вместе с тем роман 70—80-х годов («Сломанная подкова» А. Кешокова, «Воля» А. Теппеева, «Сто первый перевал» И. Машбаша, «Вокзал» И. Капаева, «Отец пророка» Магомед-Расула) отличается смелым выходом на сложные, многогранные и противоречивые жизненные явления. Одним из важных конструктивных сдвигов в его содержании стало не только осознание авторами связи личности с социальными обстоятельствами, процессом истории, но и понимание того, что для объяснения поведения человека, его нравственного выбора этой связи недостаточно, и взаимоотношения индивида с обстоятельствами оказываются, при проверке их художественным развитием героев, более сложными [2. С. 36]. Чем иначе объяснить, что люди, с детства формировавшиеся в одних и тех же социальных условиях, попав в пограничные ситуации, часто обнаруживают контрастные доминанты своего характера. Конечно, понимание социальной предопределенности характера —

стержневой компонент психологии человека. Но «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» (К. Маркс). Критерием высокой человечности всегда была способность личности принимать решение в интересах ближних независимо от давления обстоятельств, умение слушать голос совести даже в экстремальных условиях.

Осознание опосредованности связи человека с социально-общественными и бытовыми обстоятельствами, главенствующая роль многомерного комплекса ценностно-психологических факторов (сила воли, мужество, совесть, чувство собственного достоинства) в нравственном выборе нашли особо полную художественную реализацию в романе Ч. Айтматова («И дольше века длится день»), И. Авижюса («Потерянный кров»), Ю. Бондарева («Берег», «Выбор»), Ю. Балтушиса («Сказание о Юозасе»). Н. Думбадзе («Закон вечности»), Ч. Амиреджоби («Дата Туташиа»). Все активнее определяет атмосферу многонационального советского романа мысль о неделимости народных нравственных принципов, накопленных в прошлом, кодекса обычаев и традиций и социалистических принципов морали, коммунистической нравственности. Внутренняя прочность человека обеспечивается как включенностью в процесс истории, так и обращенностью в прошлое, к тому кодексу представлений о справедливости, в котором сосредоточен многовековой нравственный опыт предшествующих поколений. Очень важно, чтобы усвоение позитивного прошлого не отставало от движения человека вперед — только в этом случае он не выпадет из времени.

Утрата связи с духовным опытом предшествующих поколений, нарушения народных норм этики, нравственности — причина бездуховности героя Х. Шаваева («Последний день недели»).

Поискам норм нравственного поведения, отношению к окружающему миру и прошлому, выбору жизненного пути посвящен роман ногойца И. Капаева «Вокзал». Далекая и близкая история народа представлена частью духовного бытия героев (отца и сына) произведения. Развитие и расширение этого пласта романа преломляется в формах притч, легенды, ассоциативных всплесков, а иногда посредством прямых публицистических обращений автора к читателю. Конфликт романа И. Капаева определяется столкновением людей с разным пониманием единства времени. Подобные конфликты для новописьменных литератур не новы (молодой человек влюбился в девушку и хочет жениться, но отец его в силу собственной отсталости несправедлив и жесток по отношению к будущей невестке). Однако подобный конфликт, характерный для литературы 20—30-х годов, сегодня неожиданно воспринимается как новый. Осознание одновременно ценности и ограниченности традиций, духовного опыта предшествующих поколений определяет характер поведения героя романа «Вокзал», непрекращающийся внутренний спор его рассудка и чувств.

В этом отличие героя северо-кавказского романа 70—80-х годов от героя романа рубежа 50—60-х годов, который без боли и сожаления мог отмежеваться от прошлого народа, от духовного опыта отцов. Герой сегодняшней прозы озабочен мыслью о цельности, диалектической взаимосвязи нравственных принципов всех поколений. Такой герой, многогранный, углубленный в мир своих чувств, мыслей, каждый поступок, действие подвергающий сомнению, анализу, вызвал и соответствующие сдвиги, коррективы в конструкции современного романа.

Многие литературоведы считают, что из многонационального советского романа сегодня ушла широта показа событий. Другие, отдавая предпочтение новым уровням психологического анализа большой прозы,

готовы объявить событийность, масштабность рудиментарными компонентами. А мера таланта? Современный многонациональный роман в структурно-жанровом отношении многообразен. Но при всем этом ведущее его качество, основанное, по словам В. Белинского, на художественном изображении человека в единстве с общественной жизнью, остается неизблемым и общим для Ч. Айтматова, И. Авижюса, Ю. Бондарева, Н. Думбадзе, М. Стельмаха, О. Гончара, А. Кешокова и многих других писателей. Включенность героев В. Быкова, В. Распутина, А. Теплеева, И. Капаева, Э. Гуртуева, М. Эльберда в процесс исторических событий, выявление их идейной и нравственной позиции в активных эпических действиях, поступках играют такую же формообразующую роль, как и склонность их к рефлексии, философским размышлениям о смысле жизни и назначении человека. Думается, без соответствующей сопряженности внутренней борьбы героев, их «философии жизни» с борьбой против зла, несправедливости, с активным добротворчеством роман как жанр может потерять многое. Спор человека с самим собой, сомнения, поток чувств и мыслей вторичны, и роман ставит писателя перед необходимостью широко охватить и сферы той объективной действительности, которые определяют внутреннюю активность человека. Так или иначе событийность — один из важнейших структурообразующих компонентов больших форм прозы. События присутствуют в них не просто как самобытные, замкнутые в своем значении явления действительности, а как условия, в которых формируются и выявляются личностный мир героя, его понимание общественного долга и нравственности.

Событийность, эпическая широта охвата действительности всегда были неотъемлемой частью романного пространства. Но на разных ступенях общественного развития «внешняя цепь событий» в романе бытовала на разных эстетико-психологических уровнях. На рубеже 50—60-х годов во многих северо-кавказских романах события были «самоценными», автономными по отношению к герою, который соприкасался с ними как участник. В центре же современного северо-кавказского романа — нравственные поиски человека, история, прошлое, настоящее, но осознанные и пропущенные через его внутренний мир. От этого роман не утратил эпической широты охвата действительности, многоплановости повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Османова З. Творчество М. Горького и судьбы советского романа//Советский роман: Новаторство. Поэтика. Типология. М., 1978.
2. Белая Г. Нравственный мир художественного произведения//Вопр. лит. 1983. № 4.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Д. М. НАСИЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В центр внимания тюркологической науки поставлены вопросы составления исторической грамматики отдельного тюркского языка и истории литературного языка. Новые задачи диктуются современным этапом развития тюркологии, этапом, качественно отличным от предыдущих.

В целом его можно определить как время синтеза полученных в разных областях знаний, при этом следует учитывать следующее:

- 1) достижения в изучении тюркских письменных памятников разных эпох [1];
- 2) совокупность сведений о ведущих диалектных единицах (по ряду регионов представлено и категориальное осмысление собранных фактов — монографические описания склонения, категорий глагола и пр.);
- 3) рассмотрение грамматических категорий в тюркских языках в их историческом развитии;
- 4) успешное изучение лексического состава тюркских языков и составление разнообразных словарей — толковых, исторических, диалектных, профессиональных, глоссариев к памятникам, топонимических словарей; лексикологический анализ смысловых групп;
- 5) развитие ареальных исследований в области фонетики, грамматики, синтаксиса, лексики; изучение межъязыкового контактирования;
- 6) новый уровень синхронного описания языковых категорий с использованием современных достижений в теоретической грамматике (системное описание, полевое структурирование, системно-функциональный анализ, трансформационные приемы, экспериментальные приемы и др.);
- 7) успехи социолингвистических исследований на тюркском материале и достижения в функциональной стратификации языков — как современных, так и отраженных в письменных памятниках, заметный прогресс в освещении развития литературного периода языка и формирования его функциональных стилей, их анализ и определение лексико-грамматической базы (в этом отношении для древнего периода особенно показательны работы Э. Р. Тенишева), наконец, стилистическая и жанровая стратификация (она оказывается полезной и для исторической грамматики; см. работы Г. Ф. Благовой), а также изучение стилей современных литературных языков;
- 8) на новый уровень поднялась сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, учитывающая нередко и алтаистический фон; здесь мы имеем по крайней мере две (а для фонологии — и три) закон-

ченные праязыковые модели и модели для некоторых грамматических категорий (имя, глагол);

9) отмечаются — правда, в меньшей степени — успехи и в области типологического изучения тюркских языков, в том числе и исторической типологии;

10) сильно продвинулись исследования в области этнической истории тюркских народов, сложения тюркских народностей и наций, политических объединений.

Как представляется, перечисленные основные факторы характеризуют в настоящий момент особые условия существования нашей тюркологической науки, вышедшей к задачам осмысления истории языков и их литературных форм. В связи с этим ведущими являются, очевидно, последние четыре фактора: функциональная стратификация языка, праязыковые построения, типологические схемы и этническая история.

Следует подчеркнуть, что именно совокупность этих и остальных факторов действительно создает качественно иную ситуацию в современной тюркологии в сравнении с той, что наблюдалась, например, лет десять тому назад.

Между тем появление новой научной ситуации выдвигает закономерно постановку методологических вопросов, от решения которых будет зависеть ход дальнейшего развития проблемных разработок, а также выбор направления основных усилий.

Остается исходным положение о том, что при «изложении истории языка точкой отсчета служит праязыковая плоскость, или праязыковое состояние» [4. С. 5]. Ясно, что «без точки отсчета нет исторической перспективы, следовательно, нет самой истории» [4. С. 5]. Как уже указывалось, ныне существуют две полные праязыковые модели (А. М. Щербак и Б. А. Серебренникова, Н. З. Гаджиевой), которые в области и фонетики и морфологии разнятся по набору и квалификации целого ряда праформ. Таким образом, возможен выбор каждой из них в качестве отправной точки отсчета развития языковых явлений, что приведет, естественно, к различающимся результатам в интерпретации отдельных словоформ.

Заметим также, что чрезвычайно важной для исторической морфологии остается посылка о разграничении истории литературной формы языка и общенародной. Показательным примером изучения диахронической фонологии двух общенародных языков — башкирского и татарского с их пятью диалектами и сорока говорами в обширном ареале (но с обязательным фоном их литературной формы) является монография Т. М. Гарипова [5]. В ней применена комплексная методика с глубоким вниманием к ареальным и этнолингвистическим аспектам.

Заслуживает обсуждения вопрос о существовании праязыковых диалектов, отразившихся, как показали проведенные исследования, во всех ярусах современных тюркских языков: всем известным лексические ареалы, особенности фоно-фонологических рефлексов, морфологические вариации (ср. типы склонения, обоснованные работами Г. Ф. Благовой [6], типы глагольных имен, формы деепричастий и т. п.), отличия в организации синтаксических структур, флуктуирующих по ареалам. Указанные вариации интересны в плане их отражения в современных диалектах и письменных памятниках. Особенно они важны при изучении межсистемной интерференции.

Явления взаимного проникновения разных типов тюркского склонения — их выделено четыре: огузский, кыпчакский, уйгуро-кыпчакский, карлукский [6. С. 43—55], — проявляемых в именной, посессивно-именной и местоименной парадигмах, выступают как яркий пример внутри-

и межсистемных связей. Характерно, что одновременно устанавливается и межкатегоральное взаимодействие падежных показателей.

Эти и подобные факты позволяют установить, что и в истории тюркских языков в рамках их общей типологии (типологической структуры) существовали процессы индивидуального проявления средств означивания при сходстве (или даже подобии) означаемых. Можно ли считать, что разные типы колебаний при межсистемных или межъярусных взаимодействиях одинаково протекали (=отражались) в письменных памятниках и живых тюркских диалектах? Видимо, здесь однозначного ответа быть не должно.

Благодаря усилиям Э. Р. Тенишева на материале средневековых письменных памятников вскрыта сложная функциональная и стилистическая структура литературных языков, возникших на базе наддиалектных форм в разных этнополитических общностях [7; 8. С. 266—273; 9. С. 192—201]. В этих работах также показана преемственная связь последующих периодов развития литературных языков с предшествующими; она базировалась на сохранении традиционной, устойчивой части, по отношению к которой другие компоненты отражали новации местного характера, т. е. живых норм языка.

В этом отношении показательна, например, динамика именного склонения в языке памятников древнеуйгурского классического (X—XI вв.) и более позднего периода (XIII—XIV вв.): многие тюркологи подметили смену показателя винительного падежа *-f* на *-ны* в именной парадигме.

Как известно, в классическом уйгурском языке доминировал показатель *-f*. Обратим, однако, внимание на привезенные из Дуньхуана уйгурские тексты позднего периода (XIV в.), опубликованные Ш. Текином [10], П. Циме и Г. Карой [11], так как в издании содержатся статистические данные по распределению аффиксов винительного падежа. Изданные Ш. Текином тексты интересны тем, что они являются не переводом, а оригинальными сочинениями уйгуров на буддийскую тематику; особенно примечателен первый из текстов, который принадлежит уйгуру Вапши Бакши и переписан Чисуя Тутунгом (по ряду косвенных признаков издатель рукописи полагает, что Вапши Бакши и Чисуя Тутунг были почти современниками). Ш. Текин отмечает двойственность в употреблении аккузатива на *-f* и *-ны* и проникновение последнего падежного показателя в именную парадигму: этот текст «с тенденцией к прономинальному склонению» [10. С. 22]. Об этой тенденции свидетельствует такое употребление аффиксов в данном тексте: *-f* встречается 33 раза, *-ны* — 43 (из них 30 раз в собственно тюркских словах); однако в словах с показателем множественности *-лар* аккузатив на *-f* отмечен 16 раз, а показатель *-ны* в этой же позиции — 11; в одних и тех же словах с семантикой множественности, но не снабженных *-лар*, аффикс *-f* употреблен 16 раз, а аффикс *-ны* — уже 19 [10. С. 20—24]. Как видно, в целом все же преобладает аккузатив на *-ны*. Ш. Текин задается вопросом, является ли расширение функций аффикса *-ны* новацией самого Вапши Бакши или переписчика Чисуя Тутунга, хотя если они были современниками, то это и не принципиально. Видимо, есть все основания предположить, что указанное распределение показателей аккузатива в «смешанном» языке данного текста связано в первую очередь с особенностями речи его автора Вапши Бакши и в известной мере отражает живую речь уйгуров в том регионе, т. е. живые нормы языка здесь настоячиво вторгаются в традиционные нормы классического уйгурского языка буддийских памятников.

Эти предположения подтверждает сравнение с языком уйгурской

сутры из той же коллекции А. Стейна, которая также относится ко времени правления Монгольской династии. Издатели этой сутры — П. Циме и Г. Кара — считают ее язык «смешанным», с нарушением классической языковой нормы. Рассматриваемая сутра является переводом с тибетского оригинала и в этом смысле относится к канонической литературе. Вероятно, именно с данным обстоятельством связано сохранение в ее языке большего числа традиционных элементов, в частности соотношение аккузатива на *-ғ* (128 раз) и на *-ны* (49 раз). Хотя размер данной сутры почти втрое больше первого сочинения, пропорция в употреблении *-ғ* и *-ны* говорит сама за себя. К языковым особенностям сутры относятся также и другие традиционные черты, свойственные архаичным текстам, например, отсутствие *-лар* при имени с числительным (153 случая) в противоположность наличию (86 случаев); в изафетных конструкциях показатель принадлежности 3-го лица *-си* употреблен 199 раз и опущен в 50 случаях [11. С. 11—23]. Однако существующие колебания в употреблении отдельных грамматических показателей в языке уйгурских памятников более позднего времени свидетельствуют все же о проникновении новых разговорных форм, которые разрушают прежнюю норму. В частности, в уйгурских текстах отразилась общая тенденция унификации парадигм склонения и выравнивания именной парадигмы по отношению к местоименной и посессивно-именной в сфере аккузатива.

Но как объяснить эту динамику именно в данных уйгурских текстах из Дуньхуана? Быть может, она совпадает с общей линией развития тюркского склонения? Как отметила Г. Ф. Благова, трудно принять, учитывая разнородность типов склонения, предложенную А. М. Щербаком реконструкцию показателя аккузатива *-ғ* в качестве единственной прарформы [6. С. 267]. Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева, восстанавливая *-ғ*, допускают и другой праязыковой показатель «определенного винительного падежа *-ы/-и*» [4. С. 79]. Аналогичен вывод и Г. Ф. Благовой, сделанный на основе анализа большого материала из письменных памятников и диалектов. Как же в этих условиях можно оценить факты из приведенных древнеуйгурских текстов? Очевидно, возможно сделать выбор между двумя решениями. Вторжение в парадигму формы винительного падежа на *-ны* обоих текстов с известной долей вероятности может отражать общую линию развития грамматического строя тюркских языков (диалектов) в целом, т. е. линию умирания древней ареальной (древней диалектной?) особенности — аккузатива с показателем *-ғ*, и замену ее другой общетюркской (может, иной локальной?) формой падежа на *-ы* с инфиксом *-н-*.

В то же время специфическое соотношение аффиксов в тексте Вапши Бакши, в котором, несомненно, отразились более рельефно нормы живой уйгурской речи того периода, говорит за то, что в данном регионе происходила не только смена диалектной основы в разговорном языке, но и интенсивное проникновение норм устной речи в письменную. Это вызывалось, вероятно, динамикой уйгурских племен в период с IX по XIII в. и особенно активизацией этнических процессов в период монгольского завоевания [12. С. 195—223]. «Уйгурская колония [в Дуньхуане. — Д. Н.] создавалась постепенно с самого начала X в. ... В Дуньхуане по мере притока уйгурского населения усиливался процесс уйгуризации (тюркизации) его населения и прежде всего согдийцев...» [12. С. 218]. Эти глубокие этнические изменения способствовали «смешению» языковых признаков и преобразованию диалектной базы письменных текстов, здесь создававшихся. В переводных текстах, освященных устойчивыми монастырскими традициями и школами переписчиков, сохранялись более традиционные формы языка.

Приведенные выше примеры иллюстрируют, как сталкиваются две тенденции изучения истории языка в разных его ипостасях — литературной и общенародной, как сходные языковые факты могут быть привлечены для раскрытия истории литературного языка и истории грамматической категории. Следовательно, приобретают значимость методологические вопросы истолкования морфологических форм, чем подчеркивается важность признания совершенно определенных точек отсчета в диахронической морфологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор новейших достижений тюркского языкознания и библиографию основных работ см. в работах [2. С. 5—14; 3. С. 15—60].

² Тюркское языкознание в СССР в XI пятилетке: Итоги и проблемы//Сов. тюркология. 1986. № 1.

³ Филологические науки в тюркоязычных республиках в XI пятилетке: Состояние и задачи//Там же.

⁴ Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

⁵ Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.

⁶ Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: Юго-западный регион. М., 1982.

⁷ Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте//Вопр. языкознания. 1979. № 2.

⁸ Он же. О наддиалектной природе языка карахандско-уйгурских письменных памятников//Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.

⁹ Он же. Система форм существования древнеуйгурского языка//Функциональная стратификация языка. М., 1985.

¹⁰ Tekin S. Buddhistische Uigurica aus der Jüan-Zeit. Budapest, 1980.

¹¹ Zieme P., Kara G. Ein uigurisches Totenbuch. Budapest, 1978.

¹² Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983.

И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК САМОРАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ (ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

Литературный язык любого народа — это очень сложная и своеобразная система, которая обладает различными уровнями организации. Основными компонентами — подсистемами литературного языка являются язык художественной литературы, язык публицистики, язык научной и технической литературы, язык официально-деловых документов, язык религиозной литературы и т. д. Эти компоненты также образованы из подсистем более низкого уровня. Так, язык художественной литературы, например, представляет собой систему из трех достаточно явно выраженных подсистем: языка поэзии, языка прозы, языка драматургии. Далее, язык прозы образован из подсистем еще более низкого уровня: языка рассказа, языка повести, языка романа и т. д.

Таким образом, литературный язык как система в структурном плане состоит из подсистем и элементов различного уровня организации. Все эти подсистемы и элементы, взаимодействуя друг с другом посредством определенных свойств, образуют единую саморегулируемую систему — систему литературного языка. В свою очередь, литературный язык сам является подсистемой более высокого уровня системы «язык народности или нации», включающей в себя и другие подсистемы: народно-разговорный язык и язык фольклора. Представление литературного языка в большой системе имеет важное методологическое значение, так как он может быть понят и осмыслен только в том случае, если будет рассматриваться как необходимый момент целостной научной системы, как составное звено единой диалектической концепции.

Литературный язык — категория историческая. Он представляет собой развивающуюся систему, проходящую в своем развитии отдельные периоды, характеризующиеся возрастанием взаимосвязи и взаимозависимости составляющих ее элементов и подсистем. В период формирования и развития литературного языка усложняется его структура, упорядочиваются связи между компонентами, меняется их ведущая роль, в связь включаются новые свойства, появляются новые и исчезают старые элементы и т. д. Движущей силой развития литературного языка как системы являются его внутренние противоречия — противоречия между взаимоисключающими, но неразрывно связанными традиционным и новым на всех языковых уровнях. Однако литературный язык развивается не сам по себе, не изолированно, а в непрерывной связи и взаимодействии с другими связанными с ним системами. Так, народно-разговорный язык и язык фольклора, воздействуя на литературный язык, создают его внешние противоречия, которые

составляют необходимые средства для развития литературного языка и всегда преломляются через присущие ему внутренние противоречия. Кроме того, литературный язык развивается не только на основе внутренних и внешних языковых противоречий, он испытывает влияние и со стороны исторических обстоятельств. Процесс его развития неразрывно связан с общественной жизнью народности или нации, с историей человеческого общества, где главную роль играет развитие материального производства. Изменение общественно-экономического строя либо дает толчок развитию литературного языка, либо тормозит его, либо придает ему различные оттенки. Развитие в таких случаях характеризуется как непрерывно-прерывный процесс. Великая Октябрьская социалистическая революция в нашей стране, например, явилась толчком к бурному развитию советских национальных литературных языков. Она стала вехой перехода от старого к новому состоянию литературного языка. Однако даже при таких обстоятельствах главным источником развития литературного языка остаются не внешние, а внутренние его противоречия. Экстралингвистические факторы, способствуя образованию литературного языка, в то же время выступают чуждыми для его элементов, не обуславливаются и не вызываются внутренней необходимостью к объединению. Они не могут играть главную роль в образовании нового литературного языка и являются делом случая.

В истории литературного языка может существовать и состояние временного равновесия, покоя, которое является необходимым условием развития. Однако такое равновесие относительно. В литературном языке непрерывно-прерывно происходит процесс возникновения новых языковых средств и отмирания старых. Непрерывность развития литературного языка отражается на «лингвистическом экране» как «прерывность» особо важных языковых факторов, отстоящих друг от друга во времени, но связанных между собой в реальности. Новое преодолевает традиционное на основе внутренних противоречий и берет из старого все то прогрессивное, что в нем имелось. И не просто берет, а преобразует соответственно своей собственной природе.

Таким образом, история литературного языка есть саморазвитие системы во времени и среде на основе многочисленных внутренних и внешних противоречий. Главным источником развития литературного языка являются его внутренние противоречия. Внешние языковые противоречия (взаимодействие литературного языка с народно-разговорной речью и языком фольклора) служат средством, а экстралингвистические факторы—условием развития литературного языка, причем они влияют на литературный язык через внутренние его противоречия.

Основными проблемами, требующими исследования и диалектико-материалистического осмысления истории литературного языка, на наш взгляд, являются: определение предмета и объекта истории литературного языка, ее структуры, уровней, внутренних и внешних противоречивых связей.

Предметом истории литературного языка является не столько литературный язык сам по себе, сколько литературный язык в движении и развитии, связях и отношениях. Это, безусловно, общее определение предмета. Наиболее конкретное определение его зависит от уровня лингвистического исследования.

Как известно, литературный язык как объективно существующая реальность представлен в текстах; функционирует он только тогда, когда употребляется текст. Тексты для истории литературного языка — это объект непосредственного наблюдения. Только благодаря им можно выделить разные уровни лингвистических исследований. А. И. Горшков,

например, определяет три уровня лингвистических исследований: уровень языковых единиц, уровень текста и уровень языка как системы подсистем [1. С. 8]. В таких случаях определения предмета и объекта исследования конкретизируются в зависимости от этих уровней.

1. Уровень языка как элементы подсистем, или уровень языковых единиц (фонологических, лексических, грамматических). Дисциплина — историческая грамматика и лексикология литературного языка. Предметом исследования является развитие языкового строя и лексического состава литературного языка, а объектом — языковые единицы (графо-фонемы, морфемы, слова и предложения), употребляемые в текстах. Язык со своей лексикой, фонетической и грамматической структурой с точки зрения литературного языка представляется как элемент подсистемы. Языковые единицы выводятся из текста, выступающего в роли языкового материала [1. С. 8].

В советском языкознании этот уровень наиболее традиционен и распространен. На уровне языковых единиц написаны грамматики современных литературных языков, отдельных или целого круга письменных памятников.

2. Уровень языка как подсистемы системы, или уровень текста. Дисциплина — историческая стилистика литературного языка. Предмет — развитие разновидностей языкового употребления в текстах. Объектом исследования являются тексты.

Стилистика как самостоятельная наука на уровне текста понимается широко, в нее входит и лингвистическая поэтика. Стилистика изучает язык в движении, а не в состоянии статики. Она занимается изучением особенностей языкового употребления в текстах, возможностей языковых средств в стилеобразовании. Тексты выступают здесь не как языковой материал, из которого выводятся языковые единицы, а как самостоятельный объект исследования [1. С. 9]. На этом уровне изучается развитие стилистического использования языковых средств во всех подсистемах (в художественной литературе, публицистике, научной литературе, официально-деловых документах и т. п.) литературного языка и определяются конкретные стили.

3. Уровень языка как система подсистем, или уровень литературного языка. Дисциплина — история литературного языка. Предмет — развитие литературного языка как единого целого во взаимодействии с другими компонентами языка народности или нации. Объект — литературный язык как система подсистем, представленная в типологических совокупностях текстов. На этом уровне образуются системы стилей и норм литературного языка на основе типологии лингвистически обобщенных текстов.

Все три уровня представляют собой относительно самостоятельные дисциплины, которые имеют свой предмет, объект и методику исследования. Вместе с тем они между собой органически взаимосвязаны, так как литературный язык не только развивающееся, но и единое целое.

Литературному языку как системе подсистем присущи качественные результаты первых двух уровней (уровня языковых единиц и уровня текста). Однако лингвистическое сведение литературного языка как системы подсистем к первым двум уровням недопустимо, так как литературный язык на этом уровне обладает своими особыми закономерностями, которые отличают его от уровней языковых единиц и текста и определяют его качественное своеобразие. На уровне языка как системы подсистем фонологические, лексические, грамматические единицы и стилистические средства литературного языка не имеют самостоятель-

ного значения, они подчинены главной цели — определению стилей и норм литературного языка в целом.

В научной литературе вопрос о наличии и природе разных языковых стилей до сих пор не получил однозначного решения. Не дала ответа на многие вопросы стилистики и дискуссия, организованная в 1954 г. на страницах журнала «Вопросы языкознания» [2].

До сих пор одной из нерешенных проблем остается отношение стиля художественной литературы к языковым стилям. Одни исследователи понятие стиля художественной литературы исключают из ряда языковых стилей и квалифицируют его как особую разновидность языка, считая, что в художественном произведении «встречаются все языковые стили» [3; 4]. Другие ученые, напротив, выступают в защиту понятия «стиль художественной литературы», включая его в число языковых стилей [5. С. 26—34; 6. С. 48]. Р. А. Будагов, например, пишет: «Эстетическая функция языка (наряду с другими языковыми функциями и прежде всего коммуникативной) — вот важнейший интегральный признак, который открыто или скрыто заключен в стиле любого значительного художественного произведения, особенно нового времени. Этот интегральный признак отличает стиль художественного произведения от других стилей речи» [7. С. 34—35]. Далее он пишет, что «стиль художественного произведения обычно опирается на самые разнообразнейшие речевые стили, но, опираясь на них, он образует не простой „сплав“, а новое качество. Это качество и обнаруживается в единстве коммуникативной и эстетической функций данного стиля. Оно-то и составляет специфику любого стиля художественной литературы» [7. С. 35].

Стили как таковые не существуют в самом языке изначально, они порождаются коммуникативной функцией языка, неотрывно связанного со всей деятельностью человека [8. С. 47]. В языке есть только стилиобразующие средства и разнообразные возможности их употребления. Именно они искусно отбираются автором при создании какого-либо текста. Поэтому стиль тесно связан не с самим языком, а с текстом: «стиль есть только там, где есть текст» [8. С. 48].

Языковые средства являются исходной, всеобщей, но элементарной формой для истории литературного языка. Именно они составляют вещественный фактор литературного языка. Языковые средства могут включать в себя фонологические, лексические, грамматические, стилистические, поэтические элементы, с помощью которых автор создает свое цельное произведение, свой стиль. При определении стиля как самостоятельной категории языковые средства объединяются на основе типологии лингвистически обобщенных текстов и рассматриваются в структурно-функционально-семантическом аспекте. В структурном плане они составляют некоторые стилистические ряды в текстах определенного типа. Функционирование этих стилистических рядов вызывает взаимодействие между ними и приводит к конечному результату, т. е. определяет стиль как самостоятельную категорию.

На уровне языка как системы подсистем стилистические ряды рассматриваются в плане соотносительности с такими категориями, как язык официально-документальный, научный, публицистический, художественный, с одной стороны, и народно-разговорный, фольклорный — с другой.

В системе языка народности или нации тексты делятся на разговорные, устно-поэтические (фольклорные) и литературные. Следовательно, существуют и такие разновидности языка: разговорный, устно-поэтический (фольклорный) и литературный. Литературный язык как

разновидность языка народности или нации, на наш взгляд, составляет следующую систему стилей: официально-документальный, эпистолярный, научный, публицистический, художественный и религиозный [9]. Различия внутри каждого вышеназванного стиля литературного языка далее определяются уже не сущностью языка, а жанровыми особенностями самой литературы [7. С. 31]. Внутрителиевые различия наблюдаются, например, между естественными и гуманитарными науками, между «стилем романа» и «стилем рассказа», «стилем поэзии» и «стилем драмы» и т. п.

Система стилей литературного языка исторически изменчива. В результате постоянного взаимодействия между разновидностями языка меняются ведущая роль и строй отдельных стилей, образуются новые стили. Каждый период истории литературного языка характеризуется каким-либо определенным стилем, содержащим в себе некоторый организующий фактор. А так как между стилями нет жестких, непреодолимых границ, они находятся в постоянном движении. В одном стиле могут употребляться языковые средства, свойственные различным разновидностям языка, или одни и те же стилистические средства могут встретиться в любом языковом стиле. Такое сложное переплетение, как правильно указывают исследователи, особенно ярко прослеживается в художественных текстах. Однако это не значит, что в языке художественной литературы «встречаются все языковые стили». В нем, скорее всего, встречаются не стили, а *разнообразные языковые средства*, характерные для различных стилей, ибо функциональная сторона языка художественной литературы шире, чем других подсистем литературного языка.

Одним из основных признаков литературного языка является *нормированность*. Она органически связана с эволюционирующей системой литературного языка, которая перестраивается в каждую эпоху вследствие отмирания старого качества, не удовлетворяющего уже функции языка как средства общения, и накопления элементов нового качества, отвечающего потребностям общения. Поэтому норму литературного языка нельзя рассматривать как некое статическое явление. Она — явление динамическое, динамически противоречивое; ее необходимо изучать «как исторически сложившуюся систему, которая характеризуется определенными признаками как собственно языковая и социально-историческая категория» [10. С. 559]. Вместе с тем систему норм литературного языка как языковую категорию нельзя отождествлять с системой литературного языка. Понятие «система норм» зависимо от понятия «система литературного языка», так как норма может изменяться только в зависимости от развития литературного языка. «В процессе научного исследования и описания, — как правильно отмечает А. И. Горшков, — не литературный язык должен выводиться из литературной нормы, а, наоборот, литературная норма — из литературного языка» [8. С. 47].

В литературном языке в процессе его развития постоянно происходит сосуществование, борьба и размежевание многочисленных вариантов (старых и новых) форм на всех языковых уровнях. Однако это нисколько не отрицает нормативности литературного языка, ибо *«варьирование формы — это объективное и неизбежное следствие языковой эволюции»* [11. С. 25].

Система норм литературного языка не есть сумма норм лексических, грамматических, орфоэпических. Нормы языковых единиц по отношению к системе норм литературного языка играют лишь подчиненную, служебную роль. Нормы отдельных стилей на уровне текста

тоже не являются системой норм. Они могут возникать только на уровне языка как системы подсистем, исследуя основные закономерности организации системы стилей литературного языка.

По этому вопросу А. И. Горшков пишет: «В каждую эпоху существует определенная зависимость между разновидностями (т. е. стилями. — И. Г.) литературного языка, с одной стороны, и сферами их употребления и тематическим содержанием, с другой стороны. Эта зависимость обуславливает и характер взаимоотношений между разновидностями литературного языка, определяет роль той или иной разновидности в языке как системе подсистем... Названные зависимости представляют собой единство, которое, будучи общественно осознанным и закрепленным в литературе на определенном этапе исторического развития, становится нормой на уровне языка как системы подсистем» [8. С. 42].

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.

² См.: Вопросы языкознания. 1954. № 1—6.

³ Максимов Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы//Рус. яз. в национальной школе. 1967. № 1.

⁴ Панфилов А. К. История становления публицистического стиля современного русского литературного языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.

⁵ Кожина М. Н. О понятии стиля и места языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1973.

⁶ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

⁷ Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей. М., 1984.

⁸ Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984.

⁹ Религиозный стиль хронологически обособлен, влияние его на развитие литературного языка в нашей стране давно себя исчерпало.

¹⁰ Семенюк Н. Н. Нормы: Общее языкознание. М., 1970.

¹¹ Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981.

О Н О М А С Т И К А

И. Г. ДОБРОДОМОВ

ОСКОЛ

(ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Крупный левый приток Северского Донца — р. *Оскол* (укр. *Оскіл*) [1. С. 272] начинается на Среднерусской возвышенности двумя истоками (в урочище Пузачи и к северо-западу от с. Погожего), сливаясь у с. Прилепы в пределах Тимского района Курской области, течет через Горшеченский район той же области, через Старооскольский, Чернянский, Новооскольский, Волоконовский и Валуйский районы Белгородской области в восточную часть Харьковской области, где и впадает в Северский Донец.

У Оскола в Тимском районе Курской области имеется двойник — пересыхающий ручей *Старый Оскол*, левый приток Тима — правого притока Сосны (Быстрой Сосны), впадающей в Дон справа.

Другие географические названия, связанные с р. Оскол: р. *Осколец* [2], правый приток Оскола, и железнодорожная станция *Осколец* на линии Старый Оскол — Ржава близ этой реки. По течению Оскола расположены районные города *Старый Оскол* и *Новый Оскол* [4], с. *Осколище* (Волоконовский район) в Белгородской области, а также с. *Красный Оскол* (укр. *Червоний Оскіл*) с *Краснооскольским* (Червонооскільским) водохранилищем в Харьковской области.

Сопоставление русской формы *Оскол* и украинской *Оскіл* показывает, что в древнерусском языке это название имело устойчивый облик *Осколѣ*. Капитальный «Словник гідронімів України» [6. С. 404—405] на основании ряда старых источников отмечает также форму *Оскуль* — *Oskul* (l), которая зафиксировала промежуточную стадию перехода старого гласного *o* в закрытом слове в гласный *i* через ступень *yo* дифтонгического характера (преобладающей была первая часть *y*, отраженная на письме без слабовыраженной второй части). В Ипатьевской летописи под 1170 г. встречается любопытная форма *Въсколь* (*Бастии же и инии мнози гониша по них [за половцами] и за Въсколь быюче и*) [7; 8], которую «Словник гідронімів України» [6. С. 404] считает формой гидронима *Осколѣ*, хотя разночтение по Хлебниковскому и Погодинскому списку (*Ворскол*), несомненно, указывает, что речь идет о *Ворскле*, при написании названия которой в Ипатьевском списке была опущена выносная буква *p*.

Встречающиеся иногда в южновеликорусской письменности написания *Асколѣ* с начальным *А-* можно совершенно не принимать во внимание, поскольку оно отражает на письме произношение безударного *o* как *a* в условиях русского литературного и южного произношений. Сложнее обстоит дело с «уникальной» формой *Оскал*, которую приводит

А. И. Яценко на основании документа, опубликованного в так называемых «Донских делах» (кн. I) [9; 10], причем особо подчеркивается, что вариант *Оскал* «в источ. встречается единственный раз». Обращение к контексту проясняет дело: «*А какъ я, холопъ твой, съ Ябланова гналъ къ Москвѣ къ тебѣ, государю, съ отписками, и на степи, государь, межъ Ливенъ и Оскала подъ Пузацкимъ лѣсомъ съ переседы у меня конь палъ, цена двенадцать рублевъ*». Эта форма фактически также возникла на письме в условиях акающего произношения речного названия с ударением на последнем слоге слова (на окончании), где гласный второго слога (второй гласный основы) оказался безударным и был обозначен буквой *а* вместо закономерного *о*: *Оскалá* (вместо *Осколá*). Перенесение этого *а* в форму именительного падежа *Оскол* явно ошибочно. Ср. в этом же контексте: *съ Ябланова*, где отражено заударное аканье.

Привлечение других источников показывает, что отражение аканья во втором слоге косвенных падежей названия *Оскол* типа *Оскалѹ* встречается гораздо шире, чем предполагал А. И. Яценко. Например, в документе 1672 г. [12. С. 266] встречаем фразу: «*а другія пошли внизъ по рѣкѣ по Оскалѹ*». На основании этой цитаты при неучете ударения можно было бы «восстановить» фантастическую форму *Оскалѣ*, но этого, конечно, делать нельзя: здесь также фигурирует акающее написание вместо закономерного *Осколѹ*.

Е. С. Отин указал форму этого названия Scalla на старинной карте 1614 г. Гесселя Геритса [13]. Вероятно, происхождение этой загадочной формы следует объяснять вычленением ее из предложно-падежных форм типа *На Осколѣ*, *В Осколѣ*, произносившихся [*наскалѣ*, *васкалѣ*]: после выделения предлогов *на* и *во* [*ва*] [14]. Возможно, в основу названия была положена отмеченная позже гидронимическими экспедициями форма женского рода *Оскола* [6. С. 405].

Итак, река *Оскол* известна под этим названием, которое испытывало иногда вполне объяснимые колебания, других же названий для нее неизвестно, поэтому указание К. С. Горбачевича [16. С. 28] о том, что «река Оскол некогда называлась *Рось*» (без ссылки на источник) [17], должно быть оставлено в стороне.

В сочинениях, касающихся происхождения речного имени *Оскол*, обычно подчеркивается неясность первоисточков этого названия, причем авторы, приводя высказанные до них (или же свои собственные) предварительные точки зрения, как бы намечают направление этимологического исследования гидронима. Следует заметить, что последовательно эти этимологические версии не разрабатывались; более поздний анализ вскрыл в их основе такие дефекты, что дальнейшая разработка подобных версий стала невозможной.

Широко распространились соображения А. Х. Востокова, который указывал на необходимость рассматривать речное название (гидроним) *Оскол* в одном ряду с другими названиями со сходным исходом (конечной частью) на *к-л*, *г-л*: *Оскол*, *Ворскла* (в старинных летописях *Ворскола*), *Деркул*, *Ингул*, *Телигул*, *Кагул*, *Кагальник*, *Каяла*, возможно, *Калка*. Эти названия он связал с хазарами, печенегами и половцами, предполагая у конечного элемента *к-л* значение 'вода' или же 'поток, река' [21. С. 213—214; 22]. Но это всего лишь предварительные соображения для будущего анализа. В дальнейшем они получили широкое распространение в топонимической литературе; в теоретическом плане классификация топонимов по конечной части слова стала называться формантным методом [25. С. 19—25]. Востоковский список приобрел несколько иной вид у В. А. Никонова: *Оскол*, *Ворскла*, *Воргол*, *Псел*, *Хорол* и далее *Ингул*, *Тилигул* [26. С. 90, 314, 344, 457].

Несколько разочаровывает попытка чисто механического совмещения анализа речных названий на *-ол* (в том числе и Оскола, ошибочно включенного в бассейн Днепра), отягощенная рядом неточностей, у З. Т. Франко, которая, рассматривая гидронимы на *-ол* в разделе «Мужской род как проявление субстратности», считает их «старыми автохтонными» названиями (не раскрывая содержания понятия), хотя их логичней было бы рассмотреть в следующем разделе книги — «Женский род как признак автохтонности» [27. С. 72—74], поскольку в [6] приведена и форма женского рода *Оско́ла*.

Также не может быть принята гипотеза А. И. Соболевского о связи речных названий *Оскол* и *Oskava* в Чехии [28. С. 12], поскольку оказываются необъясненными конечные части гидронимов и незавершенными этимологические соображения.

Нельзя признать удачной чисто кабинетную этимологию названия равнинной реки *Оскол*, протекающей в лесостепной полосе, в связи с названиями *скал*, которых нет в Черноземном центре европейской части России и в прилегающих районах Украины. Такую этимологию предлагал, например, М. Р. Фасмер, отмечавший тождество гидронима с фактически сомнительным старорусским церковнославянским словом *осколъ* 'скала' [29. Стб. 719; 30] и привлекавший сюда *осколок*, *скала*, *щель*, не входя в подробности ни словообразовательного, ни семантического порядка [34. С. 160]. Высокий лесистый правый берег Оскола, сложенный из мела, едва ли может именоваться скалистым; еще меньше оснований искать скалы на его левом песчаном или болотистом берегу.

Дальнейшее развитие идеи М. Р. Фасмера находим у Н. Т. Янка, который выводил *Оскол* от рус. *скала*, укр. *скеля* (с тем же значением): *Оскол* (укр. *Оскі́л*) «возле скал» — «река, которая имеет скалистые берега или вытекает из скал» [35. С. 110]. Но ведь у *Оскола*, как уже говорилось, нет никаких *скал*, да и грамматически этимология хромает. Так называемые Воргольские скалы в нижнем течении р. Воргол, впадающей в Сосну (Елецкий район Липецкой области), — весьма заметный феномен в Черноземном центре на фоне их отсутствия [36. С. 77].

Не могут быть признаны убедительными и соображения А. А. Потехни, который сравнивал гидроним *Оскол* с польским диалектным (куявским) названием березового или кленового сока *oskoła oszkoła*, а также с литовским глаголом *skal-auti* 'полоскать', и древнеиндийскими *kṣāl-ati* (из **skal-*) 'течет', *kṣā-layati* 'омывает' [37. С. 340]. Г. А. Ильинский сближал, далее, польск. *oskoła* 'березовый сок' с рус. *сок*, *щи*, но гидронима *Оскол* сюда не привлекал, как это почему-то ему приписал М. Р. Фасмер [38. С. 306; 34. С. 160]: «Менее вероятно сближение названия реки с *сок*, *щи* (Ильинский. РФВ. 73, 306)» [39].

Несколько раньше А. А. Потехня давал топониму *Оскол* иное объяснение: «Г. *Оскол* (от реки того же имени) — из предлога, быть может, со значением *къ* (или=объ?) и корня со значением *течь. омыwać*: лит. *scalauji* полощу; скр. *kiśálati* течет, *kiśálájati* омывает. Если же здесь *с=отрицат. а, ан* (ср. *омела viscum album*=скр. *а-мала* без пятен, непорочный, чистый, блестящий), то *Оскол* — синоним харьковской *Нетечи*» [40. С. 105].

Не выдерживает никакой критики фантастическое отождествление речного имени *Оскол* с названием древнего народа *Spali* (*Spalaei*), предложенное известным историком Г. Вернадским, а также вольное производство гидронима *Оскол* «от этнонима *сколоты*», вскользь упомянутое в словаре А. И. Ященко без дальнейших ссылок на литературу и этимологических уточнений [41; 42. С. 69; 43]. В письме к нам от 7 ноября

1980 г. А. И. Ященко указал, что производство речного названия *Оскол* от этнонима *сколоты* предлагал лебедянский краевед П. Н. Черменский в своем сообщении «К истории гидронимов Дона и его притоков», сделанном 1 февраля 1965 г. на Всесоюзной конференции по топонимике СССР в Ленинграде.

Остается недоказанной попытка вывести *Оскол* из диалектного (?) глагола *осколять*: «Приосколье... Густые зеленые дубравы на крутых склонах, а среди них — белоснежные пятна обнажений и осыпей мела. Исследователи утверждают, что этим особенностям местного ландшафта река и город обязаны своим названием. И не без оснований. Из „Толкового словаря“ Даля видно, что слова „осколять“ и „обнажать“ являются синонимами в русском языке» [44. С. 81; 45].

Нельзя считать завершенными этимологические соображения А. И. Попова, который видел в старом гидрониме *Вороскол* (сейчас *Ворскла*) элемент мордовского происхождения *вор* (отраженный в других топонимах и как *выр*, *вёр*), соотносимый с мордовским существительным *вирь* 'лес', поскольку по Ворскле отмечались когда-то довольно многочисленные рощи, особенно дубовые, причем А. И. Попов связывал здесь гидроним *Вороскол* с другим гидронимом *Оскол*: «К Ворскле довольно близко подходит верховьями *Оскол* — приток Сев. Донца. Названия *Оскол* и *Вороскол* могли составлять такую же пару, как *Ломов* и *Норломов* (в первом слове последнего топонима А. И. Попов видел соответствие мордовскому нар *«луг»*. — И. Д.), *Польный* и *Лесной Воро-неж* и т. д. Разумеется, такое предположение требует еще тщательной проверки по другим местным названиям этих областей. То, что *Оскол* и *Ворскла* не сливаются, не является, конечно, препятствием к указанному толкованию, так как такие реки иногда бывают разъединенными значительными расстояниями, сходясь только верховьями» [46. С. 226; 47]. Осторожность А. И. Попова в предположении об этимологии гидронимов *Ворскла* и *Оскол* весьма контрастирует с уверенностью в изложении этого суждения у его ученика А. И. Ященко: «Попов считает, что название *Оскол* составляет пару с *Вороскол* (*Ворскол*), мордовское происхождение которого бесспорно» [42. С. 69].

В свете проделанного нами критического обзора всех этимологических предположений безоговорочное отнесение речного названия *Оскол* к исконным русским в руководстве В. А. Жучкевича [49. С. 127] представляется необоснованным.

Вероятно, на правильном пути был Е. С. Отин, который второй компонент гидронима *Оскол* отождествил с древнетюркскими нарицательными омонимами *qol* 'рука; ответвление, рукав' и *qol* 'долина, вáди' (см.: [50. С. 453]), поданными им как единое многозначное слово. Относительно всего гидронима Е. С. Отин высказался довольно осторожно: «Не является ли название *Оскол* соединением данного термина с частым в тюркской топонимии нумеративным членом (так! — И. Д.) (<Аз кол — „Сто речек“: имелась в виду многочисленность его притоков)?» [51. С. 64]. Толкование же первой части — мнимого *Аз* — как «сто» ошибочно. В тюркских языках слово со значением «сто» звучит так: *йүз* (*юз*) и т. п., а приведенное Е. С. Отиним *аз* в тюркских языках имеет значение «мало», что едва ли подойдет для этимологизации гидронима *Оскол*.

Если в целом этимология, предложенная Е. С. Отиним, оказалась неприемлемой, то отождествление второй части гидронима *Оскол* с географическим термином и попытка проэтимологизировать название на тюркской почве, напротив, весьма плодотворны, однако требуют привлечения более обширного материала.

Вторая часть гидронима *Оскол* имеет характер бродячего слова,

широко представленного во многих языках Северной Евразии: кор. *кол* 'долина'; маньч. *голо* '1) стержень, русло, фарватер (реки); 2) долина; 3) полоса земли между двумя реками; 4) дорога; 5) страна между двух рек; 6) гряда; 7) шов; 8) область'; солон. *голо* [из монг.] '1) стержень, основа; 2) река; 3) сущность, основание; письм. монг. *γool* ~ *γoul* '1) река; долина реки; 2) середина, центр, сердцевина, стержень, ось'; монг. *гол* I 'река, долина реки', *гол* II 'середина, центр, стержень, ось, сердцевина'; бурят. *гол* '1) река, долина реки; 2) середина, центр, сердцевина, стержень, ось; 3) становая жила (у животных)' [52. С. 160; 53. С. 121]; калм. *хол* I 'река', *хол* II 'середина, центр; сердцевина, стержень; графит (у карандаша)', *хол* III 'фитиль'.

В тюркских языках слово представлено уже с древнетюркской эпохи: *qol* 'долина; вади' [50. С. 453], *qol* 'низменность, бассейн реки' [54. С. 413]. Употреблялось оно и в среднетюркский период: на Ближнем Востоке *قلا الوادي* *qol* 'пересохшее русло, долина' [55. С. 92; 56], в Средней Азии — *қол* 'долина, низменность', *қол* 'ложбина, русло (высохшей) реки' [59. С. 212; 60. С. 632]. Фиксируют его и старые тюркские словари (см., напр.: [61. С. 88]): «дж[агатайск.] *قۇل* *колъ* 1) холмы по скату горы, соединяющиеся со степью [...], но у Баб[ура] в значении ложа, бассейна реки [...], 2) башк. овраг, грива, *اولوقول* большой овраг». Отметил его и В. В. Радлов [62. Стб. 582—583]: «*кол* (сагай., шор., древнеуйгур.) 'низменность, долина (без реки)', (шор.) 'речонка, очень маленькая река', *кол чър* (шор., сагай.) 'низменность вроде долины, но без реки'; *kol* (таранч., чагат., восточно-туркест.) 'низменность, русло реки, холм на склоне горы'».

Современные тюркские языки также знают географический термин *qol*, который иногда в словарях помещается как одно из значений слова *qol* 'рука' (в разных фонетических вариантах), однако данные туркменского языка, в котором при одинаковом орфографическом оформлении четко противопоставлены фонетически слово *гол* 'рука, подпись; ветвь (растения)' с кратким гласным и слово *гол* [гоол] 'низина, низменность (маленькая)' с долгим гласным, заставляют предполагать, что это сближение существительных *qol* 'рука' и *qool* 'долина, река', вероятно, должно рассматриваться как вторичное. Другие тюркские языки этих различий уже не знают: гагауз. *кол* 'рука' и 'рукав реки'; азерб. *гол* 'рука' и 'рукав реки'; тур. *kol* 'рука' и 'рукав, приток реки; пролив'.

В дальнейшем иные значения, отмечаемые тюркскими словарями у слова *qol*, кроме гидрографического, приводиться не будут; не будет отмечаться также выделение гидрографического значения в качестве отдельного слова (омонима), как это имеет место в [63. С. 198—199]: *кѳол* I 'рука, подпись' и *кѳол* II 'долина, лощина' или в [64. С. 307]: *қол* I 'рука; подпись', *қол* II устар. 'армия, войско, отряд' и *қол* III 'небольшой арык, проток, берущий начало от основного канала и подающий воду на участок'.

Казахский язык, не имеющий, к сожалению, хороших словарей, знает термин *қол* в составе диалектного выражения *қол арық* (Джамбул. обл.) 'арык между его ответвлениями для прохода воды', в качестве начального элемента сложного слова *қолжап* 'маленький арык', при *жап* 'маленький арык, подводящий воду к поливному участку' (см.: [65. С. 111, 204]). К. К. Юдахин [66. С. 396, 398] указывает, что киргизскому языку слово *кол* 'русло реки, речная долина' известно лишь в составе географических названий типа *Каракол*, *Нарынкол*, *Кенгкол*, а самостоятельно не употребляется (ср., однако, *колот* 'лог, продолговатая впадина между двумя возвышенностями, узкая горная долина').

«Башкирско-русский словарь» [67] не фиксирует диалектного термина для ложбины *кул*, а также *кулауык*, диал. *кулат*, *кулка* и собирает *кул-кулат*, *кул-кылат* 'овраги и низины' (см.: [68. С. 147—148]). Особое внимание следует обратить на совпадение кирг. *колот* и башк. *кулат*.

Несколько противоречивые данные об этом слове в татарских словарях. Если «Татарско-русский словарь» [69. С. 294] в качестве одного из значений слова *кул* 'рука' отмечает разговорное значение 'овраг, овражек, сухое русло, рукав (ответвления долин, оврагов и т. п.)', то «Толковый словарь татарского языка» [70. С. 186] дает его отдельным диалектным омонимом с несколько иной семантикой: *кул* 'овраг с речкой, ручьем; мокрая балка (инешле ерынты, сулы сыза)'. «Диалектологический словарь татарского языка» [71. С. 208, 209] фиксирует это слово у татар Пермской и Свердловской областей: *кул* (также *кулара*) 'долина, углубление между холмами, лощина'.

Возможно, что к нему же имеет отношение и (ново)уйгурское *قول* *гол* 'ущелье, теснина, горный проход', относительно которого [72. С. 564] содержится глухое указание на персидское происхождение, что вызывает некоторое сомнение.

В тувинском языке представлено *хол* 'сухое русло', в хакасском — *хол* 'долина; сухое русло реки; лог', в саларском — *gol* 'горная речка', *kol* 'горная речка, канал', *qol* 'небольшая река, канал' [73. С. 331, 387, 464], а в языке желтых уйгуров — *қол* 'русло реки, бассейн, ложе реки', 'желоб для стока воды'; *көк қол* 'ручей с голубой (зеленой, темной) водой'; *ақ қол* 'ручей с белой прозрачной водой' [74. С. 57]. Однако тувинский, хакасский, желтоуйгурский и саларский материал, возможно, объясняется вторичным воздействием монгольского языка.

Следовательно, слово *qol* как наименование реки и речной долины широко представлено во всех ветвях алтайской семьи языков (тунгусо-маньчжурские, монгольские, тюркские). Оно неоднократно привлекало внимание лингвистов, которые связывали его то с тюркским словом *qol* 'рука' [75. С. 614; 76. С. 65—68] (что выглядит неверным в свете данных туркменского языка), то с наименованием сердца, сердцевины, середины, находя для него картвельские, семито-хамитские и дравидийские параллели [77. С. 231—232; 78. С. 364; 79. С. 332] в рамках ностратического языкознания (праформа **golHΛ* 'сердце'), что представляется более обоснованным в свете еще одной внутритюркской семантической параллели: *öz* 'сердцевина, нутро' > *öz* 'долина между горами' [50. С. 395], а также *өзек* 'сердцевина' > *өзек* 'река', незакономерно разорванные в [80. С. 509—510].

К сказанному о географическом термине *qol* 'долина, река' следует добавить, что многие топонимисты часто не отделяют его от близкого по звучанию *köl* 'озеро', хотя фонетически и семантически это отождествление затруднительно, несмотря на некоторые возможности сближения значений у терминов, обозначающих водные объекты. Была даже сделана попытка свести эти данные воедино [81. С. 124—125; 82. С. 119; 83]. Однако отдельные случаи сближения похожих по структуре терминов все же носят вторичный характер и не могут дать оснований для отождествления.

На русской почве тюркское *köl* 'озеро' отражается с мягкостью конечного согласного *куль*, а в *qol* последовательно отражается твердый согласный (*кул*); однако в составе прилагательных на *-ский* происходит нейтрализация противопоставления в мягком варианте: *кольский*, что создает почву для смешивания этих основ, как и на почве тюркских языков с утратой сингармонизма.

Если в [76. С. 65—68, 70] тюркские термины *qol* и *köl* рассматрива-

ются отдельно, то в [84. С. 109, 192—194] только ставится вопрос о генетической общности этих слов, причем более детальной разработке подвергнут термин *qol*. Следует отметить, что на этот вопрос ответ должен быть отрицательным.

Предпринято две попытки картографировать распространение термина *qol* (и *köl*) в составе топонимов. О. Т. Молчанова приложила карту топонимов на *-гол/-кол* в Южной Сибири и Монголии к [85] и впоследствии — к [76]. Независимо от О. Т. Молчановой и исходя из ошибочно предполагаемого генетического единства терминов *qol* и *köl*, распространение топонимов на *-кул(ь)/-гол* в Центральной Азии показал на специальной карте [82. С. 119] Е. М. Поспелов. К сожалению, составители обеих карт не привели картографируемого материала, что позволяет думать о его гетерогенности. Например, среди названий на *-кул* можно предполагать наличие географических названий от тюркских личных имен с компонентом *-qul* 'раб', не имеющим ничего общего с географическим термином *qol* 'долина реки'. Обе географически дополняющие друг друга карты не могут быть сопоставлены из-за различного подхода к материалу: более строгого у О. Т. Молчановой и менее дифференцированного у Е. М. Поспелова. Из карт можно извлечь лишь одну положительную информацию — свидетельство об отсутствии в монгольском регионе звука *к* и наличии там звука *г*, что и так известно из монгольской фонетики.

Начальную же часть гидронима *Оскол* можно отождествить с широкоизвестным названием ираноязычного народа алан *ас*, которое в русских источниках отражено как *яс-* (мн. число *ясы*, старинное *яси*, ед. число *ясинъ*). В русском языке перед (само)названием аланов *ас* появился протетический (приставной) согласный *й*:- *йас*=*ас*. Итальянский автор XV в. Иосафат Барбаро прямо указывал, что *ас* было самоназванием аланов, «которые на их собственном языке называются *ас*» [86. С. 115, 137]. Хорезмийский автор XI в. Бируни, опираясь, вероятно, на более ранние сведения, упоминал «род аланов и асов», живших где-то между Аральским и Каспийским морями [87. С. 876; 88].

Хотя речное название *Оскол* 'Ясская (аланская) река' указывает на бывшее проживание в бассейне этой реки восточноиранского народа *ясов* (*асов*), следует думать, что это название реке было дано не самими ясами-аланами, а их соседями — тюрками, поскольку географический термин *qol* 'река, долина' связан с тюркскими языками и на иранско-аланской почве не прослеживается [92]. Название реки по живущему в ее бассейне народу естественнее в устах соседей, чем в устах этого народа.

Следует обратить внимание на то, что в этническом названии *Яс(ы)* <*ас* перед гласным развился протетический согласный *й*:- *Йас(ы)*, а в гидрониме *Оскол* этого не произошло. Все объясняется разными фонетическими условиями: в этнониме *ас* гласный был под ударением (и поэтому долгий), он отразился на славянской почве как *а*, перед которым закономерно развился протетический *й*. В тюркском гидрониме **Аскол* безударный (и потому краткий) гласный *а* восточные славяне восприняли как *о*-, перед которым протетический согласный не развивался. Следовательно, слияние гидронима *Ас* + *кол* в одно слово имело место еще на тюркской почве.

Можно привести и другую параллель к фонетическому развитию безударного *а*->*о*:- не имеющее хороших параллелей русское название большого топора, секиры *оскорд* [34. С. 160—161] можно было бы вывести из сочетания **ас корд* 'ясский (аланский) корд — меч, нож'.

Некоторых замечаний требует и гласный второго слога. Как было

установлено при анализе сохранившихся форм топонима, там был гласный *о*, который не мог получиться в древнее время из тюркского *о*, ибо последний гласный был более закрытым и обычно передавался славянами как *у*. Вспомним, что такая огласовка отмечена и у рассматриваемого гидронима. Но как же тогда получилось *о* во втором слоге географического названия *Оскол*?

Вероятно, здесь виновато своеобразие фонетики тюркских языков, которые терпят гласный *о* только в начальном — первом слоге слова и избавляются от него в последующих слогах, превращая оказавшееся там *о* в *а* [94. С. 95; 95]. В русский язык тюркский гидроним *As-qol* попал в то время, когда переход *о* в *а* во втором слоге еще не закончился и звук *о* по степени его открытости приблизился к славянскому открытому *о*, но не совпал с *а*. Это изменение было вызвано слиянием двух составных частей словосочетания в единое (сложное по происхождению) сложное слово.

Для большей точности следовало бы отметить, что на тюркской почве сочетание этнического названия *as* 'алан(ы)' и географического термина *qol* 'река, долина' должно было бы образовывать особую определенительную конструкцию (изафет) с окончанием *-ы* при втором элементе: *As qoly* (*As qolu*) (*Ас колы*), но это окончание *-у(-ы)*, напоминавшее своим звучанием показатель нашего множественного числа, было утрачено. Таким образом получилась форма мужского рода *Оскóл* или, с подменой окончания, — редкая форма женского рода *Оскóла*.

Следы пребывания аланов в бассейне Оскола уже отмечались исследователями среди гидронимов в связи с названием левого притока Оскола *Созон*, восходящего, вероятно, к эндемичному, уже исчезнувшему гидрографическому термину *созон*, который объясняется с помощью осетинского *сæдзæн* 'топь, болото, топкое место' [96. С. 48; 97. С. 143—145; 98] и апелляции к алано-булгарской по своему характеру салтовомаяцкой культуре.

Пришедшие в ранее населенные аланами места тюрки называли реку по обитавшему здесь ираноязычному населению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Юденич О. М. По річках України. 3-е вид. Київ, 1968.

2 Любопытно отметить, что в документах противопоставление *Оскол* — *Осколец* иногда реализуется плеонастически: *Большой Оскол* — *Малый Осколец* (см., напр.: [3. С. 238]).

3 Акты Московского государства. Спб., 1890. Т. 1.

4 В. Н. Татищев хорошо знал эти названия, но в его «Лексиконе» один раз упоминаются также города *Верхней и Нижней Оскол* (см.: [5. С. 180]).

5 Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.

6 Словник гідронімів України. Київ, 1979.

7 Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Спб., 1908. Т. 2, стб. 540 (л. 192 об.).

8 В изданном отдельно под редакцией В. И. Буганова «Именном и географическом указателе к Ипатьевской летописи» (М., 1975. С. 78) загадочный *Въсколь* правильно отождествлен с *Ворсклой*, зато *Оскол* ошибочно назван притоком Дона (с. 96).

9 Русская историческая библиотека. Спб., 1898. Т. 18, стб. 859 (документ 1639 г.).

10 Именно на [9] ссылается А. И. Яценко [11. С. 69]. Аналогичная форма фигурирует и в капитальном труде [6. С. 404 — без точной документации].

11 Проблемы ономастики. Вологда, 1974.

12 Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские акты. Воронеж, 1887. Т. 1.

13 Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. 1.

14 Условия отпадения начального гласного *о*- подробно рассмотрены в [15. С. 283—310].

- 15 Чигагов В. К. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова *ружье*//Учен. зап. МГУ им. М. В. Ломоносова. 1952. Вып. 150.
- 16 Горбачевич К. С. Русские географические названия. М.; Л., 1965.
- 17 Несколько раньше то же самое высказал П. Н. Третьяков [18. С. 208]: «Оскол некогда назывался Росъ» со ссылкой на [19. С. 421]; в последнем ссылка на [20. С. 176]. Здесь первоисточник не называется.
- 18 Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- 19 Гедеонов С. Варяги и Русь: Историческое исследование. СПб., 1876. Ч. 2.
- 20 Narbutt T. Dzieje starożytne narodu Litewskiego. Wilno, 1835. T. 1.
- 21 Востоков А. Х. Задача любителям этимологии//С.-Петербург. вестн. СПб. 1812. № 2.
- 22 Максимович М. А. [23. С. 360] дает только список из четырех рек: *Ворск-олъ*, *Пес-олъ*, *Уг-олъ* и *Оск-олъ*. Несколько иной список названий на -л у А. Ф. Орлова [24. С. 11] — без Оскола: *Псел*, *Урал*, *Сал*, *Воргол*, *Царегол*, *Тилигул*, *Ингул*, *Квал*. Оскол упомянут отдельно на с. 85 (города и река).
- 23 Максимович М. А. Собрание сочинений. Киев, 1977. Т. 2.
- 24 Орлов А. Ф. Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907.
- 25 Бондарук Г. П. История формантного метода в топонимике//Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.
- 26 Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- 27 Франко З. Т. Граматична будова українських гідронімів. Київ, 1979.
- 28 Соболевский А. И. Новые русско-скифские этюды//Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. Л., 1926. Т. 31.
- 29 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2.
- 30 Слово впервые зафиксировано на основании одной и той же цитаты из Жития Александра Македонского по Хронографу XVI в. у А. Х. Востокова [31. С. 30]: «осколъ с [сущств.] м. [муж. р.]. утес? Жит. Александра Макед. а на десна горы высоки и велики стремнины и осколи». Несмотря на вопросительный знак у А. Х. Востокова, указание Ф. Миклошича на неясность значения у этого сомнительного слова [32. С. 517] и соображения А. Маденауэра [33. С. 169] о возможности приписать этому загадочному слову значения 'пещера, грот', 'ущелье, щель, расселина' (antrum, caverna, hiatus rupis, fauces montium) с опорой на старочешское skola 'apertura' 'отверстие, пролом', в издании словаря И. И. Срезневского *осколъ* толкуется на основании того же самого примера как ясное слово (без осторожного знака вопроса). Следовательно, этимологические соображения М. Р. Фасмера рушатся из-за неполной достоверности использованного материала.
- 31 Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1861. Т. 2.
- 32 Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Windobonae, 1862—1865.
- 33 Matzenauer A. Prispěvky ke slovanskému jazykozpytu//Listy filologické a paedagogické. Praha, 1885. Ročn. 12.
- 34 Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3.
- 35 Янко М. Т. Топонімічний словник-довідник Української РСР. Київ, 1973.
- 36 Прохоров В. А. Надпись на карте. Воронеж. 1977.
- 37 Потеня А. А. Этимологические заметки//Рус. филол. вестн. Варшава, 1881. Т. 6, № 4.
- 38 Ильинский Г. А. Славянские этимологии//Там же. 1915. Т. 23, вып. 2, № 2.
- 39 Это спор М. Р. Фасмера с самим собой, а не с Г. А. Ильинским.
- 40 Потеня А. А. Слово о полку Игореве (отдельный оттиск из «Филологических записок»). Воронеж, 1878; 2-е изд. Харьков, 1914 (с исправлением опечаток).
- 41 Vernadskij G. The Spali of Jordanis and the Spori of Procopius//Byzantion. Bruxelles, 1938. T. 13, fasc. 1.
- 42 Яценко А. И. Гидронимический словарь Посемья//Проблемы ономастики. Вологда, 1974.
- 43 Строго говоря, Оскол к Посемью не относится: это река бассейна Дона, хотя и начинается она в Курской области, которая большей частью относится к Посемью.
- 44 Иванов А. Новый Оскол//Города Белгородской области. Воронеж, 1973.
- 45 Ср.: [36. С. 17, 133—134], где критикуется этимология А. Иванова, а глагол приводится в точной форме *оскалять*.
- 46 Попов А. И. К вопросу о мордовской топонимике//Сов. финно-угроведение. Саранск, 1948. Т. 2.
- 47 Соображения А. И. Попова использованы при этимологизации гидронимов *Воргол*, *Воробжа* (*Ворожба*), *Ворскла* в [48. С. 223—224], но конечная часть последнего гидронима при этом не проанализирована.
- 48 Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- 49 Жучкевич В. А. Общая топонимика. 3-е изд. Минск, 1980.
- 50 Древнетюркский словарь. Л., 1969.

- 51 *Otin E. C.* Гідроніми Східної України. Київ; Донецьк, 1977.
- 52 Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. 1.
- 53 *Ramstedt G. J.* Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
- 54 *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- 55 *Houtsma M. Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
- 56 Переиздавший с издания М. Хаутсмэ этот памятник А. К. Курышжанов [57. С. 166] неверно огласовал арабское начертание как *қул* и ошибочно присоединил сюда слово *qol* из труда А. Зайончковского [58], где он неправильно понял как 'река' польский перевод *gęka*, *gamię*, обозначающий 'руку'.
- 57 *Курышжанов А. К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
- 58 *Zajaczkowski A.* Mamelucko-turecka wersja arabskiego traktatu o tuczniwiew z w. XIV//Rocznik orientalistyczny. Warszawa, 1956. Т. 20.
- 59 *Боровков А. К.* Лексика среднеазиатского тегсира XII—XIII вв. М., 1963.
- 60 *Фазылов Э. И.* Староузбекский язык. Ташкент, 1971. Т. 2.
- 61 *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1871. Т. 2.
- 62 *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1899. Т. 2.
- 63 Кумыско-русский словарь. М., 1969.
- 64 Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
- 65 *Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі.* Алматы, 1969.
- 66 *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- 67 Башкирско-русский словарь. М., 1958.
- 68 Словарь башкирских говоров. Уфа, 1970. Т. 2: Южный диалект. На башк. яз.
- 69 Татарско-русский словарь. М., 1966.
- 70 Толковый словарь татарского языка. Казань, 1979. Т. 2.
- 71 Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.
- 72 *Наджиб Э. Н.* Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
- 73 *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка. М., 1976.
- 74 *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.
- 75 *Clauson G.* An Etymological Dictionary of the Pre-Thirteenth-Centure Turkish. Oxford, 1972.
- 76 *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
- 77 *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение: Сравнительный словарь (b—K). М., 1971.
- 78 *Он же.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков//Этимология. 1965. М., 1967.
- 79 *Он же.* Соответствия смычных в ностратических языках//Этимология. 1966. М., 1968 (первоначальная реконструкция *g/Λw/1Λ была изменена на *go1HΛ).
- 80 *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
- 81 *Бертагаев Т. А.* О монгольских и бурятских гидронимах//Ономастика Востока. М., 1980.
- 82 *Поспелов Е. М.* Гидронимические ареалы Центральной Азии//Там же.
- 83 Здесь дана ссылка на [78. С. 352], где восстановлено ностратическое название озера *k/o1Λ на основе алтайского, уральского, дравидийского и семито-хамитского материала. Позже была предложена другая реконструкция *külä [77. С. 305—306], но обе эти реконструкции четко противопоставлены реконструкциям *g/Λw/1Λ и *go1HΛ для тюркского *qol*.
- 84 *Мурзаева Э. М.* Очерки топонимии. М., 1974.
- 85 *Молчанова О. Т.* Монгольский слой в топонимии Горно-Алтайской автономной области//Основы лингвистического анализа и методика преподавания языков в высшей школе. Ярославль, 1978. Вып. 3.
- 86 Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
- 87 *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 2, с. 866. Примеч. В. А. Ромодина.
- 88 Ср.: [89. С. 192—196; 90. С. 60]. Шесть лет спустя после завершения (в феврале 1981 г.) данной статьи мне стала известна (благодаря любезности учителя-краеведа А. Ф. Плотникова из с. Полатова Белгородской области) статья учителя истории из Волоконовки А. Г. Николаенко [91], где содержится мысль о происхождении гидронима *Оскол* из этнонима *ас* и гидрографического термина *кол* 'река', высказанная независимо от моей.
- 89 *Волин С. К.* истории древнего Хорезма//Вестн. древней истории. 1941. № 1.
- 90 *Оранский И. М.* Иранские языки. М., 1963.
- 91 *Николаенко А. Г.* Катит воды Оскол//Белгородская правда. 1981. 31 окт.
- 92 Осетинское *kul/kulə* 'глубокое место в реке', 'глубокая лужа', 'глубокая вода' считается тюркизмом, связанным с тюркским *köl* 'озеро'. См.: [93. С. 602].

⁹³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1.

⁹⁴ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

⁹⁵ Огласовка слова *top* 'одежда' в тюркских сложных словах *iç-top*, *qar-top* изменилась в *a*, отсюда тюркизмы русского языка *штаны* и *кафтан* (с некоторыми дополнительными фонетическими изменениями).

⁹⁶ Муромцев І. В. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Київ, 1966.

⁹⁷ Отин Е. С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона//Восточно-славянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1979.

⁹⁸ Иначе: [51. С. 129, 132, 138].

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Г. ГУЗЕВ, Р. Г. ПИОТРОВСКИЙ, А. М. ЩЕРБАК

О СОЗДАНИИ МАШИННОГО ФОНДА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Бурное развитие аппаратных средств (hardware), программного (software) и языкового (lingware) обеспечения современной вычислительной техники создает все более благоприятные условия для использования ЭВМ в целях хранения и быстрой переработки больших массивов лингвистической информации. Все растущие объемы памяти и высокое быстродействие не только больших ЭВМ, но и современных персональных компьютеров дает возможность хранить в машинной памяти и оперативно извлекать из нее для научно-исследовательских и дидактических целей самые разнообразные лингвистические данные — начиная с отдельных языковых единиц (грамматических морфем, лексем, словосочетаний) и кончая целыми контекстами, историко-этимологическими и сравнительно-сопоставительными справками [1; 2; 3. С. 25—36; 4. С. 61—68; 5; 6].

Эта ситуация создает заманчивую перспективу создания машинного фонда тюркских языков (МФТЯ), в котором были бы, с одной стороны, собраны и упорядочены в сравнительно-сопоставительном плане лексикографические, грамматические, статистико-стилистические, историко-этимологические сведения (с условием быстрого и простого доступа к ним), а с другой — заданы правила порождения и выдачи потребителю корректных лингвистических единиц конкретных тюркских языков.

Кстати сказать, относительная прозрачность морфологической структуры тюркских языков, представляющих классический тип агглютинации, способствует обнаружению на автоматизированных системах таких скрытых от прямого наблюдения фактов, которые важны и для частного, и для общего языкознания и которые невозможно извлечь машинным путем из материала языков иного типа, например, индоевропейских, кавказских или семитских.

Применение вычислительной техники в тюркологии имеет уже почти двадцатилетнюю традицию [8]. С помощью ЭВМ построены частотные, алфавитные и обратные словари публицистических, научно-технических и художественных текстов на казахском [11; 12], узбекском [13; 14], каракалпакском [15], киргизском [16. С. 90—97], азербайджанском [17. С. 5], турецком [18. С. 126—136] языках. Делались попытки описать с помощью ЭВМ орхоно-енисейские памятники [9. С. 23]. Реализованы на ЕС-ЭВМ алгоритмы анализа и синтеза тюркских словоформ [19. С. 49—50], создана экспериментальная система турецко-русского машинного перевода [20]. Вместе с тем в последние

годы интенсивно развивалась лексикографическая база тюркологии, — наряду с переводными словарями подавляющего числа тюркских языков были созданы или находятся в работе толковые, фразеологические, этимологические словари. В распоряжение науки поступили описательные и научные грамматики, обобщающие труды по сравнительной фонетике, морфологии и лексикологии.

Что касается технической базы, то самое простое решение — реализация МФТЯ на ЕС-ЭВМ III поколения. Эти машины имеются, как правило, в университетах, республиканских академиях и филиалах АН СССР. При этом для лингвистических подразделений (кафедр, отделов и секторов) можно было бы организовать доступ к фонду через индивидуальные терминалы. По мере поступления в научно-исследовательские институты и другие заинтересованные учреждения мощных персональных компьютеров типа ЕС 1841, 1842, 1845 и других (сейчас приобретение их лимитировано) отдельные блоки МФТЯ могут быть перенесены на персональные ЭВМ, и тогда лингвистический коллектив, располагающий таким компьютером, не будет зависеть от центрального вычислительного центра.

Итак, в настоящее время сформировались реальные теоретические, фактологические и аппаратно-технические предпосылки для разработки машинного фонда тюркских языков.

2. Подчеркивая актуальность и целесообразность создания МФТЯ, укажем сразу же на необходимость глубокого теоретического осмысления задач, стоящих в этой связи перед разработчиками фонда, причем не только перед тюркологами-лингвистами, но и перед лингвистами-алгоритмизаторами и программистами. Теоретическое осмысление необходимо в первую очередь для выбора восходящего или нисходящего принципа проектирования и разработки МФТЯ [21. С. 171—172].

Сущность первого подхода к построению сложных систем заключается в том, что сначала разрабатываются простейшие модули системы, которые объединяются в более крупные блоки, последние, в свою очередь, komponуются в подсистемы и т. д. Некоторые специалисты, опираясь на опыт лингвостатистических и инженерно-лингвистических исследований индоевропейских, тюркских, финно-угорских, японского и других языков, предлагают решать задачи построения машинных фондов с помощью восходящего подхода, начав построение фонда с решения на ЭВМ конкретных лексикографических, морфологических и даже фонологических и синтаксических задач, обеспечивающего накопление на машинных носителях определенной лингвистической информации вместе с программами преобразования элементарных языковых единиц в более сложные. Чем конкретнее задачи, тем, казалось бы, вероятнее использование ЭВМ для быстрого получения разного рода лингвистических данных. На следующем этапе конкретные результаты можно было бы обобщить и объединить в более крупные блоки информации, закладываемой в МФТЯ, а использованные для получения конкретной информации программы объединить в еще более крупные программные блоки.

К сожалению, опыт построения крупных систем (а к таким системам относится МФТЯ) выявил ряд серьезных недостатков в восходящем принципе. Основной из них состоит в постоянном появлении ситуации, при которой каждый модуль будущей системы хорошо работает в отдельности, при объединении же модулей в комплекс последний либо не работает совсем, либо дает неверные решения. Объясняется это обычно тем, что некоторые модули создаются на относительно ранних стадиях разработки системы, когда еще не выкристаллизовалась ее

общая схема, а другие разрабатываются на более поздних этапах, когда схема принимает окончательный вид, причем несколько иной, чем предполагалось на начальном этапе. Рассогласованность модулей обнаруживается чаще всего на заключительной фазе разработки системы, и она оказывается часто настолько серьезной, что приходится заново переделывать отдельные модули, а иногда и всю систему.

Из сказанного следует, что простое количественное накопление лексикографического материала на машинных носителях, а также простое суммирование автономных графемно-фонематических, лексико-семантических, этимологических, морфологических и даже синтаксических программ само по себе еще не образует машинного фонда языка (или родственных языков).

Обратимся теперь к альтернативному — нисходящему принципу построения сложных инженерно-лингвистических систем, по которому проектирование и программирование ведутся сверху вниз, так что взаимное соответствие общих задач и функций системы, а также состоятельность реализующих ее программ проверяются до перехода на более низкий уровень сложности, благодаря чему удается избежать опасности рассогласования модулей, характерного для восходящего подхода. Конкретные модули (в нашем случае — морфологические, лексические и прочие алгоритмы и программы) разрабатываются сверху вниз по сюжетам, идущим от верхних уровней системы. При этом вместо тех программ нижнего уровня, которые по тем или иным причинам не могут быть реализованы, используются алгоритмические или программные «заглушки». «Заглушки» могут не содержать ничего кроме входного и выходного операторов (т. е. общего задания) и сообщения об их реализации. По мере развития системы и появления новых лингвистических задач «заглушки» можно заменить реальными программами, реализующими эти задачи.

Таким образом, МФТЯ, как и любую другую сложную кибернетическую систему, целесообразнее строить по нисходящему принципу — начиная с изложения лингвистической концепции и связанных с ней перспектив реального использования фонда, а также определения аппаратно-технической базы и стратегии программирования. Без определения исходных позиций построение фонда может быть парализовано кризисом размерности, т. е. такой ситуацией, при которой нельзя будет физически реализовать необходимый объем лингвистических исследований и программистских работ. Не определив же стратегию построения фонда, легко прийти к неопределенности и даже к бесполезности конечных результатов.

Авторы настоящей статьи не располагают сведениями о перспективах развития аппаратно-технических баз и реальных программистских возможностях научно-исследовательских центров, способных взяться за реализацию замысла машинного фонда тюркских языков. Поэтому будут обсуждены две лингвистические, кажущиеся интересными, концепции МФТЯ.

Первая условно будет называться концепцией (стратегией) научного МФТЯ, вторая — стратегией многоцелевого МФТЯ. Кроме того, будут рассмотрены некоторые перспективы научного и практического использования МФТЯ.

3. Маловероятно, что в ближайшие пять-семь лет научные центры, занимающиеся тюркологической проблематикой, получают неограниченный доступ к современной вычислительной технике, производство как больших ЭВМ, так и персональных компьютеров пока не удовлетворяет всех потребностей народного хозяйства и науки. Нет также уве-

ренности в том, что тюркологические центры будут располагать достаточным числом высококвалифицированных программистов, готовых решать на современных ЭВМ весь круг лингвистических задач, предусматриваемых в расширенном варианте МФТЯ. Поэтому на нынешнем этапе исследования тюркских языков достаточно реалистичной и вполне осуществимой может оказаться стратегия создания научного машинного фонда тюркских языков (НМФТЯ). Такой фонд был бы максимально ограниченным и в наибольшей мере обеспечивал изучение процесса порождения грамматических форм тюркского слова.

4. В соответствии со сложившейся в тюркологии традицией научный МФТЯ должен включать в себя полный набор структурно-фонетических разновидностей односложного слова, не выходящих за пределы тех сочетаний и комбинаций звуков, которые устанавливаются для пратюркского состояния. Этот набор будет постоянным и неизменным, подвергающимся пересмотру лишь в зависимости от принципиальных сдвигов в теоретических воззрениях на фонологическую систему тюркского праязыка. Понятно, что выявление первичных типов односложного слова предполагает сравнительный анализ фонетики. Тюркологи уже располагают данными, полученными в результате компаративистских исследований, которые могут служить основой для построения более или менее надежных моделей пратюркского слова.

Согласно точке зрения, сформировавшейся при активном участии Ж. Дени [22. С. 226—231], в тюркском праязыке преобладали односложные слова. Появление подобной точки зрения не случайно, и она находит опору в фактическом материале, а также подтверждается всем ходом развития тюркских языков. Многие тюркские слова — односложные, причем отсутствуют какие-либо следы их первоначальной многосложности. Что же касается дву- и грехсложных слов, широко распространенных в настоящее время, то они состоят из односложных слов-корней или являются производными образованиями, включающими в себя морфологические элементы.

Для установления первичных типов односложного слова немаловажен вывод об отсутствии в тюркском праязыке фонологического противопоставления сильных (глухих) и слабых (звонких) согласных и о недопустимости в начальной позиции сонантов. Противопоставление несонанты/сонанты имело место только в конце слова, ср.: *sär 'сыпь, рассеивай' (азерб. sär)/*säř 'любви' (азерб. sev); *čar 'скачи; коси' (азерб. čar)/*čarř 'слава; молва' (азерб. čov); *taq 'присоедини, прицепи' (азерб. tax)/*ta:γ [23] 'гора' (азерб. daγ).

Количество односложных слов, различавшихся составом звуков или их комбинациями, не было значительным, и, как можно предположить, существовали дополнительные средства увеличения выразительных возможностей языка. Наиболее вероятное из них — просодическая оппозиция слогов (resp. односложных слов): вокально-вершинные—консонантно-вершинные [24. С. 281—289; 25. С. 487—495]. В современных тюркских языках она не сохранилась, тем не менее обнаруживаются своеобразные фонетические особенности, которые правомерно рассматривать как следы древнейшей полипросодии, в частности так называемая первичная долгота гласных.

О происхождении первичных долгих гласных высказывались разные мнения. В. В. Радлов и В. Грэнбек считали любые долгие гласные в тюркских языках результатом стяжения звуко сочетаний. Часть тюркологов и сейчас разделяет точку зрения В. В. Радлова и В. Грэнбека. Не без оснований отвергавший ее Е. Д. Поливанов объяснял появление «этимологической» долготы гласных влиянием звонкости последую-

щих согласных. Ю. Немец, Г. Рамстедт и Г. Дёрфер придавали большое значение особенностям древней акцентуации. Последняя точка зрения, на наш взгляд, предпочтительнее других, так как позволяет сопоставлять различные фонетические явления и устанавливать между ними связи, поддающиеся непротиворечивому толкованию. Весьма вероятно, что в эпоху преобладающего моносиллабизма и слоговой полипросодии долгие гласные развились в слогах (resp. односложных словах) с вершиной на вокалической части.

Некоторые трудности возникают в связи с расхождениями в интерпретации тюркского анлаута, когда начальный гласный предваряется протетическим звуком. Есть достаточные основания видеть в протетических звуках факультативную реализацию инкурсии и не учитывать их при моделировании первичных структурных типов односложного слова.

Не все ясно в отношении степени допустимости в конце односложного слова сочетаний согласных. Известно, что в тюркских языках в конечной позиции нередко выступают сочетания сонантов с шумными согласными (обратная последовательность—шумный+сонант—исключена), сочетания же шумных согласных с шумными немногочисленны и встречаются преимущественно в изобразительных словах. На вопрос о том, какие из них являются изначальными и какие образовались вследствие выпадения гласных или присоединения к слову морфологических элементов, трудно дать убедительный ответ: Ср.: др.-тюрк. *qıŋq* (?<*qıŋiq*) 'сорок', *art* (?<*ar+t*) 'спина; перевал', *ırk-* (?<*ırük-*) 'пугаться'.

Подводя итог обсуждению структурно-фонетических особенностей, сделаем общий вывод. В тюркском праязыке могут быть реконструированы следующие структурные типы односложного слова:

I. Г:, СГ: — при отсутствии в конечной позиции согласного возможна только вокально-вершинная разновидность слога, и, следовательно, в односложных словах данного типа допускались лишь долгие гласные. Состав согласных в анлауте ограничивался сильными (глухими) шумными (р, q, t, s, č).

II. ГС, Г:С, СГС, СГ:С — в конце слова возможны любые согласные: несонанты и сонанты.

III. ГСС, Г:СС, СГСС, СГ:СС — как уже указывалось выше, сочетания согласных в конечной позиции лимитированы, однако в целях полного охвата слов соответствующего структурного типа целесообразно включение в МФТЯ всех случаев СС (сонант+шумный).

Мы не исключаем возможности реконструкции первичных структурных типов односложного слова и в несколько ином виде, — исходя из концепции Е. Д. Поливанова о происхождении «этимологических» долгих гласных под влиянием последующих звонких согласных или с учетом гипотезы Г. Дёрфера о трехчленной количественной оппозиции гласных (гласные с одной просодической морой/гласные с двумя морями и ровной, или акутовой, интонацией/гласные с двумя морями и неровным, или циркумфлексным, движением тона) [26. С. 56—71]. Однако концепция Е. Д. Поливанова не кажется нам удачной. Достаточно сказать, что перед сонантами встречаются и долгие, и краткие гласные, а в слогах типа Г: и СГ: длительность гласных никак не может зависеть от качества согласных, поскольку согласных в конце слова в них вообще нет. Подробный разбор гипотезы Г. Дёрфера сделан в специальной статье А. М. Щербака [27. С. 52—55].

Итак, в научном МФТЯ лингвистико-информационная база должна включать всю информацию с возможных (допустимых) структурных типах односложного слова, различающихся как по распределению и сочетаемости звуков, так и в плане просодических характеристик. Одновременно система МФТЯ должна располагать набором подпрограмм порождения реальных тюркских односложных слов. Указанная информация будет иметь панхроническое универсальное значение для тюркских языков в целом, тогда как правила порождения более сложных лексических единиц, устанавливаемые на основе частных решений, применительны к определенному временному срезу каждого отдельного языка. Иными словами, содержащаяся в лингвистико-информационной базе фонда универсальная информация обеспечит большую результативность историко-лингвистических исследований, а алгоритмизированные правила порождения словоформ облегчат получение исчерпывающих сведений для лексико-морфологического материала конкретных тюркских языков. Последние заслуживают особого внимания, и для более полного представления об их содержании следует подробнее осветить лингвистическую сторону вопроса. Возьмем три языка: тувинский, турецкий и уйгурский. Для первого из них в указанных подпрограммах должны быть выделены односложные слова с переходом общетюркского *a* в *i*, а также отражены условия, в которых: а) выступают фарингализованные гласные; б) происходит спирализация или ослабление конечных сильных смычных; в) наблюдается ослабление сильных смычных в анлауте. Для второго существенны условия озвончения конечных глухих смычных, ср.: *at* 'лошадь'—*atī* 'его лошадь', *at* 'имя'—*adī* 'его имя'. Для третьего, т. е. для уйгурского, языка в подпрограммах порождения многосложных слов наиболее актуален учет условий, исключающих действие умлаута, ср.: *at* 'лошадь'—*eti* 'его лошадь', но *bāš* 'пять'—*bāši* 'пятеро из них', *γaz* 'гусь'—*γazi* 'его гусь', *qar* 'снег'—*qarī* 'его снег' [28. С. 22—23].

5. Помимо научных задач существуют и прикладные аспекты МФТЯ, приспособленные к нуждам работников издательств, радио, телевидения, деятелей театра, преподавателей, т. е. лиц, связанных с практическим использованием или преподаванием тюркских языков.

Для решения практических задач нужно создавать большой многоцелевой машинный фонд тюркских языков (ММФТЯ), который должен строиться (см.: п. 2), моделируя как общетюркскую языковую систему, так и систему каждого конкретного языка (функционирующего или мертвого, современного или древнего) со всеми ее инвентарными и структурными единицами, со всевозможными правилами знаковой репрезентации языковых единиц в речи, включая правила линейного развертывания речевых единиц. В ММФТЯ может быть включен в качестве одного из модулей описанный выше научный фонд.

ММФТЯ, если его удастся построить в течение ближайших десятилетий, будет представлять собой лингвистическую суперсистему, реализуемую в вычислительных комплексах большой мощности.

Поскольку любой язык, и особенно его лексика, подвержены постоянным изменениям, сведения о конкретной языковой системе или о каком-либо фрагменте ее, фиксируемые в памяти ЭВМ, должны с течением времени корректироваться, в частности, пополняться. Одна из привлекательных сторон планов создания ММФТЯ заключается в том, что дорогостоящую переработку и переиздание словарей, справочников и грамматик можно будет в той или иной мере заменить значительно более простым и дешевым оперативным введением инноваций в уже сформированные банки данных.

Рассмотрим отдельные блоки ММФТЯ.

5. 1. Коммуникативная функция языка реализуется в первую очередь с помощью лексики. Поэтому построение ММФТЯ имеет смысл начать с формирования лексического блока — в виде справочной лексикографической системы служебного пользования, которая включала бы орфографические, орфоэпические, толковые, терминологические, частотные, а также переводные (русско-тюркские, тюркско-русские) словари.

Составление перечисленных словарей должно вестись в рамках решения общей задачи формирования многоцелевого машинного лексикона тюркских языков и многоязычного русско-общетюркского переводного словаря [29]. Здесь, исходя из заданного в п. 2 нисходящего принципа построения сложных систем, должны строго выдерживаться единые правила организации словарной статьи, отбора и кодирования лексико-грамматического материала и, вероятно, унифицированные общетюркские орфографические «нормы».

Разумеется, создание общетюркского лексикона — чрезвычайно сложное дело. Пока остаются неясными многие лингвистические, инженерно-лингвистические и программистские аспекты такой работы. Неясно, например, какой будет роль лексикона в лексикографической обработке материалов отдельных тюркских языков, а также конкретных лексикологических исследованиях. Похоже, что размещение его, если словарные статьи будут содержать большие порции семантической, историко-этимологической и грамматической информации, потребует колоссальных объемов памяти — объемов, присущих компьютерам-супергигантам IV или даже V поколения.

5. 2. Грамматический блок ММФТЯ целесообразно строить в виде свода лексических и грамматических морфем, а также синтаксических схем-моделей, подчиняя построение общей архитектуре фонда.

Лексико-морфологический и синтаксический наборы по отдельным языкам должны включать:

1) лексические морфемы — носители классифицирующих общеграмматических (частеречных) значений; 2) служебные слова; 3) словоформы, воспроизводимые в готовом виде (ср.: тур. *umuyeşil*, *kırkızı* и т. д.); 4) словообразовательные и словоизменятельные морфемы с указанием их значений; 5) образцы словоизменения (таблицы и парадигмы); 6) правила последовательности словообразовательных и словоизменятельных морфем; 7) свойственные каждому языку синтаксические схемы, а также правила разворачивания простых синтаксических единиц в сложные.

Перечисленные наборы морфем и синтаксических схем по отдельным языкам должны быть объединены в общетюркский машинный грамматический тезаурус, при создании которого можно было бы использовать структуру научного МФТЯ (см.: п. 4).

Из всех грамматических преобразователей в тюркских языках наиболее поддающимися сведению в тезаурус являются аффиксы и аналитические показатели. С учетом этого обстоятельства создание грамматического тезауруса тюркских языков можно было бы начать с формирования свода аффиксов и аналитических показателей, который стал бы ядром такого тезауруса.

Грамматический блок ММФТЯ выглядит более компактным по сравнению с машинным лексиконом. Однако при его реализации, несомненно, появятся свои инженерно-лингвистические сложности. Дело в том, что в тюркских языках существенно различны проявления ассимиляции — диссимиляции, гармонии гласных, умлаута и т. д., чем обуслов-

лены отсутствие единых правил образования вариантов морфем и расхождения в их количестве. Например, если у аффикса множественного числа в узбекском языке — один вариант (-lar), то в киргизском — 12 (-lar ~ -ler ~ -lor ~ -lör ~ -dar ~ -der ~ -dor ~ -dör ~ -tar ~ -ter ~ -tor ~ -tör), в якутском языке — 16 (-lar ~ -ler ~ -lor ~ -lör ~ -dar ~ -der ~ -dor ~ -dör ~ -tar ~ -ter ~ -tor ~ -tör ~ -nar ~ -ner ~ -nor ~ -nör). У аффикса винительного падежа в узбекском литературном языке — один вариант (-ni), в каримском — 4 (-nī ~ -ni ~ -nu ~ -nü), в якутском — 8 (-nī ~ -ni ~ -nu ~ -nü ~ -ī ~ -i ~ -u ~ -ü), в говорах узбекского языка — более 10 (-ni ~ -ri ~ -ti ~ -di ~ -si ~ -zi...). Аффикс исходного падежа представлен в совокупности не менее чем тридцатью вариантами.

Вариативность тюркских аффиксов, хотя и ведет к расширению лингвистико-информационной базы ММФТЯ и к некоторой перегрузке памяти используемых в настоящее время ЭВМ III поколения и пригодных для решения лингвистических задач персональных компьютеров, все же не представит больших трудностей при программировании системы.

Сложнее обстоит дело с двумя другими особенностями тюркского грамматического блока.

Во-первых, чрезмерная вариативность морфем обуславливает увеличение омонимичности, становящейся основной причиной отождествления исконно различных морфологических показателей, ср.: аффикс винительного падежа и разновидности аффикса родительного падежа в узбекском языке (-ni), аффиксы винительного и родительного падежей в кумыкском (-nī ~ -ni ~ -nu ~ -nü), аффиксы винительного и дательного падежей в чувашском (-па ~ -пе ~ -а ~ -е).

Для различения в тексте омонимичных значений указанных аффиксов придется создавать сложные нестандартные программы.

Во-вторых, обращает на себя внимание то, что в одних тюркских языках основа фонетически неизменна, в других неизменность ее относительна, в третьих — весьма условна, ср.: азерб. *buḡun*, кирг. *tuḡun*, шор. *purdu* 'нос' — азерб. *buḡni*, кирг. *murdu*, шор. *purduzu* 'его нос'; кар., туркм. *unut* 'забудь' — кар. *unutup*, туркм. *unudup* 'забыв'; тур. *aḡız*, хак. *o:s*, тув. *a:s* 'рот' — гур. *aḡzi*, хак. *axsi*, тув. *aksī* 'его рот'. Иначе говоря, в рамках агглютинативной морфологии активно протекают процессы (ср.: п. 5. 3), которые в общем не противоречат основополагающим чертам данного морфологического типа и все же отчасти противоположны ему, являясь как бы переходными к иному морфологическому типу.

Алгоритмизация, а затем программирование фузионной техники, и особенно внутренней флексии, как известно, достаточно сложны. В том случае, когда фузионные чередования захватывают конец основы или слова, используется прием создания «машинных» основ. Например, в азерб. *buḡun*—*buḡni* можно выделить машинную основу *buḡ-*, а остатки *-un-*, *-ni-* рассматривать как псевдоаффиксы. Этим путем фузионная схема образования слова искусственно преобразуется в агглютинативную [30. С. 245—247, 251—258; 31. С. 260—276]. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда чередования изменяют облик основы в целом (ср.: хак. *o:s*—*axsi*). Здесь для одного слова нужно будет указывать в лингвистико-информационной базе фонда две основы. Аналогичные инженерно-лингвистические затруднения возникнут и при реализации научного МФТЯ (см.: п. 4).

5. 3. Наиболее компактными в МФТЯ оказываются фонологический и морфонологический блоки.

Фонологический блок должен включать фонемный состав (в транскрипционной записи) отдельных языков, словесное описание совокупности всех дифференциальных признаков каждой фонемы (т. е. ее «фонологическое содержание» — Н. С. Трубецкой), распределение дифференциальных признаков по группам фонем, особенности дистрибуции фонем. Кроме того, как программа-максимум в него должен входить перечень вариантов, в которых воплощается фонема.

Сведение воедино фонологических описаний различных тюркских языков и возможность оперативного сопоставления содержащихся в них данных откроют широкие возможности для сравнительно-фонологических исследований.

Морфофонологический блок должен содержать следующую информацию:

1) данные о типах фонемного строения языковых единиц: основ, формантов, особенности фонемного строения, свойственного отдельным классам слов (например, изобразительным словам);

2) сведения о действительных для данного языка законах сингармонизма, а также об ассимиляции, оглушении и озвончении согласных;

3) сведения об ударении в основах и словоформах.

Сопоставление морфофонологических описаний по различным тюркским языкам поможет вскрыть как глубинные общие черты тюркской морфофонологии, так и специфические свойства отдельных языков.

6. Мы отдаем себе отчет в том, что в настоящее время, когда инженерное тюркское языкознание делает первые шаги, когда в большинстве тюркологических центров еще отсутствует машинная база, разработка идей о машинном фонде тюркских языков носит несколько отвлеченный характер. Поэтому высказываемые нами соображения выносятся на обсуждение тюркологов не как законченная система взглядов, а лишь как попытка осмыслить пути и способы практической реализации возможностей использования ЭВМ при изучении, описании и нормализации тюркских языков.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Alieni M.* Spogli elettronici dell'italiano delle Origini e del Duecento, I: Grafia, I: Prose Fiorentine. Bologna, 1976.

² *Wisbey R. A.* (General Editor). Computer-generated aids to literary and linguistic research. Leeds, 1968—1979. Vol. 1—9.

³ *Johansson S.* The LOB corpus of British English texts: Presentation and comments//ALLC Journal. 1980. Vol. 1, № 1.

⁴ *Martin W., van Sterkenburg B. A. L. P.* Text-processing and lexicographical information — a state of the art//ALLC Journal. 1981. Vol. 2, № 2.

⁵ Lexicography in the electronic age. Proceeding of a Symposium. Luxembourg, 7—9 July, 1981//Commission of the European Communities, 1982.

⁶ В этом плане примечателен имеющийся в нашем распоряжении опыт машинной обработки средневекового тюркского текста «Кысас ал-анбия» Рабгузи. См.: [7].

⁷ *Dumme van M., Beoschoten H., Braam H.* Editing and linguistic analysis of a medieval Turkic text with the aid of computer facilities.

⁸ Подробное описание принципов применения вычислительной техники и методов инженерной лингвистики к тюркскому материалу см. в работах [9; 10].

⁹ *Бектаев К. Б.* Статистико-информационная типология тюркского текста. Алма-Ата, 1978.

¹⁰ *Мухамедов С. А., Пиотровский Р. Г.* Инженерная лингвистика и опыт системно-статистического исследования узбекских текстов. Ташкент, 1986.

¹¹ *Джубанов А. Х.* Статистическое исследование казахского текста с применением ЭВМ: (На материале романа М. Ауэзова «Абай жолы»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.

¹² *Молдабеков К.* Лингвостатистические исследования казахских текстов для

младших школьников: (На материале текстов учебников начальных классов и литературы для детей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985.

¹³ Мухамедов С. А. Статистический анализ лексико-морфологической структуры узбекских газетных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1980.

¹⁴ Мусаходжаев С. У. Лингвостатистический анализ узбекского научно-технического текста и терминологии подъязыка электротехники и электроники: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1986.

¹⁵ Айымбетов М. К. Опыт лингвостатистического анализа лексики и морфологии каракалпакского публицистического текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1987.

¹⁶ Садыков Т. К исследованию количественно-лингвистической структуры киргизского текста на ЭВМ: О частотном словаре «Манаса»//Изв. АН КиргССР. 1979. № 3.

¹⁷ Махмудов М. А. Разработка системы формального морфологического анализа тюркской словоформы: (На материале азербайджанского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1982.

¹⁸ Бабанаров А. Частотный словник и автоматический словарь для машинного перевода турецких газетных текстов//Инженерная лингвистика и оптимизация преподавания иностранных языков: Сб. науч. работ. Л., 1980.

¹⁹ Махмудов М. А., Пиотровская А. А., Садыков Т. Система машинного анализа и синтеза тюркской словоформы//Переработка текста методами инженерной лингвистики: Тез. докл. конф. Минск, 1982.

²⁰ Бабанаров А. Разработка принципов построения словарного обеспечения турецко-русского машинного перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.

²¹ Пиотровский Р. Г., Беляева Л. Н., Попескул А. Н., Шингарева Е. А. Двухязычное аннотирование и реферирование//Итоги науки и техники. Сер. Информатика. М., 1983. Т. 7: Автоматизация индексирования и реферирования документов.

²² Deny J. Rôle de l'harmonie vocalique dans la formation des mots turcs//XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti. Roma, 1938.

²³ Двоеточие — знак долготы.

²⁴ Щербак А. М. Опыт реконструкции слоговых акцентов в тюркском языке//Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981.

²⁵ Şerhak A. M. Sur un problème de la phonétique historique turque//Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata. Istituto Universitario Orientale. Seminario di Studi Asiatici. Ser. Minor. Napoli. 1982. Vol. 19.

²⁶ Дёрфер Г. О трех количественных градациях гласных в тюркских языках//Сов. тюркология. 1976. № 4.

²⁷ Щербак А. М. Является ли количественная оппозиция гласных в халаджском языке трехчленной?//Сов. тюркология. 1977. № 1.

²⁸ Садуакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970.

²⁹ Вопросы тюркско-русского и русско-тюркского взаимодействия в ММФТЯ не должны выходить за рамки словарной работы. В условиях языковой ситуации, сложившейся в СССР, создание систем машинного перевода с тюркских языков нашей страны на русский и наоборот не актуально. Что же касается задачи построения турецко-русского и русско-турецкого МП, то она находится за пределами проблематики МФТЯ.

³⁰ Зореф М. Г. Машинная морфология и ее применение в немецко-русском автоматическом словаре//Статистика речи и автоматический анализ текста. 1972. Л., 1973.

³¹ Пиотровская А. А. Машинная морфология русского глагола//Там же.

М. Г. МАМЕДОВА

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ И КОРРЕКЦИЯ ТЕРМИНО- ЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ ЛИНГ- ВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

1. Системный подход к рассмотрению лексики

В настоящей статье под системой понимается комплекс взаимосвязанных, взаимодействующих элементов. С этой точки зрения лексику определенной предметной области можно рассматривать как систему, элементами которой являются слова (и их значения), а связь между элементами представлена отношениями между словами.

Системный подход к изучению лексики (в частности научно-технической терминологии) позволяет выявить и проанализировать структурные и логические связи между ее компонентами (словами). Формальное описание системы дает возможность определить количественные параметры лексики, характеризующие свойства как отдельного слова лексической системы (ЛС) языка, так и лексической системы в целом. Это, в свою очередь, позволяет применять ЭВМ для получения системных параметров лексики, определяющих ряд важнейших аспектов плана содержания лексики, т. е. совокупности лексических единиц (слов) и семантических отношений. Естественно считать, что если два предмета объективной действительности связаны некоторым отношением, то соответствующие им слова в плане содержания языка также связаны определенным семантическим отношением [1].

Системный подход к лексике дает возможность применять для ее исследования методы моделирования. Моделирование терминологических лексико-семантических систем (в частности научно-технической терминологии) позволяет систематизировать, упорядочить их, решить ряд теоретических и прикладных задач по анализу и коррекции толковых и терминологических словарей.

Внедрение ЭВМ обеспечило возможность построения аналогов и исследования сложных систем и процессов, включающих огромное число элементов. Таковыми являются и языковые системы (в частности толковые и терминологические словари). Связь между терминами (словами) в лексико-семантической системе (ЛСС) можно обнаружить через смысл, ибо смысл термина — это система его связей с другими терминами и словами языка. В формировании смысловой системы терминологии важнейшую роль играют дефиниции соответствующих терминов, которые, устанавливая границы значения термина и фиксируя его семантические связи с другими, задают парадигматику всей терминосистемы исследуемой предметной области. Тогда можно считать, что значения слов, привлеченных для определения некоторого слова в словаре, явля-

ются семантическими составляющими последнего. Два термина семантически связаны между собой, если один из них выступает в качестве семантического компонента другого или если их лексические значения имеют общую составляющую. Значит, любая ЛСС (терминологическая система) представляет собой прежде всего семантическую систему.

Таким образом, моделирование языковых систем—это фактически моделирование системы семантических связей в лексике, предполагающее выполнение двух основных операций: выявление семантических связей между словами и их представление в той или иной форме.

2. Анализ толковых и терминологических словарей

Объектом нашего исследования являются толковые и терминологические словари, причем рассматриваются как упорядоченные, так и неупорядоченные словари.

Терминологические словари, как правило, в целом достаточно адекватно описывают семантическую систему языка и успешно используются в качестве лингвистического инструмента. Однако при разграничении и толковании значений слов в словаре не всегда удается избежать отдельных неточностей, непоследовательности, субъективизма, что является естественным результатом анализа большого объема лексики (словаря): дело в том, что терминолог не может наглядно представить себе связи между большой группой семантически связанных слов. Встречаются логические ошибки в определениях, проявляющиеся в виде замкнутых циклов (круга). Простейший случай, когда W_1 определяется через W_2 , а W_2 —через W_1 , терминолог может обнаружить, но случай, когда взаимно определяющие слова являются не непосредственными, а опосредованными компонентами друг друга и разделяются цепочкой других слов, т. е. W_1 определяется через W_2 , W_2 через W_3 и, наконец, W_k —через W_1 , практически невозможно обнаружить. Если считать, что в составе каждого определения имеется только по два термина, то это означает, что для выявления круга необходимо сопоставить с анализируемым термином $2(n-1)$ терминов, всего произвести $2n \cdot 2(n-1)$ переборов (в наших материалах имеются случаи, когда $n=405$). Можно отметить, например, употребление в определениях выражений, нуждающихся в дополнительном толковании, определение понятия через само понятие и т. д.

Мы исходим из предположения, что терминология определенной области знания представляет собой систему, где между любыми двумя терминами существует связь (непосредственная или опосредованная). Нарушение ее, в связи с ростом объема рассматриваемого словаря, без применения ЭВМ обнаружить трудно.

Научно-техническая терминология, как и любая лексическая система, может быть оценена с помощью различных количественных характеристик или параметров, анализ которых позволяет сделать определенные выводы о качестве терминологического словаря.

Использование при этом ЭВМ обеспечивает максимальную автоматизацию трудоемких операций по составлению, анализу и коррекции терминологических словарей, таких, например, как структурирование или организация словаря, проверка лексико-семантической системы (словаря) на целостность, выявление определений по кругу, вычисление количественных характеристик терминологии для объективного отбора лексики в словник словаря и т. п. Для решения этой задачи разработана автоматизированная система анализа терминологии, описание которой приводится в п. 3.

Семантическая сеть как модель словаря

В качестве модели терминологического словаря нами выбрана семантическая сеть, под которой здесь понимается граф система объектов произвольной природы (вершин) и связок (ребер), соединяющих некоторые пары этих объектов — вершины которого сопоставлены с лексическими значениями слов, а ребра — с семантическим парадигматическим отношением между словами. Выбор семантической сети в качестве модели словаря обусловлен тем, что она позволяет представить явные семантические связи между словами (в виде ребер или цепочек ребер), независимо от того, явно или неявно выражены эти связи в словаре языка. Может быть обеспечено взаимно-однозначное соответствие между словами и семантическими связями, с одной стороны, и вершинами, и ребрами сети — с другой. Изображение системы семантических связей в форме графа позволяет количественно оценивать этот граф и его элементы и тем самым — соответствующие семантические свойства лексики в целом и ее компонентов. Экспликация системы семантических связей и семантической структуры лексики (в частности терминологии) в форме семантической сети дает возможность измерить многие системные свойства лексики (степень ее семантической связности, структурную сложность, компонентный состав элементов и т. д.) [1].

При построении семантической сети словаря принята следующая методика. Ребро графа сопоставлено с отношением непосредственной семантической производности, т. е. с отношением между словом и его непосредственным семантическим компонентом (или обратным — между словом и его непосредственным семантическим дериватом). Считается, что слово, участвующее в определении другого слова, является непосредственным семантическим компонентом последнего. Таким образом, если одно слово входит в состав определения другого, то соответствующие вершины соединены дугой, направленной из первой вершины во вторую. Такой упрощенный критерий обеспечивает возможность автоматического построения семантической сети.

Семантически связанными считаются слова, имеющие отношение непосредственной или опосредованной производности, а также слова с общим семантическим компонентом.

Теоретические и экспериментальные исследования показали, что сетевые параметры лексики в своей совокупности дают полную и объективную характеристику ряда важнейших аспектов плана содержания лексики. Кроме того, сетевая модель позволяет поставить на объективную основу, а во многих случаях и формализовать ряд операций над лексикой — как исследовательские процедуры, так и практические приемы работы со словарем. Здесь имеются в виду, прежде всего, такие операции, как структурирование лексики (выделение объективно существующих лексических группировок и установление нерархических и иных отношений между ними), ее ранжирование (распределение слов и словосочетаний в соответствии с их «весом» в рассматриваемой лексико-семантической системе).

Если семантическая сеть строится на основании лексикографических источников, т. е. если состав лексики, значения слов (терминов) [2] и семантические связи между ними принимаются такими, какими они зафиксированы в словаре, то сетевые параметры лексики, с одной стороны, описывают данную лексико-семантическую систему как объективную реальность, а с другой — характеризуют и адекватность отображения этой системы. Изучение сетевых параметров, полученных для того или иного словаря, позволяет в известной мере судить о корректности фик-

сации рассматриваемой лексико-семантической системы в данном словаре (об удачном отборе лексики, о полноте и точности определений и т. д.).

Системные характеристики лексики

Рассмотрим некоторые системные характеристики [3] лексики (параметры, показатели), предложенные Э. Ф. Скороходько [1] и используемые в настоящей статье.

Одним из важнейших параметров словаря является семантическая связность, характеризующая семантическую монолитность лексико-семантической системы, представленной в словаре.

Терминология определенной (не слишком обширной) области знания, будучи системой, должна обладать целостностью. Это означает, в свою очередь, отсутствие в терминологии изолированных терминов и групп терминов. Иными словами, все термины в системе должны быть прямо или опосредованно связаны друг с другом по смыслу. Сетевое представление терминологии позволяет легко обнаружить подобное нарушение связности и выделить изолированные (не связанные семантически с остальной терминологией) термины и группы терминов. Нарушение связности свидетельствует о той или иной некорректности в представлении соответствующей лексико-семантической системы (терминологии) в словаре, т. е. в сфере фиксации. Причинами могут быть:

1. Неполнота представления терминологии — в словаре отсутствуют термины, в действительности принадлежащие данной терминологии и являющиеся связующими звеньями между изолированными терминами и остальной терминологией.

2. Неточность представления терминологии — изолированные термины не принадлежат данной терминологии.

3. Неполнота определений — в дефинициях отсутствуют указания на принадлежность изолированного термина данной терминологии.

Важнейшим параметром слова как единицы лексико-семантической системы является его системный вес — величина, определяемая числом непосредственных семантических парадигматических связей слова в рассматриваемой ЛСС. Системный вес характеризует степень важности (значимости) слова и позволяет количественно оценить ее и соответственно роль каждого отдельного термина в лексико-семантической системе. Поэтому необходимо рассмотреть системный вес слова (наряду с его частотностью) в качестве основного критерия отбора лексики при составлении словника не только толкового и терминологического словарей, но и любого другого (машинного словаря для автоматизированных информационных систем, двуязычного словаря и т. п.) [4].

Большое значение имеет получение качественных и количественных параметров, характеризующих степень информационного влияния каждой вершины (термина) на сеть в целом, т. к. каждая оцениваемая вершина, помимо непосредственных, обладает еще целым рядом косвенных (опосредованных) связей с вершинами, прямо с ней связанными. В этом плане одним из параметров, характеризующих словарь, может явиться порядок слова, отражающий число «шагов», сводящее его значение к элементарным лексическим единицам. В другой интерпретации порядок слова характеризует степень семантической удаленности исследуемого термина от исходных слов.

Как показывает анализ ЛСС, между порядками слов и степенью обобщенности их значений существует обратная зависимость: как правило, термины с более общим (широким) значением имеют наименьший

порядок, а термины с конкретным (узким) значением — большой. Таким образом, порядок слова позволяет оценивать степень обобщенности его значения, а это дает возможность использовать данный параметр для ранжирования ЛСС по степени обобщенности входящих в нее лексических единиц и, в зависимости от величины степени обобщенности, принять решение о включении (невключении) данной лексической единицы (ЛЕ) в словарь.

Анализ толковых и терминологических словарей с использованием их сетевого моделирования проводится по следующей методике:

1) система семантических связей в том виде, как она отражена в анализируемом словаре, представляется в форме семантической сети;

2) на основе анализа сети выявляются некоторые ошибки в определениях (тавтология, несогласованность и т. п.);

3) по сети определяются семантические параметры лексики (связность, порядок и др.).

Анализ полученных параметров (и их отклонений от ожидаемых значений) дает основание сделать некоторые выводы о том, насколько адекватно анализируемый словарь отражает объективно существующую систему семантических связей [1].

3. Автоматизированная система анализа терминологии

С целью автоматизированного анализа семантической сети словаря нами разработана автоматизированная система анализа терминологии (АСАТ). АСАТ представляет собой комплекс алгоритмов и программ, образующих единую систему, осуществляющих построение семантической сети словаря, ее анализ, вычисление ряда количественных характеристик терминологии, позволяющих извлечь максимум сведений о лексическом составе исследуемой терминологии, семантических группировках слов, семантических связях и т. д.

Назначение АСАТ — сетевое моделирование прежде всего терминологической лексики, анализ терминологических лексико-семантических систем и их коррекция.

Анализ сетевой модели лексики и вычисление перечисленных семантических параметров (в частности той или иной терминологии) позволяет решать ряд теоретических и прикладных задач.

1. Ранжирование (распределение) терминов (слов и словосочетаний) в соответствии с их «весом» в лексико-семантической системе (критерием отбора здесь является главным образом системный вес).

2. Установление границ лексико-семантической системы (критерии основаны на системном весе, анализе нарушений связности и т. д.).

3. Проверка корректности словарных определений (критерии основаны в основном на анализе нарушений связности).

4. Структурирование ЛСС (словаря), т. е. выделение объективно существующих лексических группировок и установление иерархических и иных отношений между ними.

5. Типологические исследования лексики.

6. Коррекция толковых и терминологических словарей.

Под коррекцией толковых и терминологических словарей понимаются следующие операции:

1) исправление состава словаря, в свою очередь включающее:

— пополнение словаря терминами, относящимися к данной терминологии, но не входившими ранее в словарь;

— исключение из словаря терминов, не принадлежавших данной терминологии;

— «выравнивание» границ словаря, т. е. уточнение состава периферийной лексики с тем, чтобы при равной силе связи терминов с ядром терминологии все они либо включались, либо не включались в словарь;

2) изменение определений терминов;

3) уточнение (или установление) структуры словаря;

4) устранение некоторых формально-логических ошибок, прежде всего определения по кругу.

АСАТ выполняет следующие функции:

1) классифицирование лексики по ряду признаков;

2) формирование некоторых лексических группировок;

3) вычисление системных параметров слов;

4) вычисление системных параметров словаря.

В качестве исходной информации принимаются термины с дефинициями. Слова, рассматриваемые как непосредственные семантические компоненты определяемого слова, выделяются в составе дефиниций вручную. Остальные операции осуществляются автоматически.

1. Лексика классифицируется, прежде всего, по позиции слова в деривационной цепочке, где каждая пара элементов находится в отношении непосредственной семантической производности. Различаются слова, занимающие начальную, срединную и конечную позиции в деривационной цепочке. В соответствии с этим формируются три списка — исходных, промежуточных и терминальных слов. К исходным относятся слова, не имеющие семантических компонентов в рамках данного словаря (ЛСС), к терминальным — слова, имеющие в данной ЛСС как семантические компоненты, так и семантические производные.

Удельный вес исходных и терминальных значений, соотношение между их числом в лексической системе характеризуют семантическую производность лексики в целом или ее фрагмента, степень использования «простых» и «сложных» значений.

Кроме того, лексика классифицируется по признаку связности. Проверяется наличие семантической связи между всеми элементами анализируемой лексико-семантической системы. В случае, если какое-либо отдельное слово или отдельная группа слов не связаны с остальным корпусом лексики отношением непосредственной или опосредованной производности, фиксируется нарушение семантической связности. В соответствии с этим формируются (в общем случае) три списка: слов, образующих основной связный компонент ЛСС; слов, образующих изолированные группы (связные компоненты меньшего объема, изолированные от основного компонента); изолированных слов (не имеющих в данной системе ни семантических компонентов, ни семантических производных).

2. Система вырабатывает некоторые вспомогательные списки слов, дающие информацию, необходимую для анализа семантики элементов системы, их роли и т. д.

Для каждого исходного и промежуточного слова указываются его непосредственные производные, для каждого исходного слова — все деривационные цепочки, начинающиеся этим словом, а также группы их зависимости. Под группой зависимости слова понимается множество слов, каждое из которых является непосредственным или опосредованным производным данного слова. Иными словами, группа зависимости представляет собой объединение всех деривационных цепочек слова.

Для полноты картины для каждого промежуточного и терминального слова, наряду с другими данными, указываются также его непосредственные компоненты, т. е. исходная информация.

Кроме того, система позволяет выявить круг в определении.

3. Система вычисляет следующие параметры слов:

— системный вес слова — число непосредственных семантических связей слова в рассматриваемой ЛСС, а именно:

- а) число непосредственных семантических компонентов слова;
- б) число непосредственных семантических дериватов слова;
- в) число непосредственных семантических компонентов и непосредственных семантических дериватов слова, вместе взятых;

— порядок слова — число слов в максимальной по длине деривационной цепочке, первым звеном которой является исходное слово, а последним — его непосредственный семантический компонент;

— для каждого исходного и промежуточного слова — число его непосредственных семантических производных;

— для каждого промежуточного и терминального слова — число его непосредственных семантических компонентов.

4. Система вычисляет следующие параметры лексико-семантической системы: семантическую связность лексики; число исходных, промежуточных и терминальных слов; общее число производных (промежуточных и терминальных) слов; число изолированных слов; удельный вес исходных и терминальных слов; деривационную активность лексики, т. е. соотношение числа исходных и терминальных значений в лексической системе; максимальный порядок лексической системы (длина наибольшей деривационной цепочки) и средний порядок лексики.

Машинная реализация АСАТ

Для представления сетевой модели словаря в памяти ЭВМ нами использовано представление семантической сети в виде матрицы смежности размером $n \times n$, заполненной нулями и единицами, где n — число слов в ЛСС (словаре), т. е. количество вершин сети. Такой выбор основывается на интерпретации семантической сети как графа, в котором термины ЛСС представлены вершинами, а семантические отношения — дугами. Подобное представление позволяет сравнительно легко выделить основные группы слов в лексике, т. е. провести классификацию слов, на которой базируется исследование семантической сети ЛСС. В частности, классификация слов по их позиции в деривационных цепочках дает возможность разграничить лексику по признаку связности, вычислить системные параметры слов и словаря, выдать все деривационные цепочки и т. д. Подробно принципы классификации слов в ЛСС (словаре) с помощью матрицы смежности рассмотрены в работе [5. С. 9—18].

Так как матрица смежности заполняется с предположением, что в определения терминов входят максимально двадцать составляющих, то каждая строка содержит не более двадцати ненулевых элементов. Рассматриваемая матрица имеет размерность $n \times n$, где n — число слов в ЛСС, и в принципе может принимать любое большое значение. Поэтому считаем, что количество ее элементов имеет порядок n , т. е. фактически построенная таким образом матрица смежности представляет собой целочисленную разреженную матрицу [6]. У нее есть существенный недостаток, — она занимает память объема n^2 даже тогда, когда граф (сеть) содержит только n ребер. К тому же заполнение матрицы смежности требует значительного количества машинного времени. Поэтому нами выбрана форма хранения матрицы смежности в упакованном виде. С этой целью используется представление семантической сети в памяти ЭВМ в виде двух «матричных» массивов начал и концов дуг сети. Оно имеет преимущество по сравнению с другими методами в плане быстродействия и простоты реализации ряда алгоритмов анализа сете-

вой модели. Во-первых, такая форма позволяет хранить и обрабатывать в оперативной памяти ЭВМ матрицы больших размерностей, чем при обычном хранении; во-вторых, существенно экономится время, благодаря тому, что программой предусматривается исключение тривиальных операций — вычисления с нулевыми элементами матрицы опускаются; в-третьих, достигается существенная экономия памяти за счет упакованной формы записи «матричных» массивов, содержащих только нетривиальные элементы. При этом объем используемой памяти сокращается по сравнению с обычным методом представления матриц в $1/2k^\circ$ раз, где k° — коэффициент заполнения матрицы.

Матрица смежности строится следующим образом: строкам и столбцам однозначно соответствуют термины естественного языка (ЕЯ), т. е. по диагонали расположены элементы с одинаковым названием, причем элементы главной диагонали матрицы должны равняться нулю, что означает исключение связи вершины с нею самой (исключаются петли-дуги, начальные и конечные вершины которых совпадают).

Матрица заполняется по столбцам, а именно: для каждого элемента столбца рассматривается его определение, и в соответствующие строки записывается единица. Если какое-либо слово не имеет определения (например, является исходным словом), то соответствующий ему столбец заполняется нулями. Построенная таким образом матрица полностью определяет структуру сети.

Функционирование автоматизированной системы анализа терминологии

Исходным материалом для функционирования автоматизированной системы анализа терминологии являются дефиниции терминов. Предварительная неалгоритмизуемая процедура индексирования дефиниций терминов заключается в том, что из них удаляются незначащие слова, каждое определяемое слово представляется набором ключевых слов (КС), рассматриваемых в качестве непосредственных семантических компонентов. КС используются как смысловыражающие единицы словаря. Все слова приводятся к их канонической форме, т. е. записываются в виде существительных в единственном числе, именительном падеже. Форма множественного числа используется в том случае, если термин не имеет единственного числа. В словарь включены также термины-словосочетания — термины, состоящие из двух и более слов. Словосочетания включаются в словарь в том случае, когда они выражают специфические понятия данной предметной области. Если в двух дефинициях встречаются синонимы, то они заменяются одним из них. Полисемия (многозначность) устраняется благодаря тому, что в каждом конкретном случае ее проявления за данным понятием закрепляется четко определенный смысл, который указывается в скобках рядом с этим членом. Таким же образом устраняется и омонимия.

Структура словаря. Машинный (автоматический) словарь (терминология исследуемой ЛСС), расположенный в запоминающем устройстве ЭВМ, состоит из двух частей — кодовой и текстовой. Текстовая часть словаря включает в себя всю лексику рассматриваемой предметной области — все определяемые и определяющие слова. Кодовая часть словаря служит для обратных переходов от кодов слов к их словесным представлениям (или наоборот) и для кодовой записи дефиниций терминов. Такое строение машинного словаря связано с возложенными на систему функциями, а также техническими характеристиками системы в плане быстрой работы и экономии ресурсов ЭВМ.

Основные режимы работы словаря:

1. Поиск термина в текстовом словаре и определение его кода.
2. Обращение к словарю по заданному коду слова и переход от него к текстовому представлению этого слова.
3. Обращение к словарю по коду слова и определение его непосредственных семантических связей (непосредственных семантических компонентов и производных).
4. Обращение к словарю по коду слова и определение всех его семантических связей (как непосредственных, так и опосредованных).

Программная реализация системы. Машинный словарь построен в виде индексно-последовательного файла TABL в области, отведенной под словарь, с расположением записей по их ключам, причем слова располагаются в алфавитном порядке. В качестве ключа выбран порядковый номер слова, присвоенный ему в процессе записи массива слов и служащий также и его кодом. Содержание записи выбрано следующим образом:

ключ	поле данных
------	-------------

Выбор индексно-последовательного метода организации словаря обусловлен тем, что при такой организации увеличивается скорость поиска, облегчается корректировка словаря (удаление, замена, ввод новых ЛЕ), доступ к любой записи. Далее, индексно-последовательная организация набора данных позволяет использовать как последовательный, так и прямой доступ к записям.

Вся процедура формирования словаря включает следующие этапы:

- выбор множества дефиниций некоторой предметной области;
- разложение дефиниций на составляющие;
- выбор и перфорация терминов, подлежащих занесению в словарь (сюда относятся и операции по устранению синонимии, полисемии и омонимии);

- запись исходного файла (программа SIF);
- корректировка исходного файла (программа CORRECT);
- формирование последовательного файла (программа NFOR);
- алфавитная сортировка последовательного файла (программа SORTI);

- формирование окончательной версии машинного словаря (программа PRIMA).

Таким образом, машинный словарь—это словарь, состоящий из кодовой и текстовой частей, где кодовая часть является ключом к записи и представляет собой порядковый номер слова, а текстовая часть—упорядоченные по алфавиту слова.

Далее организуются элементы матрицы — «матричные» массивы начал и концов дуг графа (семантической сети). Массив начал дуг представлен файлом MATR, исходными данными для которого являются определения терминов (разложение дефиниции на составляющие). Массив начал дуг соответствует столбцам матрицы смежности, в каждом из которых записано множество составляющих для рассматриваемого термина. Записи файла MATR (столбцов матрицы смежности) представлены в упакованном виде, т. е. содержат только нетривиальные элементы. Предполагая максимальное число составляющих для каждого определяемого термина равным двадцати, с учетом возможности ввода данных с перфокарт, а также в целях экономии объема использу-

емой памяти вместо каждого составляющего слова записывается его код — ключ данного слова в словаре. Исходя из того, что для каждого кода выделено по 4 байта, т. е. максимальный код представлен четырехзначным числом, получаем общую длину записей файла MATR, равную 80 байтам. Записи вводятся с перфокарт.

Код слова (в данном случае — целое положительное число) является в то же время адресом памяти, где хранится информация о данном слове. Введение в MATR кодов слов вместо их текстовой записи обеспечивает быстрый доступ к хранимой информации и, кроме того, позволяет сократить память, отведенную для хранения этой информации.

Массив определений также организован индексно-последовательным способом, причем ключом каждой записи является ее порядковый номер, совпадающий с порядковым номером этого термина в словаре.

Массив концов дуг представлен файлом MV и соответствует строкам матрицы смежности. Исходным массивом для формирования файла MV является файл MATR, из которого MV получается программным путем. Программа организации файла MV, третьего основного файла для функционирования АСАТ, позволяет для каждой начальной дуги найти все выходящие из нее вершины. Записи файла MV организованы в упакованном виде и представляют собой коды вершин — ключи данных вершин в MATR, выходящие из рассматриваемой вершины дуги, т. е. порядковые номера конечных вершин дуг.

Файл MV также организован индексно-последовательным способом. Ключом к каждой записи служит порядковый номер рассматриваемой вершины в файле MATR, причем в файле MATR этому ключу соответствует определение к рассматриваемому термину (коды слов, входящих в определение); а в файле MV — списки смежности, т. е. коды слов, производных от данного.

Таким образом, основными входными массивами для функционирования АСАТ являются три описанных индексно-последовательных файла — TABL, MATR, MV, наборы данных которых имеют одинаковую размерность, равную размерности словаря. Соответственно и ключи к записям в указанных файлах совпадают, однако поле данных, соответствующее ключам, в записях каждого файла имеет разное содержание. В файле TABL — это сам термин, в файле MATR — определение к нему, если оно имеется (входящие в данную вершину дуги), в файле MV — выходящие из данной вершины дуги.

Дальнейшая обработка данных с целью получения результатов, предусмотренных системой, выполняется главной процедурной программой NEZRIN, представляющей собой объединение нескольких взаимосвязанных блоков, каждый из которых выполняет определенную функцию системы. Объединение отдельных блоков в одну общую процедурную программу связано с тем, что работа всех блоков основана на использовании одних и тех же файлов. Описание их в каждой отдельной программе отняло бы много дополнительного времени и ресурсов ЭВМ.

Блок 1 дает возможность получить основные классы слов, сформировать указанные лексические группировки. Работа этого блока основана на использовании методики сравнения строк и столбцов матрицы [5]. Блок 2 вычисляет системные параметры слов и словаря в целом. Блок 3 выдает все деривационные цепочки для каждого из исходных слов, обнаруживает логические ошибки в определениях, проявляющиеся в виде замкнутых циклов. Блок 4 вычисляет семантическую связность лексики. Блок 5 осуществляет проверку рассматриваемой лексической системы на наличие разрывов связности, т. е. проверку системы на се-

мантическую целостность (отсутствие или присутствие в терминологии изолированных терминов или групп терминов).

Система реализована на ЭВМ серии ЕС, программы написаны на алгоритмическом языке ПЛ/И.

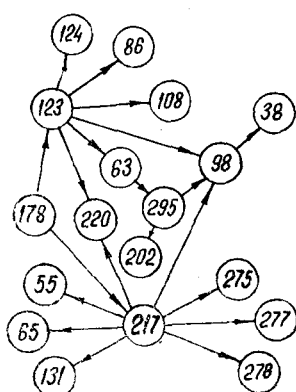
4. Экспериментальная оценка терминологического словаря

Для получения необходимых сетевых параметров слов и лексико-семантической системы (словаря) в целом, анализа их значений с целью отбора лексики в словник и коррекции словаря нами проведена экспериментальная обработка научно-технической и общественно-политической терминологии с помощью автоматизированной системы анализа терминологии. Всего исследовано 5 терминологических словарей с общим объемом лексики около 2000 лексических единиц.

Анализ терминологических словарей показал, что отклонение одного или нескольких семантических параметров от ожидаемого значения обычно свидетельствует о тех или иных недостатках словаря. Так, наличие в терминологии изолированных терминов или групп терминов может указывать на неоднородность словаря, его неполноту или неточность определений. Повышенный удельный вес исходных значений в словаре может служить свидетельством его неполноты, недостаточности отражения в словаре производных ЛЕ.

Приведем некоторые результаты экспериментального исследования методики оценки (анализа и коррекции) терминологических ЛСС по семантическим параметрам с помощью АСАТ на материале толкового словаря лингвистических терминов азербайджанского языка [7]. Рассматриваемый словарь содержит 299 определений, машинный вариант включает 309 ЛЕ. На рисунке показан фрагмент семантической сети лингвистического словаря. Номера слов соответствуют их порядковому номеру в алфавитном (автоматическом) словаре лингвистических терминов.

Анализ лингвистического словаря с помощью АСАТ выявил следующие данные: исходных слов — 2 ЛЕ, терминальных слов — 217, изолированных слов — 8, промежуточных слов — 82 ЛЕ.

- 38 — бејнэлхалг элифба
- 55 — говушуг сәс
- 63 — графика
- 65 — данышыг сәсләринин физиолокијасы
- 86 — дурғу ишарәләри
- 98 — элифба
- 108 — идеографик јазы
- 123 — јазы
- 124 — јазылы дил
- 131 — јуваг сәси
- 178 — нитг
- 202 — полифонија
- 220 — сәс јазысы
- 275 — флексија
- 277 — фонем
- 278 — фонетика
- 295 — һәрф

Исследуемая терминология содержит всего 2 исходных термина, из которых *баш чүмлә* имеет системный вес (в данном случае число исходящих дуг — 1), равный 1, а *дил* — системный вес, равный 80. Высокая производящая активность термина *дил* объясняется тем, что как исход-

ное слово он выражает одно из основополагающих понятий рассматриваемой области и к нему в конечном счете можно свести толкования большинства понятий области.

Промежуточные слова имеют максимальные значения системных бесов, и, вероятно, с точки зрения полезности в ЛСС являются наилучшими.

В зависимости от величины системного веса можно произвести ранжирование терминов ЛСС и исследовать их на возможность включения в словник словаря. В частности, системный вес слова позволяет выяснить, в какой мере владение этим словом (его значением) отражается на владении другими словами. Чем больше системный вес слова, т. е. чем больше значений слов определяется через него, тем большее число значений слов не может быть введено вербальным способом при исключении этого слова из словаря и, видимо, тем важнее его роль в лексико-семантической системе.

В качестве примера рассмотрим несколько промежуточных слов с большими системными весами: *сөз* — системный вес равен 71 ($f=g+h=1+70=71$, где g — число входящих дуг (определяющих слов), h — число исходящих дуг (определяемых слов)); *чүмлэ* ($f=4+29=33$), *дилчилик* ($f=1+32=33$), *сәс* ($f=1+30=31$), *нитг* ($f=1+25=26$). Эти слова (вместе с рядом других) составляют основное ядро терминологии, и к ним сводятся определения многих терминов. Так, исключив из словаря термин *сөз*, мы не сможем ввести вербальным способом термины *алынма сөз*, *аморф сөzlәр*, *ара сөз*, *антонимләр*, *архаизм*, *бејнәлмиллә сөzlәр*, *этимолокија*... и так — 70 терминов, определяемых через данный. То же можно сказать и относительно других терминов с большими системными весами.

В словаре лингвистических терминов азербайджанского языка были выявлены следующие изолированные вершины: *абзас*, *археографија*, *этнонимика*, *кечмиш заман*, *кәләчәк заман*, *пазиграфија*, *палеографија*, *шәхс*. Анализ определений этих терминов показал, что некоторые термины попали в число изолированных вследствие того, что определения к ним представляют собой прерванные определения, т. е. среди слов, образующих определение, имеются и отсутствующие в словаре. Например, термины *кечмиш заман*, *кәләчәк заман* определяются через термин *заман категоријасынын формасы*, однако последнее отсутствует в словаре. Так, введение в лингвистический словарь термина *заман категоријасынын формасы*, участвующего в определениях *кечмиш заман* и *кәләчәк заман*, и термина *грамматик категорија*, фигурирующего в определении *шәхс*, связало бы указанные термины соответственно с *фә'л* и *грамматика*, а через них — с основной массой терминов данной ЛСС.

Слова *археографија*, *этнонимика*, *палеографија*, *пазиграфија* следовало бы отнести к разряду «чужих» терминов, так как они скорее относятся к таким областям науки, как археология, этнография, история. Как термины смежных отраслей знания, они попали в список изолированных вершин и не связаны с основным корпусом слов ЛСС.

К числу наиболее распространенных ошибок относятся круги в определениях. Слово, к которому отсылает определение, само может быть определено лишь через определяемое слово или же наличие петель, т. е. в определении слова участвует само это слово. В словаре лингвистических терминов азербайджанского языка были обнаружены следующие определения подобного рода:

1. **Јазы** — инсан нитгини ифадэ едэн вэ көрмэ гаврајышына эсаланан **јазы ишарэлэри** системи.

Здесь (в словаре) ни слово **јазы**, ни словосочетание **јазы ишарэлэри** не определены.

2. **Јердэјишмэ** — ассимилјасија вэ диссимилјасија эсасында сөз тэркибиндэ сәслэрин, јахуд нечаларын гаршылыгылы **јердэјишмэси**.

Таким образом, выявленные недостатки исследуемых словарей (на примере словаря лингвистических терминов азербайджанского языка) показывают, что сетевая модель лексики (семантическая сеть) и ее машинный аналог (АСАТ) могут, на наш взгляд, успешно применяться при анализе, составлении и коррекции словарей.

Однако семантическая сеть как модель объективной действительности, т. е. языка, представляет собой лишь его грубое отображение. Поэтому во всех случаях окончательное решение остается за лексикографом, который на основании полученных данных может сделать вывод, отражают ли обнаруженные отклонения недостатки словаря или они обусловлены спецификой объективно существующей системы семантических связей лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скороходько Э. Ф. Семантические связи в лексике и текстах//Вопросы информационной теории и практики. М., 1974. Вып. 23.

² В данной статье *слово* и *термин* употребляются как синонимы.

³ Системными считаем только характеристики, учитывающие связи между элементами системы.

⁴ Мамедова М. Г. Автоматизированный отбор лексики в информационно-поисковый тезаурус на основе анализа терминологических словарей: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. М., 1984.

⁵ Мамедова М. Г. Один подход к автоматизации проектирования информационно-поискового тезауруса//Вопросы проектирования баз данных сложной логической структуры. Киев, 1980.

⁶ Матрица, имеющая небольшой процент ненулевых элементов, называется разреженной.

⁷ Фарахов Э. Изанлы дилчилик лугети. Баки: Маариф, 1969.

Н А С Л Е Д И Е

А. К. САЛМИН

ЧУВАШСКИЕ СКАЗКИ О ПАТТЫРАХ: ИСТОЧНИКИ, СПИСКИ

Проблема богатырской сказки — одна из актуальных задач в советской фольклористике. В данной статье впервые дается список чувашских сказок о паттырах с указанием источников и списков (о некоторых аспектах проблематики см. в наших статьях). Каждый номер текста сопровождается информативными данными о записи (паспортом).

С целью выявления и накопления материала автором обследованы архивы Чебоксар, Ульяновска, Казани, Ленинграда и Москвы. Учтены тексты, относящиеся к теме, из всех дореволюционных публикаций.

Особую и наибольшую ценность представляет научный архив ордена «Знак Почета» Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР — самого богатого архивохранилища по данной теме. Пока никем не подсчитано, какое количество сказок о паттырах хранится в данном архиве. Он пополняется в основном ежегодными поступлениями материалов студенческих фольклорных экспедиций, а также материалами комплексных и индивидуальных фольклорно-этнографических экспедиций самого института.

Здесь учтены также тексты, собранные нами через корреспондентов — студентов, педагогов, пенсионеров и колхозников. В 1983 г. автором была проведена целевая экспедиция.

Всего же зафиксировано 300 текстов. В ходе дальнейших записей и архивных разысканий это число, естественно, может быть увеличено. В список включено 108 из них (53—дореволюционной фиксации и 55—советского периода), в том числе 17 — из личного собрания автора этих строк. Диапазон записей — 108 лет.

Публикация призвана помочь специалистам в разыскании нужных текстов при написании исследований сравнительно-исторического направления. Одновременно она может быть полезной и в текстологическом плане: еще можно встретить работы, в которых тексты сказок анализируются по неудовлетворяющим научным требованиям публикациям и спискам. Такие тексты нередко весьма далеки от первоисточников, что, разумеется, искажает суть, а порой приводит к фальсификации.

1. Бездетные царь с царицей. Записана не позднее 1875 г. Переписана в 1976 г. учителем И. Горбуновым по поручению этнографа В. К. Магницкого. Источник: ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, № 12, л. 111. Список: ЦГАЛИ СССР, ф. 1215, оп. 1, № 14, л. 763 об. — 764.

2. Царь и Матись Кырык. Записана не позднее 1875 г. Переписана

в 1976 г. учителем И. Горбуновым по поручению этнографа В. К. Магницкого. Источник: ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, № 12, л. 102. Список: ЦГАЛИ СССР, ф. 1215, оп. 1, № 14, л. 764.

3. Илья-паттыр. Записана в Казанской губернии не позднее 1880 г. Источник: Смелов 1880, с. 534—536. Списки: Магницкий 1881, с. 251—253; Веселовский 1883, с. 351—353.

4. Халап, сложенный об Илье-паттыре. Рассказана в 1881 г. в с. Бюрганы Бунинского района ТАССР солдатом Тимеркке. Затем в 1889 г. И. Н. Юркин написал по памяти. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 57, л. 147—269. Список: ГАУО, ф. 269, оп. 1, № 17.

5. Освобождение Солнца и Месяца из плена. Рассказана в 1886 г. в с. Ядоба Аликовского района охранником церкви Вырым Якку. Потом по памяти написал в 1925 г. М. П. Петров. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 118, л. 49—58. Списки: Чувашские сказки 1937, с. 27—40; Сироткин 1965, с. 66—71.

6. Иван-паттыр. Записана в 1895 г. в д. Ойкасы Аликовского района учеником Аликовского двухклассного училища Кириллом Николаевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 652—659.

7. Про плешивого. Записана в 1895 г. в д. Синерь Аликовского района учеником Аликовского двухклассного училища Ильей Ивановым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 519—527.

8. Сын богача. Записана в 1895 г. учеником Аликовского двухклассного училища Анисимом Михайловым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 608—622.

9. Халлап. Записана в 1895 г. в д. Актай Моргаушского района учеником Аликовского двухклассного училища Флегентом Филипповым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 273—279.

10. Юмах. Записана в 1895 г. в д. Качалово Аликовского района учеником Аликовского двухклассного училища Петром Федоровым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 677—692.

11. Юмах. Записана в 1895 г. в д. Качалово Аликовского района учеником Аликовского двухклассного училища Петром Федоровым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 692—705.

12. Сражение со змеями. Записана в 1897 г. в с. Абызово Вурнарского района учеником Аликовского двухклассного училища. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 71—76.

13. Трехглазый. Записана в 1897 г. в д. Яжуткино Аликовского района учеником Аликовского двухклассного училища Сергеем Фоминым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 30, с. 403—412.

14. Паттыр. Записана в 1899 г. учеником Аликовского двухклассного училища И. Н. Морозовым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 33, с. 880—881.

15. Победа над атаманом. Записана в 1899 г. в д. Коракиши Аликовского района учеником Аликовского двухклассного училища К. Шумиловым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 33, с. 402—409.

16. Юмах о каменном столбе. Записана в 1899 г. в д. Урмаево Аликовского района учеником Аликовского двухклассного училища Романом Гордеевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 33, с. 938—947.

17. Ванюха, его дети и Алена Красавица. Записана в 1900 г. финским ученым Хайкки Паасоненом. Источник: Paasonen 1949, с. 124—143. Списки: Данилов 1959, с. 60—66; Сказки 1973, с. 153—161.

18. Иван Суволов. Записана в 1900 г. в д. Пизиново Аликовского района Николаем Родионовым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 5, л. 5—6.

19. Огненный змей и Василии-паттыр. Записана в 1900 г. финским ученым Хайкки Паасоненом. Источник: Paasonen 1949, с. 279—290.

20. Сказка старика сам с ноготок, борода с локоток. Записана в 1900 г. со слов крестьянина д. Ойкасы Аликовского района Николая Дмитриева учителем Аликовского училища Николаем Алексеевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 5, л. 104—111.

21. Дети богача. Записана в 1902 г. Александром Николаевым, окончившим курсы учения в Альшеевском одноклассном училище (Буинский район ТАССР). Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 26, л. 90—117.

22. Три сына. Записана в 1902 г. учеником Альшеевского одноклассного училища (Буинский район ТАССР) Артемием Ивановым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 26, л. 381—418.

23. Золотой дом. Записана в 1903 г. в д. Яныши Аликовского района ученицей Аликовского двухклассного училища Феклой Максимовой. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 145, с. 355, 370—380.

24. Иван-паттыр. Записана в 1903 г. в д. Яныши Аликовского района ученицей Аликовского двухклассного училища Феклой Максимовой. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 145, с. 355—367.

25. Иван и царевна. Записана в 1904 г. в д. Акташи Красночетайского района ученицей Аликовского двухклассного училища Мариной Филипповой. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 145, с. 383, 388—399.

26. Иван и его сестренка. Записана в 1904 г. в д. Сесмеры Красноармейского района слушателем Казанских миссионерских курсов Т. К. Кирилловым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 151, л. 336—339. Список: Никольский 1960, с. 98—101.

27. О Василии Великом и Иване Великом. Записана в 1904 г. в с. Большая Таяба Яльчикского района М. Ф. Чарочкиным. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 159, с. 352—360, 393.

28. Про старика со старухой. Записана в 1904 г. учеником Мало-яушевского земского училища (Вурнарский район) Арсением Димитриевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 150, с. 161—173.

29. Утренний Иван. Записана в 1904 г. в д. Сесмеры Красноармейского района слушателем Казанских миссионерских курсов Т. К. Кирилловым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 151, с. 166—174.

30. Владимир-князь и богатыри. Записана в 1905 г. в с. Матаки Буинского района ТАССР. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 146, с. 141, 145—150. Списки: ЧНИИ, отд. 1, № 141, л. 187—189; там же, отд. III, № 11, л. 15—18.

31. Ковшеглазый. Записана в 1905 г. в Цивильском уезде (деревня не указана). Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 178, с. 153, 163—166, 171.

32. Антей-паттыр. Записана в 1906 г. в с. Теняево Федоровского района БАССР Н. И. Шивыровым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 160, с. 192—208. Списки: ЧНИИ, отд. 1, № 120, инв. № 4123; там же, № 125, инв. № 4201; там же, № 141, л. 228—233; там же, отд. III, № 11, л. 8—14.

33. Дочь падишаха. Записана в 1907 г. в д. Б. Карачурино Чебоксарского района венгерским ученым Дьюлой Мессарошем. Источник: Meszaros 1912, с. 306—315. Список: Mese 1977, с. 46—56.

34. Медный медведь. Записана в 1907 г. в д. Старые Алгаши Цильнинского района Ульяновской области венгерским ученым Дьюлой Мессарошем. Источник: Meszaros 1912, с. 356—359. Списки: Данилов 1959, с. 57—59; Сказки 1973, с. 375—378; Mese 1977, с. 64—67.

35. Рождение паттыра. Записана в 1907 г. в д. Б. Карачурино Чебоксарского района венгерским ученым Дьюлой Мессарошем. Источник: Meszaros 1912, с. 363—370. Списки: Григорьев 1971, с. 78—89; Mese 1977, с. 57—63.

36. Сын кобылы. Записана в 1907 г. в д. Б. Карачурино Чебоксарского района венгерским ученым Дьюлой Мессарошем. Источник: Meszaros 1912, с. 340—345. Список: Чувашские сказки 1937, с. 203—209.

37. Подземный мир. Записана в 1909 г. в д. Первое Чемерчеево Цивильского района слушателем Казанских миссионерских курсов Петром Васильевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 176, с. 81, 85, 93—96.

38. Глупый Иван. Записана в 1910 г. в с. Шумшеваши Аликовского района псаломщиком М.(Н.)Николаевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 207, с. 484—486, 524.

39. Рождение от рыбы. Записана в 1910 г. в с. Шумшеваши Аликовского района псаломщиком М.(Н.)Николаевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 207, с. 473—477, 524.

40. Солдат и царь. Записана в 1910 г. в с. Шумшеваши Аликовского района псаломщиком М.(Н.)Николаевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 207, с. 472—473, 524.

41. Шестьдесят сыновей. Записана в 1910 г. в Буинском уезде Симбирской губернии М. Тохмаковым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 183, л. 239—246. Список: 1973, с. 146—152.

42. Иван-царь. Записана в 1911 г. учеником Мариинско-Посадского двухклассного городского училища Кириллом Родновым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 210, с. 5—17, 139.

43. Кокша. Записана в 1911 г. в с. Оточево Моргаушского района Н. К. Агимфиновым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 209, с. 530—533.

44. О храбром казаке. Записана в 1911 г. в с. Иж-Борискино Куйбышевского района ТАССР от старика Фомича (1836 г. р.) слушателем Казанской духовной семинарии В. Сидоровым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 177, с. 203, 215—223.

45. Тай-тупала. Записана в 1911 г. в д. Ермошкино Вурнарского района Г. А. Отрывановым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 204, л. 72—91, 103—105. Списки: Никольский 1960, с. 49—60; Сказки 1973, с. 188—199; Сидорова 1979, с. 76—84; Юмарт 1982, с. 36—42; Шуртаков 1984, с. 47—56.

46. Иван-паттыр. Записана в 1912 г. в с. Яльчики Яльчикского района слушателем Казанских миссионерских курсов Михайлом Даниловым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 232, с. 209, 251—254. Список: ЧНИИ, отд. 1, № 141, л. 196—198.

47. Лазарь Лазаревич и царь Иван Иванович. Записана в 1912 г. в д. Байбахтино Комсомольского района 27-летним учителем Тимофеем Терентьевым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 236, л. 271—311. Списки: ЧНИИ, отд. 1, № 141, л. 201—216; Сказки 1973, с. 114—126; Сидорова 1979, с. 91—97; Шуртаков 1984, с. 64—73.

48. Мамылтык. Записана в 1912 г. в с. Старое Семенкино Клявлинского района Куйбышевской области псаломщиком Иваном Ивановым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 230, с. 169, 214—219. Списки: ЧНИИ, отд. 1, № 125, л. 22—26; Чувашские сказки 1937, с. 160—166; Сидорова 1979, с. 133—137; Шуртаков 1984, с. 87—92.

49. Об Иване-простаке. Записана в 1912 г. учеником Ишаковской миссионерской Братства Св. Гурия школы Козьмой Тоскинеевым, родом из с. Янгильдино Чебоксарского района. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 239, л. 413—444. Списки: Сказки 1973, с. 126—132; Сидорова 1979, с. 121—126; Шуртаков 1984, с. 78—85.

50. Сын царевны Иван и сын ее служанки. Записана в 1912 г. в д. Большое Янгильдино Чебоксарского района учеником Ишаковской

Братства Св. Гурия школы Николаем Гурьевым. Источники: ЧНИИ, отд. 1, № 239, л. 585—601

51. Красное яблоко и Белое яблоко. Записана в 1913 г. в д. Вурман-Кибек Вурнарского района со слов 25-летнего грамотного крестьянина Алексея Семенова воспитанником Казанской духовной семинарии Василием Петровым. Источник: КГУ, № 4784, л. 6—10.

52. Рубашка, изготовленная из всех цветов на свете. Записана в 1913 г. в с. Малые Меми Апастовского района ТАССР от Ф. С. Семёнова М. Максимовым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 354, л. 102—139. Списки: ЧНИИ, отд. 1, № 141, л. 47—157; Никольский 1960, с. 21—36; Сказки 1973, с. 87—100.

53. Иван. Записана в 1914 г. в Буинском уезде Симбирской губернии слушателем Казанских миссионерских курсов Д. Пильдяковым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 267, л. 173—182. Списки: ЧНИИ, отд. 1, № 141, л. 189—195; Никольский 1960, с. 61—66; Сказки 1973, с. 310—315; Сидорова 1979, с. 108—112; Юмарт 1982, с. 49—52; Шуртаков 1984, с. 73—78.

54. О трех сиротах. Записана в 1920-х годах бывшим учеником Н. И. Ашмарина Степаном Григорьевым среди низовых чувашей. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 21, с. 475—481.

55. Борщевник. Записана в 1927 г. в д. Полевые Буртасы Яльчикского района от ученика сельской школы Ивана Дорофеева (1915 г.р.) Н. Я. Золотовым. Источник: ЛО ААН СССР, ф. 77, оп. 3, № 25, л. 87—101. Список: Золотов 1930, с. 49—59.

56. Васили и Иван. Записана в 1927 г. в д. Полевые Буртасы Яльчикского района от ученика М. Д. Захарова (1910 г.р.) Н. Я. Золотовым. Источник: ЛО ААН СССР, ф. 77, оп. 3, № 25, л. 69—73. Список: Золотов 1930, с. 35—38.

57. Чимантей Попович. Записана в 1927 г. в с. Городище Буинского района ТАССР от мальчика Михаила Кораблева (1914 г.р.) Н. Я. Золотовым. Источник: ЛО ААН СССР, оп. 3, № 25, л. 55—62. Список: Золотов 1930, с. 62—67.

58. Лазыр. Записана в 1935 г. в с. Суккулово Ермакеевского района БАССР от колхозника В. Г. Андреева (1906 г.р.) П. А. Туринге. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 101, л. 167—175. Списки: там же, л. 258—278; там же, л. 335—340; там же, отд. III, № 47, л. 85—90; Чувашские сказки 1937, с. 248—254.

59. Паттыр и орлы. Записана в 1936 г. в д. Пояндайкино Шумерлинского района В. Е. Красновым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 126, л. 58—67. Списки: ЧНИИ, отд. 1, № 68, л. 297—314; там же, № 103, л. 256—257; Чувашские сказки 1937, с. 67—83; Данилов 1963, с. 60—67; 1964, с. 51—65; 1975, с. 52—66.

60. Возвращение Йывана из семислойной страны. Записана в 1937 г. в д. Ягункино Красночетайского района М. М. Федоровым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 1, с. 260—268.

61. Спасение Йываном матери и сестер. Записана в 1937 г. в д. Кошлауши Красночетайского района от Аркадьева М. М. Федоровым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 1, инв. № 43.

62. Сражение Вархоня со змеями. Записана в 1938 г. в Цивильском районе В. Энжеем. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 1, с. 162—169.

63. Сын хозяина. Записана в 1938 г. в д. Испуханы Ядринского района от Сидора Васильева (1909 г.р.) Е. И. Скориковым-Маль. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 3, инв. № 111.

64. Халап об Арыслане Ласырче. Записана в 1939 г. в с. Ново-

челны-Сюрбеево Комсомольского района Н. Г. Волковым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 73, л. 221—234. Списки: Данилов 1963, с. 54—60.

65. Халап об Иване-паттыре. Записана в 1939 г. в с. Новочелны-Сюрбеево Комсомольского района Н. Г. Волковым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 73, л. 151—171. Списки: Данилов 1949, с. 57—68; Segov 1971, с. 81—92; Сказки 1973, с. 132—146; Табакова/Либерда 1976, с. 35—49; Сидорова 1979, с. 58—67; Шуртаков 1984, с. 28—41.

66. Малышок-камышок. Записана в 1940-х годах в Батыревском районе учеником 8«а» класса Алексеем Енилиным. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

67. Солнце на земле. Записана в 1941 г. в с. Новочелны-Сюрбеево Комсомольского района Н. Г. Волковым. Источник: ЧНИИ, отд. 1, № 143, л. 98—107. Списки: Данилов 1949, с. 172—177; 1963, с. 89—92; Сидорова 1969, с. 67—75; Mese 1977, с. 15—23.

68. Крестьянский сын Иван Григорьевич. Записана в 1950 г. в колхозе «Вперед» Бижбулякского района БАССР от колхозника Павла Алексеева П. А. Федоровым-Минюк. Источник: ЧНИИ, отд. III, № 67, л. 33—41. Список: Данилов 1959, с. 22—27.

69. Длиннобородый. Записана в 1970 г. в д. Ядринкасы Чебоксарского района от пенсионера Е. В. Ермакова (1890 г.р.) студенткой Тамарой Ермаковой. Источник: ЧГУ, 1970, т. 26, л. 30—51.

70. О царе. Записана в 1970 г. в д. Килдишево Ядринского района от И. Г. Григорьева студенткой Валентиной Деменцовой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. 3825, т. 13, л. 17—26.

71. О Иване-паттыре. Записана в 1971 г. в с. Атнары Красночетайского района от Д. И. Владимирова (1902 г.р.) студенткой Г. А. Осиповой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. 3825, т. 2, л. 1—34.

72. О Иване и змеях. Записана в 1971 г. в д. Молгачкино Шумерлинского района от неграмотной пенсионерки Д. И. Андриюшкиной (1895 г.р.) студенткой Л. Н. Константиновой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 21, л. 37—44.

73. Юмах, рассказывающий о луне и солнце. Записана в 1971 г. в д. Молгачкино Шумерлинского района от неграмотной пенсионерки Д. И. Андриюшкиной (1895 г.р.) студенткой Л. Н. Константиновой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 21, л. 45—49.

74. В царстве змея. Записана в 1972 г. в д. Хирлеппоси Аликовского района от мельника З. Т. Тихонова (1906 г.р., 4-классное образование) студентом П. И. Трифоновым. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, № 3826, т. 10, л. 32—51.

75. Иван-паттыр. Записана в 1972 г. в д. Ермошкино Вурнарского района от пенсионера Г. А. Отрыванова (1891 г.р.) студенткой А. И. Смирновой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 7, л. 4—81.

76. Как солдат спас царевну. Записана в 1972 г., в д. Большие Токташи Аликовского района от пенсионера Степана Куприянова (1888 г.р.) студенткой Г. И. Павловой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 2, л. 61—64.

77. Качикруш-паттыр. Записана в 1972 г. в д. Полевые Яуши Комсомольского района от пенсионерки С. П. Мокеевой студенткой А. Г. Орловой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 44, л. 68—73.

78. О бессмертной душе. Записана в 1972 г. в д. Большие Токташи Аликовского района от Ф. К. Кузиковой (1887 г.р.) студенткой Г. И. Павловой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 2, л. 85—91.

79. Три брата. Записана в 1972 г. в д. Кильдюшево Ядринского района от Михаила Егорова (1946 г.р.) студенткой С. Трифоновой. Источник: ЧГУ, 1972, т. Трифоновой С.

80. Чике-паттыр. Записана в 1972 г. в д. Шинеры Вурнарского района от Василия Петрова (1911 г.р.) студенткой В. Г. Разумовой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, л. 64—73.

81. Богатый купец. Записана в 1973 г. в д. Яраккасы Моргаушского района от Клопова студенткой Галиной Ильмендеровой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, л. 91—96.

82. О царевиче. Записана в 1973 г. в д. Сявал-Сирма Красноармейского района от пенсионерки А. Е. Ефимовой (1890 г.р.) студенткой Людмилой Ванюшкиной. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 16, л. 28—37.

83. Солнце. Записана в 1973 г. в д. Пояндайкино Шумерлинского района от М. К. Кузьмина (1896 г.р.) студенткой Л. П. Семеновой. М. К. Кузьмин слышал эту сказку от колхозника этой же деревни В. Е. Храмова (1867 г.р.). Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 10, л. 39—44.

84. Три девушки. Записана в 1973 г. в д. Чураккасы Моргаушского района студенткой Розой Паймановой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 8, инв. № 3825, т. 43, л. 60—64.

85. Богатыри. Записана в 1974 г. в с. Анат-Киняры Чебоксарского района от А. Е. Мышкина (1923 г.р.) студенткой З. С. Матвеевой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 10, № 4506, т. 16, л. 73—76.

86. Йыван-горох. Записана в 1974 г. в д. Вурманкас-Туруново Чебоксарского района от А. П. Трофимовой (1910 г.р.) студенткой Г. В. Кульковой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 10, инв. № 4506, т. 13, л. 63—67.

87. Йыван-паттыр. Записана в 1974 г. в д. Ырашпулах Чебоксарского района от П. И. Алаева (1904 г.р.) студенткой С. И. Осиповой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 10, инв. № 4506, т. 18, л. 69—73.

88. Юмах, рассказывающий о трех царях. Записана в 1974 г. в д. Ырашпулах Чебоксарского района от П. И. Алаева (1904 г.р.) студенткой Е. А. Ефимовой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 10, инв. № 4506, т. 6, л. 72—80.

89. Близнецы. Записана в 1975 г. в д. Малое Янгорчино Цивильского района от А. И. Григорьевой (1913 г.р.) студенткой Л. П. Сергеевой. Источник: ЧНИИ, кн. пост. № 10, инв. № 4506, т. 21, л. 42—57.

90. Иван и его лошадь. Записана в 1975 г. в д. Латышево Янтиковского района от И. С. Семенова (1905 г.р.) студентом Н. Н. Николаевым. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

91. Паттыр Иван-тесто. Записана в 1975 г. в с. Чутеево Янтиковского района от пенсионерки Е. И. Ивановой (1907 г.р.) студентом Н. Н. Николаевым. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

92. Три брата. Записана в 1975 г. в д. Малое Янгорчино Цивильского района от М. Г. Герасимовой (1907 г.р.) студенткой Е. С. Дмитриевой. Источник: ЧНИИ, отд. III, № 683, л. 39—50.

93. Как солдат Максим женился дважды. Записана в 1976 г. в с. Оточево Моргаушского района от П. С. Воронова (1905 г.р.) студенткой Н. К. Ержаковой. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

94. Пурап-паттыр. Записана в 1976 г. в д. Вурманкасы Урмарского района от В. С. Рыжова (1913 г.р.) студенткой Людмилой Рыжовой. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

95. Рубашка семидесяти семи цветов. Записана в 1976 г. в д. Сеспель Канашского района от М. С. Спиридоновой (1931 г.р.) студенткой М. Т. Павловой. Источник: ЧНИИ, отд. III, № 523, л. 1—5.

96. Тимер и Хурсьы. Записана в 1976 г. в с. Убеево Красноармей-

ского района от Я. Ф. Фомина студенткой С. Н. Гавриловой. Источник: ЧНИИ, отд. III, № 525, л. 51—56.

97. Иван-паттыр. Записана в 1977 г. в д. Анаткасы Урмарского района от пенсионерки Агафьи Алексеевой (1895 г.р.) А. А. Аверкиной. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

98. Йыван и Насься. Записана в 1977 г. в г. Чебоксары от Л. А. Романовой (1937 г.р.) во время рассказа сыну Сереже И. Вазяковым. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

99. Месть. Записана в 1977 г. в д. Сарадакасы Чебоксарского района от К. А. Афанасьева (1918 г.р.) учительницей З. П. Петровой. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

100. Настоящее счастье. Записана в 1977 г. в д. Хыркасы Чебоксарского района от Н. М. Максимова (1900 г.р.) учителем С. А. Аверкиевым. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

101. О звездах. Записана в 1977 г. в д. Яншихово Батыревского района от А. Ф. Фуражникова (1934 г.р., ему рассказывал дед) Л. А. Фуражниковой. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

102. Помещик и крестьянский сын. Записана в 1977 г. в д. Старое Шокино Моргаушского района от Н. И. Анисовой (1900 г.р.) А. Н. Анисовой. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

103. Юмах, сложенный об Иване-паттыре. Записана в 1977 г. в д. Ново-Федоровка Аургазинского района БАССР от пенсионерки Катерины Федоровой (1907 г.р.) Р. Я. Семеновой. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

104. Глиняный мальчик. Записана в 1983 г. в д. Сарадакасы Чебоксарского района от пенсионера К. А. Афанасьева (1918 г.р.) А. К. Салминым на магнитофоне. Источник: Магнитофонные записи А. К. Салмина.

105. Иван-садовник. Записана в 1983 г. в д. Сарадакасы Чебоксарского района от пенсионера К. А. Афанасьева (1918 г.р.) А. К. Салминым на магнитофоне. Источник: Магнитофонные записи А. К. Салмина.

106. Месть. Записана в 1983 г. в д. Сарадакасы Чебоксарского района от пенсионера К. А. Афанасьева (1918 г.р.) А. К. Салминым на магнитофоне. Источник: Магнитофонные записи А. К. Салмина.

107. Три сына. Записана 28 июня 1983 г. в д. Чешлама Козловского района от пенсионера Н. А. Соловьева (1896 г.р.) А. К. Салминым на магнитофоне. Источник: Магнитофонные записи А. К. Салмина.

108. Три сына. Записана 27 июня 1983 г. в д. Чешлама Козловского района от пенсионера Н. А. Соловьева (1896 г.р.) А. К. Салминым. Источник: Рукоп. ф. А. К. Салмина.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Веселовский 1883 — Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха: VI—X. // Зап. Импер. Академии наук. СПб., 1883. Т. 45 (с рис.), прил. № 1.

Григорьев 1971 — Чувашские сказки/Пер. С. Г. Григорьева. М., 1971.

Данилов 1949 — Чувашские народные сказки/Сост. Н. Ф. Данилов. Чебоксары, 1949. На чуваш. яз.

Данилов 1959 — Чувашские сказки/Сост. Н. Ф. Данилов. Чебоксары, 1959. На чуваш. яз.

Данилов 1963 — Сказки и предания чуваш/Собр. и пер. Н. Ф. Данилов. Чувашиздат, 1963.

Данилов 1964 — Угандей и Селердей: Чуваш. народ. сказки/Обр. для детей Н. Данилова и А. Нечаева. М., 1964.

- Данилов 1975 — Чувашские народные сказки/Обр. для детей Н. Данилова и А. Нечаева. М., 1975.
- Золотов 1930 — Золотов Николай. Материалы по чувашскому фольклору. Сказки. Чебоксары, 1930.
- Магницкий 1881 — Магницкий В. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
- Никольский 1960 — Сказки/Сост. Н. В. Никольский. Чебоксары, 1960. На чуваш. яз.
- Салмин 1984 — Салмин А. К. Типология чувашских сказок о богатырях//Исследования по чувашскому фольклору. Чебоксары, 1984.
- Салмин 1987 — Салмин А. К. К проблеме богатырской сказки в науке//Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары, 1987.
- Салмин 1987 а — Салмин А. К. Два чувашских термина, обозначающих сказку/Сов. тюркология. 1987. № 2.
- Сидорова 1969 — Ленин в сердце народа/Сост. Е. С. Сидорова. Чебоксары, 1969. На чуваш. яз.
- Сидорова 1979 — Чувашские легенды и сказки/Сост. Е. С. Сидорова. Чебоксары, 1979.
- Сироткин 1965 — Сироткин М. Я. Чувашский фольклор. Чебоксары, 1965.
- Сказки 1973 — Чувашский фольклор: Чебоксары, 1973. Т. 1: Сказки. На чуваш. яз.
- Смелов 1980 — Смелов В. Я. Нечто о чувашских языческих верованиях и обычаях//Изв. по Казанской епархии. Казань, 1880. № 80.
- Табакowa/Либерда 1976 — Чувашские народные сказки//Пересказ Олени Табаковой и Игоря Либерды. Киев, 1976. На укр. яз.
- Чувашские сказки 1937 — Чувашские сказки. М., 1937.
- Шуртаков 1984 — Чувашские сказки/Пер. С. Шуртакова. Чебоксары, 1984.
- Юмарт 1982 — Чувашские сказки/Сост. Г. Ф. Юмарт. Чебоксары, 1982. На чуваш. яз.
- Mese 1977 — Mese a tölgyfa tetejen: Csúvas mesék. Budapest, 1977.
- Meszaros 1912 — Meszaros Dyula. Csúvas népköltési gyűjtemény: II kötet. Budapest, 1912.
- Paasonen 1949 — Paasonen Heikki. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwasen. Helsinki, 1949.
- Serov 1971 — Die schöne Kulline: Tschuwaschische Volksmärchen/Ausgew. und aus dem Tschuwaschischen übers. von Ivan Serov. Berlin, 1971.
- ГАУО, ф. 269, оп. 1, № 17 — Юркин И. Н. Илья-Паттыр.
- ЛО ААН СССР, ф. 77, оп. 3, № 23 — Золотов Н. Я. Чувашская сказка.
- Салмин — Салмин А. К. Из личного собрания: 1971—1983 гг.
- ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, № 12 — Магницкий В. К. Материалы о народном веровании и обрядах Уржумского уезда Вятской губернии.
- ЦГАЛИ СССР, ф. 1215, оп. 1, № 14 — В. [К.] М[агницкий]. Чуваша Казанской губернии, их песни, сказки и загадки.
- ЧГУ, 1970, т. 26 — Ермакова Тамара. Материалы фольклорной экспедиции.
- ЧГУ, 1972, т. Трифонової С. — Трифонова С. Материалы фольклорной экспедиции.
- ЧНИИ, отд. 1, № 1 — Сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 3 — Сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 5 — Ашмарин И. Н. Песни.
- ЧНИИ, отд. 1, № 12 б — фольклор.
- ЧНИИ, отд. 1, № 21 — Ашмарин Н. И. Песни, обряды, сказки, арабские знаки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 26 — Ашмарин Н. И. Сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 30 — Ашмарин Н. И. Чувашские тексты, доставленные В. Орловым.
- ЧНИИ, отд. 1, № 33 — Ашмарин Н. И. Чувашские тексты.
- ЧНИИ, отд. 1, № 57 — Юркин И. Н.
- ЧНИИ, отд. 1, № 68 — Сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 73 — Волков Н. Г.
- ЧНИИ, отд. 1, № 101 — Щекатихин Н. Н. Сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 103 — Сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 118 — Тексты и статьи о чувашском фольклоре.
- ЧНИИ, отд. 1, № 120 — Пословицы, загадки, сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 125 — Никольский Н. В. Чувашские сказки.
- ЧНИИ, отд. 1, № 141 — Никольский Н. В. Чувашские народные сказки дореволюционного периода.
- ЧНИИ, отд. 1, № 143 — Волков Н. Г. Фольклор.
- ЧНИИ, отд. 1, № 145 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
- ЧНИИ, отд. 1, № 146 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
- ЧНИИ, отд. 1, № 150 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор: Язык.
- ЧНИИ, отд. 1, № 151 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.

- ЧНИИ, отд. I, № 159 — Никольский Н. В.
 ЧНИИ, отд. I, № 160 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 176 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 177 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 178 — Никольский Н. В. История: Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 183 — Никольский Н. В. История: Фольклор: Этнография.
 ЧНИИ, отд. I, № 204 — Никольский Н. В. Из рукописного фонда.
 ЧНИИ, отд. I, № 207 — Никольский Н. В. История: Этнография.
 ЧНИИ, отд. I, № 209 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 210 — Никольский Н. В. Язык: Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 230 — Никольский Н. В. Материалы по этнографии чуваш.
 ЧНИИ, отд. I, № 232 — Никольский Н. В. История: Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 236 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 239 — Никольский Н. В. Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 267 — Никольский Н. В. История: Этнография: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. I, № 354 — Никольский Н. В. История: Фольклор.
 ЧНИИ, отд. III, № 11 — Никольский Н. В. Замечания в книгу И. С. Тукташа «Чувашский фольклор».
 ЧНИИ, отд. I, № 47 — Фольклорные материалы.
 ЧНИИ, отд. III, № 67 — Фольклор.
 ЧНИИ, отд. III, № 523 — Павлова М. Т. Материалы фольклорной экспедиции 1976 г. в д. Сеспель Канашского района.
 ЧНИИ, отд. III, № 525 — Гаврилова С. Н. Материалы фольклорной экспедиции 1976 г. в с. Убеево Красноармейского района.
 ЧНИИ, отд. III, № 683 — Дмитриева Е. С. Материалы фольклорной экспедиции 1975 г. в д. Малое Янгорчино Цивильского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 2 — Осипова Г. А. Материалы фольклорной экспедиции 1971 г. в с. Атнары Красночетайского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 2 — 1972 — Павлова Г. И. Материалы фольклорной экспедиции 1972 г. в д. Большие Токташи Аликовского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 7 — Смирнова А. И. Материалы фольклорной экспедиции 1972 г. в д. Ермошкино Вурнарского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 10 — Трифонов П. И. Материалы фольклорной экспедиции 1972 г. в д. Хирлеппоси Аликовского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 10 — 1973 — Семенова Л. П. Материалы фольклорной экспедиции 1973 г. в д. Пояндайкино Шумерлинского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 13 — Деменцова Валентина. Материалы фольклорной экспедиции 1970 г. в д. Килидишево Ядринского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 16 — Ванюшкина Людмила. Материалы фольклорной экспедиции 1973 г. в д. Сявал-Сирма Красноармейского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 21 — Константинова Л. Н. Материалы фольклорной экспедиции 1971 г. в д. Молгачкино Шумерлинского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 33 — Разумова В. Г. Материалы фольклорной экспедиции 1972 г. в д. Шинеры Вурнарского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 43 — Пайманова Роза. Материалы фольклорной экспедиции 1973 г. в д. Чураккасы Моргаушского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 44 — Орлова А. Г. Материалы фольклорной экспедиции 1972 г. в д. Полевые Яуши Комсомольского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 8, т. 45 — Ильмендерова Галина. Материалы фольклорной экспедиции 1973 г. в д. Яраккасы Моргаушского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 10, т. 6 — Ефимова Е. А. Материалы фольклорной экспедиции 1974 г. в д. Ырашпулх Чебоксарского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 10, т. 13 — Кулькова Г. В. Материалы фольклорной экспедиции 1974 г. в д. Вурманкас-Туруново Чебоксарского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 10, т. 16 — Матвеева Э. С. Материалы фольклорной экспедиции 1974 г. в с. Анат-Киняры Чебоксарского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 10, т. 18 — Осипова С. И. Материалы фольклорной экспедиции 1974 г. в д. Ырашпулх Чебоксарского района.
 ЧНИИ, кн. пост. № 10, т. 21 — Сергеева Л. П. Материалы фольклорной экспедиции 1975 г. в д. Малое Янгорчино Цивильского района.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.

КГУ — Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского государственного университета им. Ульянова-Ленина.

Кн. пост. — книга поступлений.

ЛО ААН СССР — Ленинградское отделение архива Академии наук СССР.

ЦГА ЧАССР — Центральный государственный архив Чувашской АССР.

ЦГАЛИ СССР — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва.

ЧГУ — Материалы фольклорных экспедиций кафедры чувашской литературы Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

ЧНИИ — Научный архив Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ЧЕНЬ ВЕЙ

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКОВ АЛТАЙСКОЙ ГРУППЫ В КИТАЕ

Китай — многонациональное и многоязычное государство. В нем наряду с основным населением китайцами живут представители 55 национальных меньшинств (среди них около 15 436 204 человек говорят на разных языках алтайской группы). Из монголоязычных — это монголы, дагуры, монгоры, дунсяне, баоане, восточные югуры (шара-югуры, живущие на востоке, в уезде Сунан провинции Ганьсу), из тюркоязычных — уйгуры, казахи, киргизы, татары, узбеки, сарыг-югуры, западные югуры (шара-югуры, живущие на западе в уезде Сунан провинции Ганьсу), 5 национальностей представляют тунгусо-маньчжурские языки — маньчжуры, сибо, эвенки, ороконы, гольды.

Во все периоды истории Китая ученые разных национальностей (в том числе монгольские, уйгурские, корейские и маньчжурские), занимались различными проблемами языка и письменностей, определенное внимание уделяли и изучению особенностей алтайских языков, составлению разного рода словарей и учебников по тем или иным из них. Например, во времена династий Мин и Чин ученые составили огромный словарь «Хуа И и юй» («Сравнительный словарь китайско-национальных языков»), включающий также материалы алтайских языков; в правление династии Чин был составлен маньчжурско-тибетско-монгольско-уйгурско-китайский словарь «Учитинвэньцзянь». Все перечисленные работы представляют собой очень ценное наследие в области языковедения и культуры национальностей, проживающих в КНР.

Вместе с тем основательное изучение алтайских языков с привлечением современных методов и приемов лингвистического анализа началось сравнительно недавно — после образования Китайской Народной Республики.

В 1956 г. на основе кабинета национальных языков был создан Институт языков национальных меньшинств при Академии наук КНР. Впоследствии (1962) в целях усиления и укрепления связей национальных меньшинств на базе институтов национальных языков был организован единый Институт этнографии. Директор этого института проф. Зуунаст (монгол по национальности) занимается изучением квадратной письменности и монгорского языка. Научная деятельность первого заместителя директора проф. Ту Жункуна сосредоточивается на изучении истории национальностей, живущих на северо-западе Китая. Заместитель директора Хао Шиюнь (также монгол по национальности) занимается историей монголов.

При институте действует несколько кабинетов: кабинет языков национальных меньшинств, кабинет истории, кабинет по изучению теории

нации, кабинет этнографии и кабинет по изучению народов мира. Сотрудниками института редактируются два научных журнала — «Миьцзу яньцзю» («Изучение национальностей») и «Миьцзу юйвэнь» («Языки и письменности нацменьшинств»), выпускаемых для внутреннего пользования и для распространения за рубежом. «Миьцзу юйвэнь» — специальный научный журнал, основанный в 1979 г. (выходит 6 раз в год). Его главный редактор — известный ученый, проф. Фу Маоцзи.

Кабинет языков национальных меньшинств изучает языки и письменности нацменьшинств Китая. Заведующий кабинетом проф. Дов (монгол) работает над вопросами монголоведения и монгольской диалектологии. Наиболее известными его трудами являются «Сборники монгольских памятников в уйгурском типе» и «Краткий очерк монгольского языка». В состав кабинета входят 7 исследовательских групп, объединяющих 69 сотрудников. Группа монгольских языков в составе проф. Юи Шичана, доц. Сун Чжу, Цаганхада (монгола) и Цэцэнцогта (монгола) изучает монгольский, дагурский, монгорский, дунсянский, баоаньский и восточно-югурский языки.

Группа тюркских языков занимается главным образом тюркскими языками (уйгурским, казахским, киргизским, татарским, узбекским, западно-югурским, сарыг-югурским). В данной группе работают доц. Чень Чзунжень, доц. Линь Ляньюнь, Чжао Сяньжу, Гао Эрчан, Хашим (уйгур), Михри (уйгур) и Лей Сюаньчунь.

Группа тунгусо-маньчжурских языков изучает в основном тунгусо-маньчжурские языки (маньчжурский, сибоский, эвенкийский, ороchonский, гольдский), которые распространены в Китае. В этой группе работают доц. Ху Цзэни, доц. Ли Сулань, Ван Цинфэн, Ань Цзюнь (сибо), Цорк (эвенк).

Группа корейского языка состоит из доц. Сюань Дэу, Чжо Си, Ким Сунь-Пай (кореец).

Кроме вышеуказанного института, в Пекине алтайскими языками занимается еще Центральный институт национальных меньшинств, где работают проф. Тэмур Хамит (уйгур), проф. Ли Сэнь, проф. Гэн Ши Мин, доц. Ху Чженьхуа, доц. Вэй Цзии. Монгольские языки изучают доценты Баянтай, Насанбаяр и др.

Институт монгольских языков и письменностей при университете Внутренней Монголии в г. Хух-Хото исследует вопросы структурного анализа и описания монгольских языков, а в последние годы в его деятельности важное место занимает сравнительное изучение монгольских языков. Здесь ведут преподавательскую и исследовательскую работу известный монголист, проф. Чэнгэлтэй, проф. Чойжинжав, проф. Баосян, проф. Чэн Найсюн, доценты Бох, Шинэтгэ, Эйнхбат и др.

Некоторые исследователи монгольских языков (например, Норжин, Турген, Цзюань-Фун, Булаг и другие) работают в Институте языка и письменности Академии общественных наук. Этой же работой во Внутренне-Монгольском педагогическом университете заняты проф. Баяр, доц. Хасэрдэнь и др.

За последние годы для исследования тюркских языков многое сделали Институт языкознания Академии общественных наук Синьцзяна, Синьцзянский университет, Синьцзянский педагогический университет и другие научные учреждения. В Синьцзянском Уйгурском автономном районе над тюркскими языками работают проф. Муты, доценты Гаппарива Амина, Мурсултан Османов, Сабит, Халим, Лу Бинюн, Чин Шилиан, Турди Эхмэт и др.

При Янбинском университете, Северо-Западном национальном институте и при некоторых педагогических институтах или вузах созданы

отдельные учебные или научные учреждения по изучению алтайских языков. Например, в провинции Ляонин (в Мукдене) есть Институт маньчжурского языка. Директором этого института является проф. Цзинь Кичзун.

С первых дней образования КНР Институт языкознания Академии наук КНР не раз направлял сотрудников и научных работников в лингвистические экспедиции по изучению языков национальных меньшинств, распространенных на территории Китая.

В 1955 г. сотрудники, преподаватели и аспиранты Института языкознания и Центрального института нацменьшинств отправились во Внутреннюю Монголию, Синьцзян, провинции Ганьсу, Чинхай и другие с целью изучения монгольских и тюркских языков, а также их диалектов. Особо следует отметить активное участие в лингвистических экспедициях известного советского ученого проф. Георгия Петровича Сердюченко и монголиста Б. Х. Тодаевой, которые в те годы работали в Китае.

В 1956 г. по плану, принятому на 1-й Всекитайской научной конференции национальных языков, были организованы 7 лингвистических экспедиций по исследованию языков нацменьшинств в Китае (в составе 700 человек). Проводили эти экспедиции Институт языкознания АН КНР, Центральный институт нацменьшинств и Центральный комитет по делам национальностей. Известные ученые — тюрколог проф. Э. Р. Тенишев и монголист Б. Х. Тодаева принимали активное участие в этих экспедициях и оказали большую помощь китайским коллегам. Обширные лингвистические экспедиции были первыми в истории Китая. Советские специалисты на основании материалов, собранных во время их пребывания в Китае, подготовили монографии и статьи, которые во многом помогают китайским специалистам в изучении национальных языков КНР.

В результате полевых исследований ученые собрали богатый языковой и диалектный материал. Были описаны особенности диалектов, условия их функционирования. Материалы экспедиций могут служить хорошим подспорьем для подготовки молодых кадров языковедов для нашей страны.

В 50-х годах главная задача по изучению языков национальных меньшинств состояла в следующем: на основе анализа данных полевых исследований разработать принципы создания письменностей, а также провести реформу письма, используемого отдельными национальностями.

В 60-х годах было выдвинуто требование упорядочить и изучить те материалы, которые были собраны в 50-х годах, написать краткие обзоры, очерки, статьи и монографии, посвященные языкам и диалектам нацменьшинств. Однако после 1965 г. по известным причинам научно-исследовательская работа языковедов была прервана, и только в конце 70-х годов китайские ученые получили возможность приступить к своим исследованиям.

На основе материала, собранного в 1955—1956 гг., были подготовлены труды и статьи, вышли из печати очерки, посвященные алтайским языкам: «Краткий очерк монгольского языка» (Дов, 1983); «Краткий очерк монгорского языка» (Зуунаст, 1981); «Краткий очерк уйгурского языка» (Чжао Сяньжу, Чжу Чжинин); «Краткий очерк казахского языка» (Гэн Ши Мин, Ли Цзянсян); «Краткий очерк сарыг-югурского языка» (Линь Ляньюнь, 1985); «Краткий очерк западно-шара-югурского языка» (Чэнь Чзунчжэнь, Лэй Сюаньчунь). К печати готовятся «Краткий очерк киргизского языка», «Краткий очерк узбекского язы-

ка», «Краткий очерк татарского языка», «Краткий очерк маньчжурского языка», «Краткий очерк эвенкийского языка» и «Краткий очерк оро-чонского языка».

Помимо этого, в последние годы в области изучения алтайских языков (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также корейского) осуществлялись разного рода работы, среди которых можно отметить следующие:

I. Составление словарей.

а. По *монгольским языкам* вышли следующие словари: «Монгольско-китайский словарь» (сост. сектор монгольских языков и письменностей при университете Внутренней Монголии, 1977); «Краткий монголо-китайский словарь» (Нормажаб и др., 1980); «Словарь монгольского языка» (сопоставительный словарь монгольского языка с тодо-письменностью; Чойжинжав и др., 1979); «Краткий идиоматический словарь монгольского языка» (Педагогический институт Внутренней Монголии, 1977); «Орфоэпический словарь монгольского языка» (Бурзтогс, 1979) и другие двуязычные словари.

Среди вышедших из печати словарей особенно значительным является словарь, составленный Институтом языков и письменностей при университете Внутренней Монголии. В словаре 50 тысяч слов и выражений с более полным и точным толкованием. Обобщены результаты лексикологических работ и подытожен многолетний опыт, накопленный всеми предыдущими исследователями монгольских языков.

Из печати выходит «Большой словарь монгольских языков», составленный Сун Чжу (главный редактор), Зуунаст, Чень Най Сюн и др. В данный словарь включены широкоупотребительные слова, собранные в 16 исследовательских пунктах по 6 монгольским языкам, распространенным на территории Китая. Ко всем словам даются соответствующие им формы монгольского письменного языка (употребляемого в Китае), монгольской письменности на основе славянского алфавита (употребляемого в МНР) и китайское толкование. Всего в словаре насчитывается 20 рубрик, около 1 200 000 китайских иероглифов.

б. По *тюркским языкам* вышли следующие словари: «Большой словарь тюркского языка» (Мухэмэйд Кашкар, группа перевода редакции «Большого словаря тюркского языка», 1981); «Орфографический словарь уйгурского языка» (Комитет реформы письма, Синьцзян, 1976); «Краткий китайско-уйгурский словарь» (Синьцзянское педагогическое изд-во, 1976); «Идиоматический словарь китайско-уйгурского языка» (Комитет реформы письма, Синьцзян, 1978); «Краткий словарь уйгурско-китайского языка» (Абдусам Абасов, Фу Тинсюнь, 1980); «Уйгурско-китайский словарь» (Синьцзянский университет, 1982); «Словарь частоупотребительных слов китайского и казахского языков» (Данин, 1981); «Идиоматический китайско-казахский словарь» (отдел национальностей Центральной народной радиостанции, 1982); «Словарь словосочетаний и идиом казахского языка» (Аблаш, Нурбек, 1982. На каз. яз.); «Казахско-китайский словарь» (Цзинь Бинцзе, Кей Ин и др., 1980).

Корейский язык: «Корейско-китайский словарь» (кафедра при факультете восточных языков Пекинского университета, 1978); «Краткий корейский словарь» (Институт истории и языка Корейской Яньбянской автономной области).

II. Составление грамматик.

Монгольские языки: «Грамматика современного монгольского языка» (Чэнгэлтэй, 1980. На монг. яз.). В этой книге автор приводит 9 «Советская тюркология» № 2

ряд интересных сообщений, особенно во второй части — морфологии. Вся книга делится на 4 части: первая посвящена подробному описанию фонетики монгольского языка (с. 1—167), вторая — морфологии (с. 170—450), третья — синтаксису (с. 451—530), четвертая — словообразованию (с. 531—601); «Грамматика монгольских языков» (Педагогическое изд-во Внутренней Монголии, 1977; пер. на кит. яз.); «Сопоставление дагурского языка с монгольским» (Намсрай, Хозэрдэнь, 1983).

Тюркские языки: «Современный уйгурский язык» (Насирулла Сидик, Мамут Сабит, 1981); «Казахский язык: Фонетика» (отдел культуры и образования Казахской автономной области Или, 1975. На каз. яз.); «Краткая грамматика казахского языка» (Гиладжидин Осман, 1982).

Тунгусо-маньчжурские языки: «Грамматика маньчжурского языка» (Уласичун, 1983).

Кроме перечисленных словарей и грамматик, были выпущены и некоторые другие интересные работы и статьи, например, «Сборники по изучению языков и письменностей нацменьшинств» (главная редакция «Миньцзу Юйвэнь»/Ответ. ред. Сун Чжу и Шин Мин. Изд-во «Нация» провинции Чинхай, 1982). В сборнике — 36 статей, в том числе «Сложные согласные, переходные гласные и образование слогов в баринском говоре монгольского языка» (Дов. С. 366—384); «Императив глагола в родственных монгольских языках» (Чэнь Найсюн. С. 385—404); «Особенности хайсиского монгольского языка» (Цзя Сижун. С. 405—417); «Краткий очерк минхэского диалекта монгорского языка» (Зуунаст, Ли Кэйюй. С. 458—487); «Краткий обзор лобнорского диалекта современного уйгурского языка» (Мирсилтан Османов. С. 531—558) и др.

В 1985 г. был выпущен тематический сборник Сун Чжу по монгольским языкам. Этот труд содержит в себе следующие статьи: «Монгольские языки в Китае», «Об изучении местной фонетики чахар-монгольского языка», «Хорчинский диалект современного монгольского языка», «Краткий обзор дагурского языка», «Знаменательные слова и их формы в дунсянском языке» и др. Однако главное внимание автора данной работы обращено на монгольский язык, особенно на изучение местной фонетики чахар-монгольского языка.

Были опубликованы и некоторые другие интересные статьи, например: «Классификация монгольских диалектов в Китае» (Чэнгэлтэй, Миньцзу Юйвэнь. 1979. С. 1—2); «Вопрос о происхождении монгольской письменности (Баосян. Учен. зап. университета Внутренней Монголии. 1982. 4. С. 1—2); «Фонетическая система дагурского языка» (Энхебат. Учен. зап. университета Внутренней Монголии. 1982. 4. С. 131—174).

В последние годы в вузах Пекина и других городов из числа молодежи было подготовлено несколько кандидатов. Их научный рост будет способствовать дальнейшему развитию исследовательской работы по алтаистике в Китае.

А Н Н О Т А Ц И И

Е. АГМАНОВ. ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ТАРИХИ СИНТАКСИСІ

АЛМАТЫ: МЕКТЕП, 1986. 112 с.

Научные работы о развитии синтаксической структуры казахского языка начали появляться лишь в последние десятилетия и охватывают далеко не все аспекты данного вопроса*. В этом смысле книга Е. Агманова, посвященная истории развития словосочетаний в казахском языке,—весьма своевременна и рассматриваемая в ней проблематика актуальна.

Работа включает две главы. Первая глава посвящена эволюции различных типов именных словосочетаний: «Именные словосочетания с прилагательными», «Именные словосочетания с числительными», «Именные словосочетания с причастиями», «Именные словосочетания с существительными». В ней рассматривается также «Именное управление». Во второй главе описываются глагольные словосочетания с подчинительными компонентами в направительно-дательном, винительном, местном и исходном падежах.

Для выяснения динамики развития словосочетаний автором привлекаются материалы древне- и среднетюркских письменных памятников, а также современных тюркских языков, сопоставляемые с данными казахского языка. Автором учитывается воздействие на развитие анализируемой категории различных языковых и внеязыковых факторов.

Е. Агманов рассматривает словосочета-

ния в тесной связи с другими компонентами текста. По его мнению, те изменения, которые произошли в словосочетаниях казахского языка, в основном вызваны изменениями в лексической, морфологической и фонетической структурах языка. Так, например, глагольные словосочетания с примыкающими наречиями типа «жоғары шығу», «ілгері бару», «сыртқары отыру» и другие, как считает автор, являются результатом процесса опрощения глагольных словосочетаний с управляемыми именами (йо+ғару>жоғары, йл+геру>ілгері, сырт+қару>сыртқары).

Немаловажным фактором развития казахских словосочетаний считается действие закона экономии в языке. В книге Е. Агманова по-своему разрешен вопрос об образовании именного управления казахского языка. По его мнению, в основе образования этой конструкции лежат две различные синтаксические модели: I — слово и косвенном падеже+вспомогательный глагол; II — глагольное имя в атрибутивной функции+имя существительное в нулевой форме. На последующих этапах развития под влиянием закона экономии из состава модели первого типа выпал вспомогательный глагол, из модели второго типа—глагольное имя в атрибутивном значении, и как результат этого процесса появился новый этап в развитии словосочетаний—именное управление.

Подводя итоги анализа истории развития именного и глагольного словосочетаний в казахском языке, Е. Агманов утверждает, что так называемое «слабое глагольное и именное управление», или же «падежное примыкание», отражает тенденцию исторического процесса и представляет собой переходное явление от управления к примыканию.

Т. Сайрамбаев

* Имеются в виду следующие исследования: Кордабаев Т., Томанов М. Тарихи грамматика мәселелері. Алматы, 1985; Кордабаев Т. Р. Тарихи синтаксис мәселелері. Алматы, 1964; он же. Қазақ жазбалары тілінің синтаксисі. Алматы, 1966; Демесина Н. Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. Алма-Ата, 1974.

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФРУНЗЕ: ИЛИМ, 1986. 156 с.

Издание, посвященное 80-летию со дня рождения академика АН Киргизской ССР, доктора филологических наук, профессора И. А. Батманова, открывается статьей С. Садыкова «Ученый и педагог И. А. Батманов» (с. 3—9), где дается информация о многогранной деятельности И. А. Батманова как ученого и педагога.

Статья акад. Б. О. Орузбаевой «Принципы построения исторической грамматики киргизского языка и характеристика ее материала» (с. 9—17) является своего рода целевой программой в таком сложном и ответственном деле, как подведение итогов полувекowego изучения современного киргизского языка и его истории. Реализацию программы планируется осуществить поэтапно в течение ближайших пятилетий.

В статьях Ж. Жумалиева «Мөмө жемиштердин түрк тилдериндеги айрым аталыштары тууралуу байкоолор» («Об отдельных наименованиях плодов в тюркских языках») (с. 37—44), М. Толубаева «Кыргыз тилиндеги кээ бир соматизмдердин лексика-грамматикалык мааниси» («Лексико-грамматическое значение некоторых соматизмов в киргизском языке») (с. 45—52), Р. А. Бейбутовой «О старокиргизских военно-административных терминах» (с. 52—64) и А. Боронова «К проблеме антропонимов эпоса „Манас“» (с. 64—74) рассматриваются термины, обозначающие названия фруктов, соматизмы, военно-административные термины, антропонимы и приводятся сравнительные данные по другим, генетически весьма отдаленным от тюркского языкам типа китайского, арабского и др.

Статья Н. Сазахитдиновой «О типах киргизского языка» (с. 94—105) посвящена вопросам определения количества структурных типов слога, зависимости длительности слога и его компонентов от типа слога, его позиции в слове, определения слоговых границ в словах с консонантными сочетаниями. Статья построена на данных осциллографического и статистического анализов.

Ш. Жапаров в статье «Фонетический состав киргизских антропонимов» (с. 147—154) рассматривает сходства и различия киргизских антропонимов и антропонимов, зафиксированных в памятниках древнетюркской письменности.

К. Токтоналиев в статье «Из истории изучения интонации в тюркских языках» (с. 120—129) анализирует состояние и перспективы изучения интонационной структуры тюркских языков и справедливо приходит к выводу о плодотворности использования экспериментально-фонетических методов в разрешении спорных вопросов тюркской интонуологии.

Статья В. А. Никонова «Киргизское К» (с. 79—89) посвящена одному из спорных вопросов киргизской фонетики и орфографии, а именно определению научной обоснованности пополнения системы алфавита буквой для обозначения увулярного глухого согласного. Для обозначения киргизского К В. А. Никонов предлагает использовать латинское «q», ибо «кь не годится из-за лишней буквы, кудрявое к „с усиком“ в печати неотлично от к». Отличительной особенностью данной публикации является то, что содержащиеся в ней теоретические выкладки и выводы тщательно подкреплены данными, полученными самим автором.

В статье С. Мусаева «К вопросу о сложном предложении в киргизском языке» (с. 105—113) природа сложных предложений рассматривается в свете достижений тюркологической традиции и русистики. Статья Т. Токоева «Багыныкы татаал сүйлөмдөрдүн түзүлүшүндөгү өзгөчөлүктөргө карата» («Относительно особенностей в структуре сложноподчиненных предложений») (с. 138—147) посвящена изучению так называемого явления парцелляции в составе сложноподчиненных предложений. Это же явление, но уже с позиций стилистики художественного текста рассматривается в статье Т. Аширбаева «Стилистикадагы бир өзгөчөлүк жөнүндө» («Об одной особенности в стилистике») (с. 113—120).

В статье К. Сейдакматова «Палиндромдор» (с. 89—94) представлен богатый фактический материал, составленный из слов, которые допускают тождественное чтение в прямом и обратном порядках.

Т. Садыков в статье «О сегментации падежных форм местоимений в киргизском языке» (с. 129—138) рассматривает вопрос определения границ основы (корня) и аффикса в падежных формах местоимений. На основе данных анализа и их типологических соответствий автор приходит к выводу о наличии в киргизском языке только двух типов склонения — простого (тривиального) и непростого (нетривиального). По его мнению, единственным морфологическим признаком, отличающим простой тип склонения от непростого, является утрата анлаута аффиксов род., вин. и дат. падежей.

В статье Т. К. Ахматова «О заимствовании полисемантических слов» (с. 17—27), исходя из конкретного фактического материала, указываются пути заимствования полисемантических слов в киргизском языке. Статья Ш. К. Марданова «Русские кальки в узбекском литературном языке» (с. 74—79) посвящена анализу русских

калек, вошедших в литературную норму узбекского языка. В статье Ж. Мамытова «Көркөм адабияттагы диалектизмдер жөнүндө» («О диалектизмах в художественной литературе») (с. 28—36) освещаются

вопросы, связанные с особенностями функционирования диалектных средств в текстах художественной литературы.

Т. Садыков

Н. АВАЗБАЕВ. СТРУКТУРА СЛОГА В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

ТАШКЕНТ: ФАН, 1986. 106 с.

Основная цель исследования заключается в том, чтобы выявить (на основе предложенных автором критериев) как общие для индоевропейских и тюркских языков, так и специфические для каждой семьи языков особенности фонотактической структуры слога вообще (слоговых типов и сочетаний согласных) и канонической формы односложного слова — в частности.

В целях типологического сопоставления собран и обработан материал четырех индоевропейских (немецкого, английского, русского, французского) и пяти тюркских (узбекского, казахского, каракалпакского, киргизского, туркменского) языков, а также результаты исследований отечественных и зарубежных специалистов по другим (до 21) языкам.

Излагая существующие точки зрения на проблему слога, автор указывает на важность решения таких вопросов, как языковая сущность и функции слога, соотношение слога и других языковых единиц (слога и морфемы, слога и слова, слога и предложения), собственно фонетические (артикуляторно-физиологические, акустические, перцептивные) корреляты слога, границы слога и т. д. При этом соотношение слога и других лингвистических единиц, а также проблема слога рассматриваются им на основании собственной оригинальной точки зрения.

Автор считает, что структурные и статистические особенности слоговых типов и сочетаний согласных в сравниваемых языках зависят как от фонологических факторов, так и от морфемного состава и преобладающего морфологического типа в указанных языках.

При типологическом описании слоговых структур особое внимание уделяется двум использованным следующим критериям: 1) наличие неслогообразующих фонем (согласных) относительно слогаобразующей гласной и 2) количеству фонем в слове. Для сравнения типов и классов слогов использованы следующие критерии: 1) наличие или отсутствие данного типа или класса в том или ином языке, языковой группе или семье языков; 2) полнота слоговых типов или классов слогов; 3) их частотность; 4) длина слова; 5) консонантный коэффициент; 6) соотношение открытых и закрытых слогов; 7) глубина слова. Абсо-

лютные (полные) и статистические (неполные) универсалии дифференцируются на языковые (в словаре) и речевые (в тексте). Понимание универсалий соответствует определению, принятому в отечественной лингвистике (Б. А. Серебренников, В. Н. Ярцева, Ю. В. Рождественский и др.).

Типологический анализ сочетаний согласных произведен исходя из совокупности признаков: 1) коэффициента полноты сочетаний; 2) наличия или отсутствия данной структуры сочетания в конкретном языке, т. е. структурного (дихотомического) критерия; 3) лексической мощности и частотности употребления в словаре текста, т. е. статистического критерия; 4) коэффициента внутренней симметричности начальной и конечной систем; 5) коэффициента взаимной симметричности начальной и конечной систем; 6) коэффициента сходства начальной и конечной систем; 7) степени примыкания отдельных согласных к ядерному гласному. По этим признакам проанализировано пять индоевропейских и пять тюркских языков.

Результаты исследования в основном подтвердили рабочую гипотезу автора. Так, выявлено, что типы слогов и их разнообразие зависят в первую очередь от морфологической структуры односложных слов. Индоевропейские языки, кроме таджикского, характеризуются наличием как начальных, так и конечных систем сочетаний согласных. Однако степень такого наличия у них неодинакова, что, безусловно, влияет на структуру типов слогов в односложных словах.

Индоевропейские и тюркские языки, как установлено автором, отличаются не только количеством сравниваемых явлений, но и качественным составом (длиной слова, его глубиной, характером компонентов слоговых типов, наличием или отсутствием начальных или конечных консонантных сочетаний). Индоевропейским языкам присуще большое количество сочетаний согласных, большой консонантный коэффициент, что объясняется морфологическим типом этих языков.

*А. Ходжиев, М. Саттаров,
М. Джусупов*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ШЕСТЫЕ МАЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

18—19 июня 1987 г. в г. Алма-Ате проходила встреча уйгуроведов страны — «Маловские чтения», организованная Советским комитетом тюркологов и Институтом уйгуроведения АН Казахской ССР.

Во вступительном слове директора института Г. Садвакасова отмечалось, что за последнее время издан ряд работ по языку, литературе и искусству, истории и этнографии уйгуров, накоплен значительный фактический материал для дальнейших научных исследований.

В «Маловских чтениях», работа которых проходила в трех секциях — «Языкознание», «Литературоведение и искусствоведение», «История и этнография», приняли участие свыше 60 человек.

На первом пленарном заседании с воспоминаниями о С. Е. Малове выступили С. Кенесбаев, А. Кайдаров (Алма-Ата), Е. И. Убрятова (Новосибирск), И. Исмаилов (Ташкент).

Были заслушаны доклады: «Древнетюркская и древнеуйгурская культура в свете древнейших тюркских текстов» (С. Кляшторный, Ленинград), «О состоянии литературного источниковедения в Узбекистане» (С. Каюмов, Ташкент), «Вопросы языковой ситуации в уйгурском государстве X—XIII вв.» (Д. Насилов, Ленинград). «Прочтение и перевод уйгурского текста на памятнике „Алтынколь“» (Р. Тарасенко, Москва), «Изучение „Кутадгу билиг“ в СУАР КНР» (С. Моллаудов, Алма-Ата), «Изучение Махмуда Кашгари и его наследия в СУАР КНР» (Ш. Кибиров, Алма-Ата).

На втором пленарном заседании были прочтены доклады: «Просветительство как течение уйгурской общественной мысли 20—30-х гг. XX в. в Синьцзяне» (А. Нарынбаев, Фрунзе), «Формационная природа восточно-тюркестанской цивилизации эпохи средневековья» (Н. Масанов, Алма-Ата), «Об историко-культурном районировании территорий, заселенных уйгурами в Восточном Туркестане в конце XIX — нач.

XX в.» (Л. Чвырь, Москва), «О шаманстве у уйгуров» (Д. Иснев, Алма-Ата), «Некоторые данные к одонтологии уйгуров Семиречья» (О. Исмагулов, Алма-Ата), «Современные задачи изучения 12 уйгурских мукамов» (А. Хашимов, Ташкент), «Легендарен ли образ Фархата?» (А. Ахатбакиев, Алма-Ата).

В работе секции «Языкознание» (председатель Г. Садвакасов) приняли участие 17 человек. Было заслушано 8 докладов и сообщений. И. Исмаилов (Ташкент) в докладе «Лексические параллели в огузском (туркменском) и уйгурском языках» исследовал в историческом аспекте взаимовлияние этих языков.

Выступления Ч. Гусейнзаде (Баку) и В. Махпирова (Алма-Ата) были посвящены проблемам уйгурской исторической антропологии.

В докладе «Вопросительно-местоименные конструкции в хамийских текстах С. Е. Малова» С. Абдуллаев (Пржевальск) рассмотрел специальные вопросительно-местоименные формы типа «немэ килгили» и выявил, что эти формы в литературном языке не отмечаются и способствуют выделению в самом литературном языке особого аналогичного подкласса вопросительно-местоименных конструкций, таких, как «қандақ қилғанда», «қандақ қилип», «немэ дэп» и др.

В докладе Т. Талипова и М. Юнусовой «К объяснению изменений в фонетике и грамматике с позиции „экономии“ в языке» некоторые спорные вопросы фонетики и грамматики уйгурского языка пересматриваются с точки зрения действия известного в языкознании закона экономии в употреблении языковых средств.

И. Иминов (Алма-Ата) посвятил свое выступление проблеме системного описания лексики уйгурских юридических документов XI—XII вв. и отметил, что решение данной проблемы позволит определить приблизительное время создания изучаемых памятников, а также осветить некоторые во-

просы развития древнеуйгурского литературного языка.

Влияние русского языка на формирование уйгурской филологической терминологии было рассмотрено в выступлении Г. Семятовой (Алма-Ата).

Этимологии некоторых фразеологических сочетаний в уйгурском языке посвятил свое сообщение О. Жамалдинов (Алма-Ата).

В секции «Литература и искусство уйгуров» (председатель М. Абдрахманов) было заслушано 12 докладов по проблемам литературы (советского и дореволюционного периодов), театрального и музыкального искусства, фольклора уйгуров и других тюркоязычных народов.

Уникальность фольклорных материалов зарубежных уйгуров, собранных и опубликованных С. Е. Маловым, отметила М. Алиева (Алма-Ата) в докладе «С. Е. Малов и уйгурской фольклор».

А. Баудунов (Фрунзе) в своем выступлении остановился на социальной направленности произведений уйгурских поэтов первой половины XIX в. — М. С. Зелиди, Х. Д. Арши, М. С. Кашгари, А. Низари, Назугум, Т. Гариби, Н. Зияи.

О традиционных связях узбекской и уйгурской литератур, об их развитии в современных условиях рассказала П. Сабитова (Алма-Ата).

Н. Рахманов (Ташкент) посвятил свой доклад проблеме взаимосвязи древнетюркских памятников и тюркских эпосов, указав на значительную роль фольклора в формировании памятников письменной литературы. По мнению докладчика, общность сюжетов и деталей, мотивов подтверждает, что в эпоху дописьменной литературы обрядовый фольклор играл основную роль.

И. Сайдуллаев (Алма-Ата) раскрыл идейную направленность поэтического и прозаического наследия С. Кашгари.

Стихотворные размеры уйгурских народных песен — кошаков стали предметом выступления М. Абдрахманова (Алма-Ата), отметившего, что уйгурские кошаки написаны не только в традиционном метре «бармак», но и классическим арузом.

Неординарную интерпретацию идейного содержания тюркоязычного литературного памятника XI в. «Кутадгу билиг» предложил К. Талипов (Алма-Ата) в докладе «К вопросу об историко-культурных истоках „Кутадгу билиг“». По мнению докладчика, дастан Юсуфа Хас Хаджила не носит отвлеченный этико-дидактический характер; Хаджип не был проповедником догм ислама, а в силу условий времени облекал свои гуманистические, патриотические идеи в форму религиозных канонов.

Х. Ахметова (Алма-Ата) затронула вопрос о состоянии развития литературы для детей, а Д. Касимова (Алма-Ата) рассказала о художественном переводе уйгурской литературы на русский язык.

А. Кадыров (Алма-Ата) в выступлении «Казахско-уйгурские театральные связи»

подчеркнул сходство тенденций в развитии не только казахского и уйгурского, но и других национальных театров, процесс становления которых относится к послеоктябрьскому периоду.

А. Шкловская (Алма-Ата) в докладе «Особенности ладоинтонационного строя уйгурской народной песни» осветила закономерности интонирования интервалов приемы и секунды в уйгурской мелодии.

Особенности преломления аруза в уйгурском мукаме были рассмотрены в выступлении Т. Алибакиевой (Алма-Ата).

На заседаниях секции «История и этнография» (председатель Г. Исхаков) было заслушано 10 докладов.

В. Кузнецов (Москва) в своем сообщении «Ислам в Китае» рассказал о роли ислама в Китае, в частности в Синьцзяне, проанализировав современную социальную ситуацию в национальных районах Китая.

В сообщении Р. Нерснова (Москва) «О тенденциях в социальном развитии национальных районов Китая» говорилось о необходимости подхода к исследовательским задачам с позиций нового мышления, в частности, нужно учитывать сегодняшнюю социально-экономическую ситуацию в КНР.

В сообщении Г. Исхакова (Алма-Ата) «С. Е. Малов и этнография уйгуров» было обращено внимание на те проблемы, которые осветил С. Е. Малов, — формы семьи, шаманство, происхождение различных этнических групп желтых уйгуров.

В сообщении К. Хафизовой (Алма-Ата) «Западный край» (Сиюй) в китайских источниках 18—19 вв.» сделана попытка раскрыть содержание термина «Сиюй» в различные исторические периоды в географическом, историческом и политическом аспектах.

Сообщения Г. Баратовой «Социальная структура уйгурского населения Семиречья в конце XIX — нач. XX в.», Р. Каримовой «Ювелирное искусство уйгуров», Р. Ходжаевой «Сравнительная характеристика лица у уйгуров» были посвящены социальной структуре уйгуров Семиречья и их материальной культуре. Было акцентировано внимание на закономерностях социальной дифференциации уйгурского населения и особенностях указанных элементов материальной культуры.

В выступлении А. Кадырбаева «Уйгуры в эпоху монгольского нашествия. Первая половина XIII в.» говорилось о статусе уйгурского идикута, добровольно принявшего зависимость от Чингисхана.

В сообщении А. Сабитова (Алма-Ата) «Малонизвестный арабский источник о переселении токуз-огузов в Таримский бассейн» рассмотрены некоторые вопросы, связанные с переселением части токуз-огузских племен в составе ягма в оазисы Восточного Туркестана в середине VIII в. после образования Уйгурского каганата (744—840 гг.). На основе анализа сведений из мусульманских источников, древнеуйгур-

ских письменных памятников и китайских хроник автор попытался проследить продвижение тогуз-огузских племен в Таримский бассейн задолго до крушения государства уйгуров на Орхоне.

Л. Чвырь (Москва) в своем выступлении отметил, что важной чертой разворачивающейся работы по изучению этнографии уйгуров должно быть выполнение одного из научных заветов С. Е. Малова: постоянное сочетание общего, широкого взгляда на ту или иную проблему и конкретного, тщательного, скрупулезного ее исследования.

Всестороннее, глубокое изучение традиционной этнографии советских уйгуров, а также исследование этнокультурных процессов в Казахстане за годы Советской власти — актуальные и перспективные направления современного уйгуроведения.

Участники «Маловских чтений» в своих выступлениях подчеркнули необходимость дальнейшего развития уйгуроведческих исследований и регулярной организации встречи тюркологов и уйгуроведов в рамках «Маловских чтений».

Г. Исхаков, Г. Семятова

PERSONALIA

ГАЙСА БАТЫРГАРЕЕВИЧ ХУСАИНОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Научно-исследовательская и литературная деятельность видного ученого-филолога и писателя Гайсы Хусайнова тесно связана с развитием башкирского литературоведения и литературной критики Башкирии 50—80-х годов.

Г. Б. Хусайнов родился в деревне Утяганово Кармаскалинского района Башкирской АССР. В 1947—1951 гг. был студентом факультета языка и литературы Башкирского педагогического института. По окончании института (1951—1954) был аспирантом Института мировой литературы им. Горького АН СССР. С 1954 г. после защиты кандидатской диссертации он работает научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР, с 1965 г. — заведует отделом литературы этого института.

За годы научной деятельности Г. Б. Хусайнов внес большой вклад в изучение истории и теории башкирской литературы. Его монография о жизни и творчестве

Сайфи Кудаша имеет большое значение для развития всего башкирского литературоведения, так как является первым опытом широкого монографического изучения творчества видных башкирских писателей.

Результатом многолетних исследований явились монографии Г. Б. Хусайнова о жизни и творчестве башкирского писателя Даута Юлтыя, народных поэтов Башкирии Рашита Нигмати и Мустая Карима. «История башкирской советской литературы», одним из авторов и редактором которой является Г. Б. Хусайнов (в 1967 г. вышла в г. Уфе и в 1977 г. — в г. Москве), стала важной вехой в изучении эстетического развития башкирского народа за последние годы.

Значительным вкладом в литературоведение можно считать обобщающий труд Г. Б. Хусайнова «Пути развития башкирской советской поэзии» (1968), посвященный проблемам возникновения и формирования метода социалистического реализма.

За книгу «Эпоха. Литература. Писатель» (1978) Г. Б. Хусайнов удостоен республиканской премии им. Салавата Юлаева.

Получила высокую оценку в республиканской и центральной печати его монография «Башкирская советская поэзия», вышедшая в 1983 г.

Литературоведческую работу Г. Б. Хусайнов тесно сочетает с литературно-критической деятельностью. На протяжении тридцати лет он постоянно выступает в печати со статьями по актуальным вопросам современной литературы.

Своеобразной по форме, глубокой и увлекательной по содержанию является книга Г. Б. Хусайнова «Поэты» (1981), мастерски воссоздающая портреты более двадцати современных башкирских поэтов разных поколений.

Г. Б. Хусайнов — ученый широкого профиля. Он занимается вопросами фольклористики, языкознания, археографии и текстологии. Он является одним из ответственных редакторов и членом редколлегии многотомного издания «Башкирское народ-

ное творчество», членом редколлегии «Толкового словаря башкирского языка», при его участии выявлен и собран богатый рукописный и старопечатный материал (около двух тысяч единиц), имеющий большую ценность для дальнейшего изучения истории духовной культуры народа.

Интересным явлением в современной башкирской литературе стала историческая проза Г. Б. Хусаинова — «Сказание об Аллар-батыре», «Рудокоп Исмагил», «Фельдмаршал Пугачева».

Г. Б. Хусаинов много внимания уде-

ляет подготовке научных кадров. Под его руководством и при его непосредственном участии более десяти человек успешно защитили кандидатские и докторские диссертации.

В 1976 г. доктору филологических наук, профессору Г. Б. Хусаинову присвоено звание заслуженного деятеля науки Башкирской АССР. За плодотворную научную и общественную работу он награжден орденом Дружбы народов.

Р. Бикбаев

С О Д Е Р Ж А Н И Е

К. М. Мусаев (Москва). Ленинские заветы и развитие тюркских языков в СССР	3
СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА	
И. Х. Ахматов (Нальчик). Полипредикативные конструкции с субъектными оборотами в тюркских языках	24
Ю. В. Шека (Москва). Связь текста посредством нулевого члена и некоторые типы асиндетических сложноподчиненных предложений в турецкой разговорной речи	33
ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА	
В. М. Кулиев (Баку). Г. Тукай и азербайджанская литературно-общественная мысль начала XX века	43
Н. Геюшов (Баку). Символ любви у Джалаладдина Руми и Мухаммеда Физули	51
Э. Толгуров (Нальчик). Роль традиций в развитии прозы Северного Кавказа	63
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Д. М. Насилов (Ленинград). Некоторые проблемы тюркской диахронической морфологии и языковые особенности древнетюркских памятников	70
И. Г. Галяутдинов (Казань). История литературного языка как саморазвитие системы (общеметодологические проблемы)	75
ОНОМАСТИКА	
И. Г. Добродомов (Москва). Оскол	81
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
В. Г. Гузев, Р. Г. Пиотровский, А. М. Щербак (Ленинград). О создании машинного фонда тюркских языков	92
М. Г. Мамедова (Баку). Автоматизированный анализ и коррекция терминологических словарей (на материале словаря лингвистических терминов азербайджанского языка)	102
НАСЛЕДИЕ	
А. К. Салмин (Чебоксары). Чувашские сказки о паттырах: источники, списки	115
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
ОБЗОРЫ	
Чень Вей (Москва). Краткий обзор исследований языков алтайской группы в Китае	126
АННОТАЦИИ	
Т. Сайрамбаев (Алма-Ата). Е. Агманов. Қазақ тілінің тарихи синтаксисі	131
Т. Садыков (Фрунзе). Тюркологические исследования	132
А. Ходжиев, М. Саттаров, М. Джусупов (Ташкент). Н. Авазбаев. Структура слова в языках различных типов	133
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Г. Исхаков, Г. Семятова (Алма-Ата). Шестые маловские чтения	134
PERSONALIA	
Р. Бикбаев (Уфа). Гайса Батыргареевич Хусаинов	137

C O N T E N T S

<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). Lenin's behests and the development of the turkic languages in the USSR	3
STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE	
<i>I. Kh. Akhmatov</i> (Nalchick). Semi-predicative constructions with the subjective phrases turkic languages	24
<i>Yu. V. Scheka</i> (Moscow). Binding of text by means of the zero member and some types of the asyndetic compound sentence in the Turkish spoken language	33
FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE.	
<i>V. M. Kuliyeu</i> (Baku). G. Tukai and the Azerbaijanian literary-social ideas at the beginning of XX c.	43
<i>N. Geyushov</i> (Baku). The symbol of love in the works of Jalaladdin Rumi and Mahammad Fizuli	51
<i>Z. Tolgurov</i> (Nalchick). The role of tradition in the development of the Northern Caucasian prose	63
DISCUSSIONS	
<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad). Some problems of the turkic diachronic morphology and language peculiarities of the ancient turkic monuments	70
<i>I. G. Galyautdinov</i> (Kazan). History of the literary language as the development of the system (general methodical problems)	75
ONOMASTICS	
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). Oskol	81
MATERIALS AND REPORTS	
<i>V. G. Guzev, R. G. Piotrovsky, A. M. Scherbak</i> (Leningrad). On the forming of the turkic languages machine fund	92
<i>M. G. Mamedova</i> (Baku). Automate analysis and correction of the terminological dictionaries (on the material of the dictionary of linguistic terms of Azerbaijani)	102
HERITAGE	
<i>A. K. Salmin</i> (Cheboksary). Chuvash tales of pattyrs: sources, lists	115
CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY	
SURVEYS	
<i>Chen Vei</i> (Moscow). A brief review of study of the Altaic group languages in China	126
ANNOTATIONS	
<i>T. Sairambayev</i> (Alma-Ata). Е. Агманов. Қазақ тілінің тарихи синтаксисі	131
<i>T. Sadykov</i> (Frunze). Тюркологические исследования	132
<i>A. Khojiyev, M. Sattarov, M. Jusupov</i> (Tashkent). Н. Авазбаев. Структура слога в языках различных типов	133
SCIENTIFIC LIFE	
<i>G. Iskhakov, G. Semyatova</i> (Alma-Ata). The 6 th Malov readings	134
PERSONALIA	
<i>R. Bikbayev</i> (Ufa). Gaisa Batyrgareevich Khusainov	137

© «Советская тюркология», 1988 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры: *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 24.02.88 г. Подписано к печати 27.06.88 г. ФГ 05051. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 1832. Тираж 2565. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.